

Международный издательский центр
«Этносоциум»

С.В. Бирюков, Е.Л. Рябова

ГЕРМАНИЯ И ФРАНЦИЯ В ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЕ

Москва 2016

Рецензенты:

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, главный редактор гумбольдтовского журнала «Россия и Германия».

Нугманова К.Ж., доктор политических наук, профессор, Ученый секретарь Центра военно-стратегических исследований.

Терехов О.Э., доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета.

Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Германия и Франция

в объединенной Европе: Монография. – М.:

Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 250 с.

Монография С. В. Бирюкова и Е. Л. Рябовой «Германия и Франция в объединенной Европе» посвящена анализу проблемы становления и развития Европейского Союза как качественно нового политического и экономического объединения. Отдельно авторами рассматриваются проблемы современного «кризиса еврозоны», которые увязываются ими с определенными проблемами в функционировании общеевропейских институтов и механизмов. Проблемы развития современного Евросоюза рассматриваются авторами монографии через призму политических значимых политических событий, происходящих сегодня в странах-лидерах объединения – Германии и Франции. Анализируется современное и возможное будущее влияние Берлина и Парижа на определение перспектив и стратегии развития Евросоюза. Анализ современных проблем развития обоих государств дополнен анализом их предшествующего исторического и культурного опыта, наследия их политической мысли. В рамках своего исследования С. В. Бирюков и Е. Л. Рябова затрагивают проблемы изменения общеевропейских ценностей и институтов, проблему конструирования качественно новой общеевропейской идентичности, проблему преодоления дисбалансов в социально-экономическом развитии ведущих стран Евросоюза и др. Проблемы развития стран ЕС рассматриваются ими в контексте проблем политического и социально-экономического развития современной России.

Авторам монографии предлагают читателям собственное видение перспектив развития двух ведущих европейских государств, формулируют и обосновывают собственный прогноз относительно политического будущего Европейского Союза в целом.

Переиздание 2016-ого года.

© Бирюков С.В., Рябова Е.Л., 2016.

© Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.

Содержание

Глава 1.

Германия: исторические рефлексии и проблемы современности.....	4
---	---

Глава 2.

Франция: «системный кризис» и «поиски себя».....	74
--	----

Глава 3.

«Германо-французский тандем»: от исторических споров к стратегическому партнерству.....	184
---	-----

Используемая литература.....	245
-------------------------------------	------------

ГЛАВА 1.

ГЕРМАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

«Уроки немецкого»: культурная матрица немецких успехов

Оставив в стороне традиционное в этом случае восхищение немецкими дорогами, немецким качеством, немецким порядком, немецкой аккуратностью, хотелось бы сосредоточиться на главных вопросах. Вопросы эти — о причинах жизненной силы немецкого народа, который уже не раз в своей истории, пережив войны, модернизационные катастрофы и тяжелейшие военно-политические и моральные поражения, неизменно восстанавливал заново общество, экономику и государство.

По мнению автора, речь в данном случае может идти о трех основных составляющих «немецкой жизненной силы»:

1) **Культурная матрица**, основой которой является немецкий язык, исполняющий роль стержня культуры и самосознания.

Немцы, объединившиеся в единое государство только в 1871 году при Бисмарке, смогли сохранить прочную национальную идентичность. Она позволяла им в течение многих веков сохранять потенциал нациестроительства, и в довольно короткий срок стать политической нацией, история которой драматически прервалась в 1945 году. Фашизм был результатом «перегрева» процессов модернизации и строительства национального государства, а также следствием нескольких «надломов» национального самосознания, в числе которых Реформация, Тридцатилетняя война, наполеоновская оккупация, поражение в Первой мировой войне и глубокий кризис Веймарской республики.

Именно «культурная матрица» позволила быстро восстановить Германию после катастрофического поражения и моральной аннигиляции во Второй мировой войне (собственно, именно ей и обязан самой своей возможностью «феномен Аденауэра»). Данная матрица показала свою жизнестойкость и способность воспроизводиться, вполне гармонично сосуществуя с официально принятой моделью «конституционного патриотизма» (благодаря чему немецкое общество является либеральным по форме, но консервативным по своему ценностному содержанию). Она оказалась весьма устойчивой к вызовам глобализации и экспансии «мультикультурализма», особенно в сравнении с французской моделью «государства-нации», переживающей сегодня глубокий кризис вследствие экспансии инокультурных элементов

(«внутреннего пролетариата»), грозящей разрушить само «культурное ядро» французской нации.

В случае с Германией «культурная матрица» выступает в роли «страховочного механизма», позволяющего инкорпорировать в немецкое общество инокультурные элементы путем усвоения ими немецкой идентичности через язык и культуру, которые целенаправленно поддерживаются государством. Достаточно вспомнить об официально принятой концепции *Leitkultur* и подходе, согласно которому **далеко не каждый родившийся в Германии может считаться немцем**. Равно как и о **принципиальном отказе Германии от введения института «двойного гражданства»** (в отличие от США и Франции), что является поддерживающим аккумуляцию механизм.

2) **Механизм корпоративной солидарности и самоорганизации снизу**, начиная с низовых ячеек общества (с этим напрямую связан присущий немцам корпоративный тип солидарности). Благодаря этому немецкое общество не оказалось атомизированным после многочисленных «катастроф» и потрясений, достаточно быстро восстанавливая «социальный капитал» и экономический потенциал. На этот механизм вполне успешно накладываются **механизмы правового и социального государства**, приобретающие под его влиянием характерный немецкий облик и устойчивый социальный фундамент.

3) Характерный **механизм сотрудничества государства и общества**, формирующий особую немецкую модель гражданского общества, которое тесно переплетается с государством, но не поглощается им. В соответствии с этой моделью *«государство заботится о гражданах — граждане поддерживают государственный порядок на микроуровне и сохраняют лояльность общегосударственному порядку»*. Как можно предположить, именно эту немецкую модель имел в виду Александр Зиновьев, заявивший в одном из интервью о том, что *«западному человеку не нужны царь и жандармы, поскольку они находятся у него в голове»*. Данный механизм успешно уживается с немецкой конституционно-правовой и политической моделью, придавая ей специфические черты и одновременно являясь залогом ее прочности и воспроизводимости на протяжении длительного пути исторического развития Германии.

Главное, на взгляд автора, состоит все же в другом. Немцы, будучи разделенными на два государства, продолжали руководствоваться определенными идеями и ценностями (западные — идеей объединения Германии и возвращения на мировую арену в качестве полноценной державы, восточные — реализацией «проекта ГДР» как модели немецкого социалистического государства, воплотившего в себе, в том числе, и прусскую политическую традицию). И те, и другие подтвер-

дили при этом старую истину о том, что **право судить свое отечество имеет только тот, кто за него боролся.**

Как же выглядит на фоне немецкого опыта Россия?

С сокрушением следует признать, что в то время как Германия успешно поднималась из руин Второй мировой войны и становилась лишь сильнее с учетом усвоенных ею уроков, Россия, пережив колоссальное перенапряжение сил в годы войны и послевоенного восстановления, создала собственный вариант потребительского общества, не отягощенного никакими реальными долгосрочными ценностями и ориентирами, постепенно превратившегося в аморфную и управляемую массу.

В сравнении с историческим опытом Германии достаточно показательным выглядит опыт России. Советский «потребительский социализм», как один из результатов форсированной модернизации, своим торжеством, пришедшимся на годы приснопамятного «застоя», разрушил у общества последние идейные основания того, что можно было бы с известной условностью назвать «советским» или даже «русским проектом». Борьбаться за что-либо, преследовать какие-либо долгосрочные цели помимо текущего меркантильного интереса атомизированные позднесоветское и ранне-российское общества оказались попросту неспособны.

Советская интеллигенция — продукт «культурной революции» первой XX века — оказалась не элитным слоем, способным осуществить национальную модернизацию, а все тем же аморфным образованием, презиравшим собственный народ (пресловутых «совков»). Интеллигенция стремилась любой ценой сохранить материальный комфорт и была готова за это обслуживать власть, оперируя некоторыми востребованными на официальном уровне «идеологемами», имеющими мало общего с проблемами реальной жизни страны.

Неслучайно, вскоре после объединения Германии СССР (как бы ни оценивать это событие и механизмы его реализации) в силу масштабного системного кризиса пришел к своему распаду. В августе 1991 года не оказалось героев, готовых его защищать. В итоге обывательская «мышь» съела имперскую «гору».

Дальнейшие параллели выглядят еще более интересными.

В Германии, пережившей целый ряд «трансформационных шоков» на рубеже XX-XXI вв., сегодня наблюдается рост национального самосознания (в рамках усвоенной после Второй мировой войны политической и идеологической модели), связанный в том числе с постепенным ослаблением американского влияния и осознания своей «европейской миссии».

В России нынешний «государственный патриотизм» пока не имеет прочной ценностной основы и прочных «корней» в обществе, а явля-

ется по преимуществу «дорефлексивной» реакцией очень условного и зыбкого «здорового большинства» на потрясения 1990-х; с подобной «идеологией» можно выживать в условиях относительной стабильности, но строить сильную нацию и динамично развиваться с ней невозможно в принципе.

Итак, современная Германия являет собой яркий пример того, как вполне успешно могут сочетаться между собой идея сильного государства, национальная идентичность и способность реализовывать модернизационные стратегии в ответ на вызовы «глобального мира». В современной же России, к глубокому сожалению автора, формальное укрепление государственности не подкрепляется подлинным национальным подъемом, а модернизационные импульсы гаснут в тенетах всемогущей государственной бюрократии.

Немецкий патриотизм, начинаясь с уровня индивидуального быденного сознания, будучи подкрепленным корпоративным духом, на высшей своей стадии дорастает до государственного уровня.

Русский патриотизм, связанный с осознанием трагичности национальной судьбы, разбивается об аморфность общества, мелкотравчатый эгоизм отдельных социальных «актеров» и непреодолимую стену бюрократического отчуждения.

И если Германия медленно, но верно идет к реализации осмысленных и сформулированных ею задач, то Россия в очередной раз оказывается похожей на сказочную Жар-птицу, не способную взлететь из-за «невыносимой легкости» русского национального бытия.

И что же делать в этой ситуации всем тем, кто думает о России, и понимает, что механическое копирование чужого опыта никогда не ведет к успеху?

По мнению автора **русский патриотизм останется слабой идеей, пока не прорастет до уровня быденного сознания, повседневной жизни российского народа**, пока не сможет опереться на некоторый условный стержень, способный побудить нацию жить, а не выживать.

Немецкая модель, основанная на принципах государственной лояльности, культурной консолидации и корпоративной солидарности такое «прорастание» обеспечивает. **Для России вряд ли возможно копировать немецкий опыт, но учесть его — необходимо.** Ибо вызовы изнутри и извне нарастают, а государственный и общественный «организмы» России, как и прежде, находятся в бесформенном и неустойчивом состоянии.

Бисмарк: невыученные уроки истории?

В статье рассказывается о политической биографии выдающегося

германского дипломата, военного стратега и политического деятеля Отто фон Бисмарка. Оцениваются его роль и место в политической истории Германии и Европы, а также его отношение к России в контексте политической истории обоих государств.

Современное состояние отношений России и Германии невольно побуждает обратиться к опыту истории. Особое значение в этой связи имеют фигуры политических деятелей, оставивших значительный след в жизни обеих государств и народов. В этой связи особенно примечательным является один из недавно прошедших юбилеев. 1 апреля 1815 года в замке Шонхаузен под Магдебургом родился Отто фон Бисмарк – государственный и политический деятель, ставший одной из центральных фигур германской политической истории XIX века со всеми ее проблемами, противоречиями и драматическими последствиями. Его поистине незаурядные политические достижения позволили добиться признания современников. «Деятель одной цели» (Гегель) сочетал в своем характере политическую интуицию, талант тактика и твердую волю, расчетливость и невероятную целеустремленность.

Будучи масштабной личностью, Бисмарк проявил себя во всех сферах деятельности. Видный прусский дипломат (1851-1862), министр иностранных дел Пруссии (1862-1890), министр-президент Пруссии (1873-1890), канцлер Северогерманского союза (1867-1871), и затем – рейхсканцлер (1871-1890), «железом и кровью» скрепивший Германию после многих веков раздробленности. Политический и военный деятель, позволивший Пруссии возобладать над внутригерманскими и внешними конкурентами, и фактически построивший страну по лекалам «малогерманского проекта», исключаяющего извечного конкурента Австрию.

Личность Бисмарка – уникальное сочетание противоречий и противоположностей, характерных для страны, которую он создавал. Потомок древнего и благородного рода (Бисмарки были юнкерами — потомками рыцарей-завоевателей, которые основали поселения на землях к востоку от реки Эльбы), сделавший много для капиталистической модернизации Германии и ее вхождения в число наиболее динамично развивавшихся стран мира. Создатель (вместе с поддерживающим его начинания кайзером Вильгельмом) первого в истории немецкого национального государства, сразу же приняла форму Империи, подчинив своей власти и другие народы; именно это и станет истоком двух масштабных драм, произошедших со страной уже в XX столетии. Человек, с именем которого связана целая череда впечатляющих военных побед, имевших решающий для германского объединения характер (и прежде всего победа над Австрией в 1866 году и над

Францией в войне 1870-71 годов) – и вместе с тем весьма тонкий и искусный дипломат, существенно укрепивший внешнеполитические позиции Германии. Убежденный противник социализма как доктрины, который, в интересах преодоления сопротивления либеральной оппозиции и укрепления единства страны (как он считал), пошел на заключение тактического союза с одним из лидеров германского рабочего движения Фердинандом Лассалем, добившегося от кайзера расширения на рабочих избирательного права; последнее, однако не помешало Бисмарку после достижения своих политических целей подвергнуть левое и рабочее движение Германии репрессиям. Примечательной является полуполюгендарная история, согласно которой именно Лассаль ознакомил канцлера по его личной просьбе с содержанием социалистической доктрины; в ответ на это Бисмарк якобы заявил: «Хорошая теория. Однако для воплощения ее в жизнь следует избрать страну, которую не жалко».

Однако балансирование на грани и та тонкая политическая игра, которую вел Бисмарк во время нахождения на высших государственных постах, оказались на перспективу не слишком успешными ни во внешней, ни во внутренней политике. Так, в частности, не удалось найти баланс между социально-экономической модернизацией, имперским строительством и созданием современной и эффективной политической системы; немецкий национал-либерализм, который мог бы стать естественным результатом преобразований Бисмарка, не состоялся в качестве политической силы, способной объединить страну и позволить ей избежать крайностей. Проводя политику в интересах поднимающейся немецкой буржуазии, Бисмарк, однако, не позволил ей, согласно тонкому наблюдению Макса Вебера, стать самостоятельной и полноценной политической силой, создать свои сильные партии и другие политические институты. В итоге, когда германская монархия к концу Первой мировой войны практически исчерпала свой политический потенциал, ей на смену не смогли прийти сильные институты и лидеры; слабая и малоэффективная из-за этого Веймарская республика, подвергавшаяся мощным атакам со стороны «правых» и «левых», в ситуации глубокого кризиса уступила свое место Третьему Рейху, ввергнушему Германию и Европу в одну из величайших катастроф за всю их историю.

Стратегия Бисмарка во внешней, и прежде всего европейской политике, предполагала прежде всего сохранение завоеваний Второго Рейха посредством создания такой ситуации, когда, по словам канцлера, «все державы, за исключением Франции, нуждались бы в нас, что исключало бы создания коалиции против Пруссии (позже

Германии – прим.авт). Для этого Бисмарк считал необходимым держать все ведущие европейские державы в напряжении, не допуская войны между ними. Особое значение для поддержания этого «неустойчивого баланса» имела Россия, отношение Бисмарка к которой также было своеобразным и неоднозначным. Во время Крымской войны Бисмарк противился попыткам Австрии провести мобилизацию германских армий для войны с Россией. Он стал ярким приверженцем Германского союза и противником австрийского доминирования. В результате Бисмарк стал главным сторонником союза с Россией и Францией (ещё совсем недавно воевавших друг с другом), направленного против Австрии. В первую очередь было необходимо установить контакт с Францией, для чего Бисмарк отбыл в Париж 4 апреля 1857 года, где встретился с императором Наполеоном III, который не произвёл на него особого впечатления. Но из-за болезни короля и резкого разворота внешней политики Пруссии, планам Бисмарка не суждено было осуществиться, и его отправили послом в Россию.

Будучи посланником Пруссии в Санкт-Петербурге с 1859 по 1862 год, Бисмарк сделал для себя много важных наблюдений относительно мощи России и особенностей русского национального характера. В период создания Второй Империи Бисмарк стремится добиться нейтралитета России, и на Берлинском конгрессе 1878 года, подводящего итоги русско-турецкой войны, стремится представить себя «честным маклером», стремящимся обеспечить баланс интересов двух великих держав. В дальнейшем именно нейтралитет России рассматривался Бисмарком как ключевое условие безопасности Второго Рейха, давая Германии сосредоточиться на решении внутренних проблем. На внешнеполитической арене именно эта «консервативная комбинация» обеспечила Европе мир на несколько десятилетий, а Германии позволила избежать двух масштабных внешнеполитических кошмаров – сближения Франции с Россией и перспективы «войны на два фронта». Многолетние наблюдения за Россией и ее политикой вылились у Бисмарка в несколько знаменитых сентенций о русском характере – таких, например, «запрягают долго, но быстро ездят», «русских невозможно победить. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят себя сами», «Россия опасна мизерностью своих потребностей», «с русскими стоит играть честно, либо вообще не играть».

Однако в итоге подобная «консервативная комбинация» и «политика сдерживания» были разрушены вследствие противоречий между Москвой и ближайшим союзником Берлина Веной по «балканскому вопросу», актуализировавшемся во второй половине 1880-х годов. В итоге в 1887 году был расторгнут российско-германский договор, и

для сближения Москвы и Парижа, «ночного кошмара» для Германии, больше не было преград.

Примечательно, что крушение столь долго выстраивавшейся внешнеполитической конфигурации совпало с закатом политической карьеры самого Бисмарка. В 1890 году Бисмарк был отправлен в отставку кайзером Вильгельмом, а его преемник на посту министра иностранных дел не смог убедить Россию сохранить прежний нейтралитет. В 1892 году Франция и Россия заключают военную конвенцию, а в 1894 году – прочный военный союз. В итоге Бисмарк мог наблюдать крушение своих политических расчетов и общего баланса сил в Европе. В перспективе это привело к мировой войне и катастрофической для Германии ситуации «войны на два фронта» с трагическими последствиями. Таким образом, сбылось мрачное пророчество Бисмарка о том, «война между Россией и Германией – величайшая глупость. Именно поэтому она обязательно случится». Предрек он и неизбежный результат подобной войны: «Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах русских... Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути». Будущее подтвердило правоту этого мрачного пророчества».

История, как известно, ничему не учит. А равно и имеет склонность повторяться один раз в виде трагедии, а другой раз – в виде фарса. Но, возможно, что именно сегодня у европейских и германских элит есть возможность избежать повторения драматических ошибок прошлого. Учитывая неразрывную историческую взаимосвязь между Германией и Россией, и сходство целого ряда траекторий их исторического развития.

Лоренц фон Штейн: синтез национально-консервативного и социального начал политики

Пути развития левой идеи на рубеже XIX–XX веков были весьма извилисты и противоречивы. Нередко забывается, что помимо марксистского социализма (коммунистической доктрины Маркса и его последователей) левая мысль была представлена широким спектром идей, условно относимых к так называемому «немарксистскому социализму», представленному именами Бакунина, Лассаля, Прудона и многих других мыслителей.

Особого внимания в этом ряду заслуживают доктрина и концепт «левого консерватизма», уникальным образом соединяющие в себе определенную национальную традицию и стремление адаптировать-

ся к социальным вызовам эпохи, направив общество и страну по пути конструктивного развития. «Левый консерватизм» — это идеология, основанная на сочетании национальной и социальной идеи, и в силу этого отвергающие любые идеологические концепты, означающие гипертрофию одного из этих начал в пользу другого (фашизм, «классический» революционный марксизм, нетворческий изоляционистский консерватизм и др.). К сожалению, несмотря на то, что российская политическая мысль делала попытки такого синтеза, однако они так и не были доведены до своего логического завершения (учение «ранних» славянофилов, «христианский социализм» Ф.М. Достоевского, с определенными оговорками — взгляды «легальных марксистов» начала XXв.).

Трагическое противопоставление национальной и социальной идеи, на взгляд автора, является истоком многих трагедий, перенесенных Россией в ушедшем веке. Тем актуальнее представляется проанализировать успешные попытки «лево-консервативного синтеза», имевшие место в истории политической мысли других стран и народов. Подобный синтез, на наш взгляд, произошел в учении Лоренца фон Штейна — выдающегося немецкого мыслителя, на наследие которого сегодня претендуют и консерваторы, и либералы, и даже социалисты.

Лоренц фон Штейн (1815–1890) — немецкий философ, государствовед, историк, экономист. Автор разнообразных работ об обществе, государстве, праве. Среди основных его сочинений следует назвать: «Социализм и коммунизм в современной Франции» (1842), «История социального движения во Франции с 1789 г. до наших дней» (в трех томах), «Учение об управлении» (второй том издан после смерти Штейна), «Настоящее и будущее науки о государстве и праве Германии» (третий том издан посмертно) и др.

Фон Штейн — один из ярких противников коммунизма, тонкий и последовательный критик работ Маркса. Характерно, что свою теорию «надклассовой монархии» он разрабатывал как альтернативу марксизму и как средство спасения исторического прогресса от социальных революций. Философские взгляды Штейна базируются на учении Гегеля. Но для более глубокого понимания глубокого и неординарного характера взглядов мыслителя нам важен исторический контекст, в котором сложилось его учение.

С точки зрения идейной родословной, фон Штейн — потомок имперских рыцарей, что выглядит удивительно с учетом его оригинального социалистического учения. Его эпоха — это эпоха укрепления Пруссии как государства, ставшего затем становым хребтом единой Германии. Эпоха, когда задачи национально-государственного строительства неожиданным образом переплелись с проблемами социаль-

но-классовых антагонизмов, столь ярко явивших себя в серии европейских революций 1848 г. Неординарность исторической ситуации требовала в качестве «ответа» новой идеологии, предлагающей новую модель интеграции немецкого общества и европейских обществ в целом. Такой моделью уже не могли выступать ни традиционалистский консерватизм Ж. де Местра и Л. де Бональда, ни изначальный либерализм «laissez-faire», ни радикальный социализм в духе О. Бланки.

Ответом на запросы времени стала оригинальная немецкая версия «левого консерватизма», предложенная Л. фон Штейном, которого одни историки политической мысли зачисляют к «либеральному ведомству», а другие — пытаются представить в качестве идейного предтечи идеологии социализма (например, К.С. Гаджиев), не проясняя глубокого своеобразия штейновского социализма и его истоков. С точки зрения автора, Л. фон Штейн, подобно Ф. Лассалю, выступил автором «идеологического синтеза», предложив весьма оригинальное и жизнеспособное соединение национально-консервативной (в обновленном и творческом смысле) и лево-эволюционной (реформистской) идей. Его учение выступает в качестве конструктивной умеренно-левой (общенародной) альтернативы как «революционному марксизму», так и ортодоксальному «нетворческому» консерватизму и «социально безответственному» либерализму XIX–XX вв.

При этом, в отличие от Лассалья, фон Штейн пришел к своей версии «левого консерватизма» и «государственного социализма», изначально рассуждая не как социалистический, но как консервативный мыслитель. То, что присутствовало у Лассалья в интуитивной форме, у него обрело завершенную форму с учетом исторических особенностей Пруссии и Германии периода его жизни и деятельности. При этом, благодаря гибкости ума и прусскому влиянию, он сумел избежать крайностей «национал-изоляционизма» и апологетики военно-бюрократических традиций прусского государства, которые были свойственны И.-Г. Фихте («Письма к немецкой нации») и О. Шпенглеру («Пруссачество и социализм»), а также радикально-либерального «антигосударственного пафоса», присущего учению В. фон Гумбольдта.

Большое влияние на политические взгляды мыслителя оказал его отец, Генрих-Фридрих фон Штейн — убежденный консерватор, отрицавший революцию и идеологию равенства, но одновременно не приемлющий монархического и бюрократического произвола. В качестве противовеса подобному произволу отстаивал местные вольности и старые земские чины, в которых видел защиту индивидуальной свободы.

Назначенный прусским королем Фридрихом-Вильгельмом Третьим на министерский пост в 1807 г., фон Штейн-старший осуществил

ряд реформ, с помощью которых пытался упредить революцию. В результате этих преобразований были уничтожены сословные привилегии, отменена личная зависимость крестьян от помещиков, был узаконен свободный переход земли к новым собственникам (то есть крестьяне и бюргеры получили возможность покупать дворянские имения). Одновременно Штейном была осуществлена реформа управления городов и областей. В соответствии с «Прусским городским уставом» в отдельных общинах, а затем и в целых провинциях были созданы выборные советы, а раскладка налогов и попечение о благоустройстве были вверены местным выборным лицам вместо чиновников. Все эти учреждения планировалось увенчать государственным собранием народных представителей, которые бы имели совещательный голос при короле и его министрах. Однако в 1810 г. по требованию Наполеона, опасавшегося обособления вассальной Пруссии, Штейн-старший был отправлен в отставку.

Основные моменты политической доктрины Штейна-младшего сводятся к следующему:

1) Главным мотивом деятельности индивида является стремление к самореализации, а также к добыванию, изготовлению и приумножению благ;

2) Всякое благо, созданное личностью, принадлежит ей и является ее неотъемлемой собственностью;

3) Развитие общества (и, прежде всего, — института собственности) неизбежно ведет к образованию двух противоположных классов, «двух полюсов человеческого общения» — собственников и не-собственников;

4) Вследствие этого жизнь общества наполняется классовой борьбой, а государство (вследствие захвата государственных «рычагов» классом собственников) превращается в орудие господствующих классов (феодалов или «промышленных собственников»), служит их частным интересам (вместо того, чтобы служить общим интересам и быть социальным арбитром);

5) Если в обществе каждый руководствуется своей индивидуальной волей и отсутствует свобода, то государство органично соединяет индивидуальные воли в единое целое, подчиняет их общей воле и утверждает подлинную свободу;

6) В ответ на это класс не-собственников вступает в борьбу, приводящую к революциям; этим, по Штейну, «объясняется весь ход европейской истории».

Рассуждая далее, Штейн приходит к выводу о **неизбежности пролетарской революции при капитализме**. Пролетариат, обреченный

в условиях господства «промышленных собственников» на «вечный механический труд», осознает себя как «единое целое» (т.е. как класс) и выступает против класса угнетателей и поддерживающего их государства. Руководствуясь идеями социализма и коммунизма, он грозит уничтожить социальный строй, основанный на частной собственности, а также — саму свободу;

7) Для предотвращения этого сценария государство должно превратиться из «орудия частных интересов» в инструмент общей пользы, в «высший союз», в котором гармонически взаимодействуют все слои и классы общества. Сама же государственная власть должна быть самостоятельной и дистанцироваться от классов;

8) Для выполнения этих условий не подходит ни абсолютная монархия (поскольку она основана на произволе одного лица), ни демократическая республика (в ней государственная власть недостаточно сильна и подотчетна обществу, что в итоге приводит к установлению власти неимущих, устанавливающих классовую диктатуру);

9) Поэтому единственный выход — в установлении конституционной монархии, где «начало власти органически сочетается с началом свободы». Это, в свою очередь, достигается за счет разделения властей — монархической (княжеской), законодательной и исполнительной. В сочетании с народным представительством, это создает гарантии правопорядка и прав личности;

10) В итоге, независимая государственная власть сплавливает общество, решает «социальный» и «рабочий» вопросы, преодолевает влияние вредных идей (коммунизма). Это позволяет сохранить существующую экономическую и политическую систему, основанную на частной собственности, придав ей большую социальную направленность.

Таким образом, по замыслу Л. Штейна, монарх возвышается над всеми ветвями власти, является гарантом соблюдения законов и инициатором социальных реформ в интересах ущемленных слоев населения (способствует повышению уровня их образования, производительности труда, уровня потребления и др.). Эта идея конституционной монархии, балансирующей между интересами дворянства (юнкеры), класса буржуазии и пролетариата, стала идеологией реформ О. фон Бисмарка (отца прусского «государственного социализма», принявшего в период своего канцлерства ряд законов по защите прав наемных работников).

Что же касается идей Штейна о «надклассовом» характере государства, то это не столько утопия, сколько отражение реального положения вещей в Германии в 1870–80-е годы. Прусское (а далее — и общенемецкое) государство, осуществлявшее экономическую модернизацию,

укреплявшее институты власти и стремившееся по мере возможностей решить «рабочий вопрос», действительно отстаивало по преимуществу национальные интересы, постепенно приводя их в равновесие с социальными. И именно прусским государством были заложены основы для гармоничного соединения в политике принципов консерватизма (монархии как воплощения национальной идеи), либерализма (экономических свобод, обеспечивших объединенной Германии мощный экономический рост) и социализма (адресная и взвешенная социальная политика).

Однако, отказ монархии от дальнейших реформ привел ее к закономерному крушению в ноябре 1918 г., а неспособность либералов (в союзе с социал-демократами, находившимися у власти в период Веймарской республики) адекватно решить социальный вопрос привела к торжеству национал-социалистов. Последние, извратив до предела как консервативную, так и социалистическую идею, надолго похоронили результаты этого продуктивного синтеза.

Штейн может рассматриваться как идейный предтеча правого реформистского крыла германской социал-демократии, к которому принадлежат такие видные фигуры, как Ф. Лассаль, Э. Бернштейн, К. Каутский, Ф. Эберт и др. Однако фон Штейну нынешние европейцы обязаны не только оригинальной идеей «социалистической монархии» (успешно воплощенной, к слову, в современной Испании и в некоторых из стран Скандинавии).

Его идея сочетания национально-консервативных (в творческом смысле) и социальных начал более чем актуальна для объединенной Европы, которая вопреки его рекомендациям сделала акцент на либеральное и социальное начала в ущерб национальному консерватизму. И теперь союз европейских государств рискует превратиться в рыхлый бюрократизированный конгломерат вместо «Европы ста языков и ста флагов», о которой мечтали отцы-основатели общеевропейского проекта.

«Синтез Лассаля»: истоки немецкой «левой альтернативы»

Более столетия минуло со дня смерти одного из наиболее ярких представителей европейской социалистической мысли XIX века — Фердинанда Лассаля. Кризис левой идеи и идеологии, кризис марксизма и постмарксизма, адепты которого все чаще путаются в философских и методологических основаниях собственных воззрений, делает актуальным обращение к фигуре Лассаля. Того самого политического деятеля и мыслителя, который, пропустив учение Маркса «через себя», сумел предложить альтернативу его «ортодоксальной» версии, и более того — на-

метить альтернативные стратегии развития рабочего и левого движения еще в XIX веке. Тем более, с учетом его яркой и очень рано драматически и рано оборвавшейся жизни, после которой наступило длительное забвение, особенно в России. Ведь последняя книга Лассалья — «Программа работников» — была опубликована в Москве лишь в 1920 г.

Фердинанд Лассаль (1825–1864) — политический мыслитель, философ и идеолог, один из влиятельнейших руководителей рабочего движения 60-ых годов XIX в. в Германии. Он родился в г. Бреслау (ныне — Вроцлав) в состоятельной еврейской семье. Проявив блестящие и разносторонние способности в гимназии, впоследствии получил юридическое образование в Бреславском и Берлинском университетах.

Общественная деятельность многообещающего молодого юриста Лассалья началась в 1846 г. выступлением в качестве адвоката в процессе в защиту графини Гартфельд против произвола ее мужа, влиятельного прусского магната. Процесс тянулся до 1854 г. (с перерывами) и был выигран Лассалем; однако по обвинению в похищении документов (а похитили их в действительности друзья молодого юриста), благодаря которым ему удалось выиграть процесс, он был заключен в тюрьму.

Между тем, адвокатская карьера не удовлетворяла яркую и необузданную натуру молодого интеллектуала-неогегельянца, что побудило его влиться в революционное движение. Так, во время революции 1848 г. он руководит подготовкой восстания в Дюссельдорфе. Тогда же Лассаль знакомится с таким же, как он сам, молодым радикалом Карлом Марксом, оказавшим на него большое влияние. К этому же времени относится и участие обоих социалистов в леворадикальной «Новой рейнской газете», где Лассаль проявляет себя как яркий публицист. Однако публицистикой (пусть даже леворадикальной) деятельность Лассалья не исчерпывалась. Арестованный в конце 1848 г. за свое участие в подготовке восстания, Лассаль был освобожден в мае 1849 г.

Бурная политическая активность не стала препятствием для философской рефлексии и литературного творчества. Помимо политической деятельности, Лассаль проявил себя как философ («Учение Гераклита Темного из Эфеса» (1858)), правовед («Система приобретенных прав» (1861) и поэт (трагедия «Генрих фон Зиккинген», посвященная одной из трагических и величественных фигур эпохи Реформации в Германии).

Но главный труд Лассалья, в котором изложены его основные политико-правовые воззрения — «Программа работников» (русский перевод — 1920г.).

Так или иначе, рамки «буржуазной оппозиционности» и «прогрессивности» изначально оказались для Лассалья слишком тесными, не отвечающими масштабу событий, которые ожидали переживавших

мощный общественный подъем Пруссию и Германию.

В 1862 г. Лассаль выступил против весьма умеренной политики прогрессивной партии по отношению к канцлеру Бисмарку, требуя более решительного воздействия на правительство. Однако это требование не встретило сочувствия со стороны либеральной буржуазии. И тогда Лассаль покидает ряды прогрессистов и решает обратиться к рабочим.

В 1863 г. он разворачивает свою политическую программу в «Гласном ответе» — письме Лейпцигскому рабочему комитету, задачей которого был созыв общегерманского рабочего конгресса. В этом письме Лассаль выдвигает проект создания самостоятельной рабочей партии. Эта партия, по его замыслу, должна была отделиться от прогрессистов, за которыми рабочие до этого шли. Лассаль считал, что политической программой рабочих должно было быть завоевание всеобщего избирательного права, которое бы позволило добиться от властей проведения ряда необходимых реформ. В результате, под влиянием Лассаля на рабочем конгрессе в Лейпциге в мае 1863 г. был создан Всеобщий германский рабочий союз, президентом которого на 5 лет с диктаторскими полномочиями избрали самого Лассаля.

Рост числа членов Всеобщего германского рабочего союза (1863–1875 гг.), в первое время чрезвычайно бурный, особенно в Рейнской области, оказался, однако, не столь масштабным, как этого хотелось Лассалю: значительная часть рабочих все еще шли за прогрессистами. Стремясь исправить ситуацию, Лассаль вступил в переговоры с Бисмарком, обещая ему поддержку рабочих при условии, если Бисмарк введет всеобщее избирательное право (что он и сделал в 1871 г. в обмен на поддержку депутатами — лассальянцами инкорпорации в Пруссию Шлезвиг-Голштинии). В переписке с Бисмарком Лассаль даже рассуждал о возможности поддержки рабочим классом монархии, если бы она встала на подлинно революционный и национальный путь «и превратилась бы из монархии привилегированных сословий в социальную и революционную монархию». Однако реализация этих планов была сорвана неожиданной гибелью Лассаля: 13 августа 1864 г. извечный романтик был смертельно ранен на дуэли румынским дворянином, оспаривавшим у него невесту.

Но главная цель бурной деятельности Лассаля была достигнута — «железный канцлер» даровал стране и всеобщее избирательное право, и трудовое законодательство. Однако в 1878 г. Бисмарк прекратил политическую игру, введя «исключительный закон против социалистов», ибо борьбу против либералов он уже выиграл, и последние были ему уже не нужны. Этот рудимент «военно-полицейской» монархии сохранился вплоть до 1890 г.

После смерти Лассалья рабочее движение Германии развивалось под сильным влиянием лассальянских идей, воплощенных в программе «Всеобщего германского рабочего союза», представлявшего собой мощную силу. В то же время часть рабочих отвергла линию Лассалья и создала самостоятельную рабочую партию (оппозиционная Бисмарку Свободная народная партия — во главе с тяготевшим к марксизму саксонским мастером — токарем Августом Бебелем). Но влияние наследия Лассалья было еще сильным — под воздействием лассальянства первая общегерманская рабочая партия, созданная в г. Эйзенахе в 1869 г. («эйзенахцы»), взяла наименование «социал-демократическая», а также включила в свою программу пункт о государственной помощи производственным товариществам и назвала свою газету «Народное государство».

В этот же период времени Всеобщий германский рабочий союз во главе с такими лидерами, как Швейцер, Фрицше, Гезенклевер и др. проводили линию на поддержку объединения Германии. Бывший друг Лассалья Л. Бухер стал секретарем Бисмарка и работал над проектом закона о социальном страховании. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. лассальянец Швейцер звал рабочие массы сражаться во имя торжества «истинно немецкого духа», а другие лассальянцы — члены Северо-германского рейхстага — голосовали за военные кредиты.

В 1875 г. «Социал — демократическая рабочая партия Германии», руководство которой (А. Бебель и В. Либкнехт) стояло на позициях марксизма, договорилось об объединении со Всеобщим германским рабочим союзом» на съезде в г. Гота. Подготовленная к съезду программа, наряду с традиционными марксистскими положениями, содержала также целый ряд идей Лассалья (например, идею создания производственных ассоциаций под патронажем государства), за что была подвергнута Марксом уничтожающей критике в работе «Критика Готской программы».

Несмотря на эту критику, лассальянская линия прочно утвердилась в мировоззрении германской социал-демократии. Так, ревизионизм, провозглашенный в конце 1890-ых годов XIX в. Эдуардом Бернштейном, также предполагал переход от идей революционной к методам мирной парламентской борьбы и мирного же перехода к социализму («Цель — ничто, движение — все»). Следуя национал-патриотической линии Лассалья, лидеры правого крыла СДПГ (Ф. Эберт, Ф. Шейдеман, Г. Бауэр и др.), с началом Первой мировой войны голосовали в рейхстаге за военные кредиты и поддержку воюющего правительства, в то время как левые социал-демократы (во главе с К. Либкнехтом, Р. Люксембург и К. Цеткин) стояли на позициях пацифизма и интернационализма.

По окончании Первой мировой войны правое крыло германской со-

циал-демократии, обосновывая свой национал — патриотизм и отказ от революции, провозгласила знаменитый лозунг «Назад к Лассалю!» Весьма близка по духу к лассальянству была и составленная в 1891 г. Карлом Каутским «Эрфуртская программа», в которой не было понятия «диктатура пролетариата» и ориентации на революционную борьбу. В итоге, Лассаль превзошел своим влиянием Маркса, что по праву позволяет ему считаться одним из идейных предтеч правого крыла германской социал-демократии и идейной платформы современной СДПГ.

Однако этим фактом значение Лассалья для развития левой политической мысли, безусловно, не исчерпывается.

Отношения Лассалья и Маркса при этом были достаточно сложны и противоречивы. Талантливый агитатор и пропагандист (очевидно превосходивший автора «Капитала» в качестве организатора и публичного политика), Лассаль называл себя учеником Маркса. Зная наизусть «Манифест коммунистической партии» и экономические труды Маркса, он активно и широко пропагандировал его идеи среди рабочих. Но одновременно у самого Лассалья были серьезные теоретические расхождения с Марксом. Так, он не хотел звать рабочий класс к насильственной коммунистической революции, не верил в ее успех и не желал повторения «ужасов июньских дней» (жестокого подавления восстания парижского пролетариата в 1848 г.). Кроме того, значительно отличались от марксистских взгляды Лассалья на сущность и природу государства, которое он толковал скорее в духе Фихте и Гегеля. Поддержав «историческую миссию» прусской монархии в деле объединения Германии, Лассаль еще дальше отошел от своего старшего товарища. Наконец, между лассальяцами и марксистами существовали расхождения по вопросу об отношении к всеобщему избирательному праву, которое сам Маркс полагал «мелкобуржуазной утопией».

Собственно, что можно инкриминировать хорошо забытому сегодня Лассалю с высоты прошедших лет и революционных потрясений прошлого века? Альянс с Бисмарком против либералов-прогрессистов, явившийся основанием для обвинений в предательстве интересов трудящихся? По словам Ленина: «Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики...», «Лассаль поглядывает больше не вниз, а вверх, засматривался на Бисмарка. «Успех» Бисмарка несколько не оправдывает оппортунизма Лассалья.» Но благодаря этой лассалевской «измене» ненадежным и косным, опасавшимся всякой «чрезмерной новизны» либералам рабочие Германии получили избирательное право и трудовое законодательство, что было настоящим успехом в условиях бюрократически-милитаристской и «глубоко реакционной» прусской (впоследствии германской) монархии.

Можно вспомнить и замечание, сделанное Лениным «по аналогии» в адрес своего «блистательного попутчика» Л. Троцкого — «есть в нем что-то нехорошее, от Лассалья». В этом был явный намек на диктаторские амбиции самого Лассалья в германском рабочем движении («являясь «выходцем из буржуазии, тяготевшим к аристократическому образу жизни и отличавшимся большим честолюбием, в культурном плане Лассаль до конца жизни оставался чуждым рабочей массе» — БСЭ, 1935 г.). Однако благодаря воле и незаурядным организаторским способностям Лассалю удалось создать в 1863г. первую германскую рабочую партию — Всеобщий германский рабочий союз, из которого и выросла германская социал-демократия, насчитывавшая к 1875 г. 1 млн. членов (политические успехи Маркса и его политических последователей эйзенахцев до объединения с лассальянцами в единую партию были куда скромнее).

Среди пунктов «обвинений» присутствует и отказ от «первоначальной чистоты» марксистского учения — однако нужно вспомнить, что до 1860-х именно Лассаль был наиболее талантливым пропагандистом марксизма, и лишь логика политического развития Германии побудила его к тому, что потом назовут «предательством и ревизионизмом».

Среди «методологических ошибок» Лассалья часто упоминают рассмотрение им государства как «надклассового института» (вполне в духе философии Гегеля), что, в конце концов, склонило его самого и его единомышленников к своеобразному «прусскому патриотизму». Однако последнее обстоятельство отражало объективную реальность Германии середины XIX в., ибо прусский (а вскоре и немецкий) рабочий, в отличие от описанного Марксом в «Капитале» английского рабочего, не чувствовал отчуждения от промышленного труда, ибо действительно испытывал национально-патриотический подъем вследствие успехов своей укрепляющейся страны (что, естественно, потребовало синтеза левой идеи с национальной).

Наконец, для некоторых из оппонентов существенным «контраргументом» служит еврейское происхождение Лассалья, которое столь любил подавать в самом унижительном ракурсе внук раввина Маркс в тот момент, когда у него заканчивались аргументы в споре... Однако Лассаль, как и Маркс, стремился к эмансипации, но не к космополитической, отрицающей всякую национальную идентичность (к чему призвал Маркс евреев в своей нашумевшей работе «К еврейскому вопросу»), а к полноценной интеграции в немецкую культуру и немецкую нацию, занимая по отношению к вскормившим его стране и культуре куда более доброжелательную позицию.

Наконец, в качестве обвинения Лассалю «ортодоксальные» маркси-

сты инкриминируют интуитивно-субъективистский характер мировоззрения и политической философии. Но разве ярко выраженный холлистский характер марксистской философии вкупе с ее стремлением к тотальной «социологизации» человека не привел, в конце концов, социалистический проект к многочисленным драматическим последствиям?

В этом контексте наиболее пристального анализа заслуживает политическая философия самого Лассалья. Ее ключевые постулаты в общем виде таковы:

1) История человечества — это история борьбы с природой, нищетой, невежеством, бессилием, неволей всякого рода. «Постепенное преодоление этого бессилия — вот развитие свободы, которое составляет история», - данный тезис близок по духу одному из тезисов Маркса - «свобода — это осознанная необходимость» и либерально-прогрессистскими надеждами на эволюцию. Однако у Лассалья все это приобретает не академично-отвлеченное, но личностное звучание, не растворяясь в «объективных закономерностях» марксовской философии.

2) Организующим и объединяющим началом общества на протяжении всей истории выступает государство. Здесь содержится существенный вызов «антигосударственной» политической философии Маркса;

3) Государство представляет собой надклассовый институт или учреждение, осуществляющий «воспитание и развитие человеческого духа к свободе». Как уже отмечалось, в случае Лассалья это была не столько утопия в духе Гегеля, сколько реальное отражение роли государства в истории Германии в 1870–80-ые годы;

4) При этом современное Лассалю общество, с его точки зрения не соответствовало своей цели и сущности, поскольку буржуазия подчинила государство «грубой материи денег». При помощи имущественного ценза на выборах она фактически превратило государство в своего слугу, охранника, «ночного сторожа»;

Данное определение - «государство - ночной сторож» - надолго утвердилось в публицистике и в научной литературе за буржуазным государством, которое в соответствии с доктриной классического либерализма осуществляло только охранительные функции, отказываясь от социальных.

5) Государство способно привести рабочий класс к социализму через субсидируемые им «производственные ассоциации», гарантирующие рабочим «полный продукт труда» вместо борьбы за «частичное улучшение экономического положения». В связи с этим необходим отказ от революции и замена ее мирной борьбой на основе всеобщего избирательного права, а также признание приоритета интересов нации перед интересами рабочего класса («Государство принадлежит вам,

потому что из вас оно и состоит. Государство — это вы, великая ассоциация беднейших классов»).

Все перечисленные идеи дали мощные всходы в политической мысли, несмотря на столь раннюю смерть самого Лассалья. Поэтому как идейную платформу современной социал-демократии, так и современную концепцию социализма, сложно представить свободными от влияния лассальянского наследия.

Чем же ценен для нас Лассаль сегодня, после стольких идейных споров, катаклизмов и разочарований?

Во-первых, сочетанием левой идеи и патриотизма — ведь именно раскол между рабочим движением и национальной идеей, произошедший во многих странах Европы (когда выразители национальной идеи отказались от всякой социальности, а левые, и прежде всего коммунисты, — от патриотизма), привел в итоге к торжеству национальной идеи в мутированной форме — фашизму и национал-социализму;

Во-вторых, Лассаль (наряду с одним из идейных отцов немецкого социализма XIX в. Лоренцем фон Штейном) одним из первых попытался примирить рабочее движение и государство. При этом он делал ставку не на его разрушение, а на эволюционное изменение его природы в пользу большинства, предвосхищая не только эволюционную стратегию социал-демократии, сформулированную в знаменитой максиме Бернштейна («Цель ничто — движение все»), но и современные концепции «гуманистического и эволюционного социализма».

Тем самым ему удалось пройти между Сциллой анархизма и Харибдой тоталитарного этатистского социализма, столь сильно скомпрометировавшего левую идею в XX веке.

В-третьих, стремление Лассалья сочетать в своей доктрине элементы различных идеологем, перешагивая рамки идеологических догм (то, что Маркс и его единомышленники называли «эклектизмом»), позволило достигнуть необходимого в современную ему эпоху идейного синтеза и избежать искусов «экономизма», тоталитарного этатизма и разрушительного левацкого ультрарадикализма, каждый из которых сам по себе был способен завести левое движение в тупик;

В-четвертых, Лассаль примером своей личной деятельности на посту Всеобщего германского рабочего союза показал важность лично-лидерского начала и фактора самоорганизации в становлении рабочего движения (что до известной степени сближает его с автором концепции «политического мифа» Ж. Сорелем), показывая многовариантность форм самоорганизации рабочего и левого движения в зависимости от складывающихся условий.

В-пятых, именно политическая гибкость Лассалья, умение мыслить

«поверх классовых барьеров» и готовность идти на неожиданные политические союзы (чего стоит один его альянс с «железным канцлером» Бисмарком) оказались весьма перспективными и в его эпоху, и особенно в XX веке, когда именно такой подход позволял левым добиться гражданского мира в сложных и многосоставных обществах.

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Однако, если предположить, что если в основу политической философии левого движения в XX веке был бы положен не разрушительный синтез антинационального нигилизма и тоталитарного этатизма, а «синтез Лассаля» (национальное государство, его социализация и демократизация через предоставление избирательного права рабочим и всем остальным категориям общества), новейшая история могла быть не столь драматичной и кровавой.

Так или иначе, идеи Лассаля вполне могут рассматриваться в качестве идеологической альтернативы и тоталитарному социализму советского образца, и разрушительному левому радикализму «новых левых» и экономикоцентристскому конформизму большей части современных социал-демократов. Все это делает особенно важным их изучение в новом контексте, когда вопрос о новом «наполнении» левой идеи стоит особенно остро.

Евгений Примаков: несостоявшийся русский Аденауэр?

Премьерство Примакова спасло страну, но его политический проект потерпел неудачу

Для выяснения причин этой неудачи обратимся к сходному примеру из немецкой истории.

Этот пример содержит биография Конрада Аденауэра (1876-1967) — государственного и политического деятеля Германии, руководившего ее восстановлением после разгрома Третьего Рейха.

Аденауэр принял в 1949 году должность первого федерального канцлера ФРГ и переизбирался на эту должность в 1953, 1957, 1961 годах. Обстоятельный и необычайно волевой человек, Аденауэр был чрезвычайно популярен в народе. К нему запросто обращались «Der Alte» («Старина»). Под руководством Аденауэра Западная Германия из безнадежно разбитой и подавленной, деморализованной, потерпевшей крах страны превратилась в достойного члена мирового сообщества. Став первым федеральным канцлером, он направил усилия на смягчение ограничений, введенных союзниками в отношении Германии, за что в 1949 году едва не подвергся насильственному смещению с поста.

Одним из главных достижений Аденауэра на посту канцлера стала

финансовая реформа 1948 года, позволившая создать здоровую финансовую систему. Сроки и лимиты сумм обмена денег были весьма ограниченными, зато эффект — почти мгновенным. После реформы подпольная торговля, натуробмен, черный рынок и хождение иностранной валюты в ФРГ стремительно снизились, собственная индустрия пошла в гору. Достигнутая таким образом стабилизация уже в 1953 году позволили немцам заявить о восстановлении довоенного уровня благосостояния, что впоследствии будет названо «немецким экономическим чудом».

Аденауэр добился восстановления международной политической и правовой субъектности Германии. Он подписал Парижский мирный договор, снявший практически все послевоенные сложности в европейском равновесии.

Он добровольно оставил пост канцлера в 1963 году ввиду преклонного возраста, находясь в ореоле славы политического и экономического архитектора своей страны.

Заняв пост канцлера в 73 года, он пробыл на нем 14 лет. И во многом благодаря его политической мудрости и таланту Германия, пережившая до этого политическую и моральную катастрофу, собралась с силами и снова стала Германией.

С известной условностью, в роли, аналогичной роли Аденауэра, может быть представлен и Евгений Максимович Примаков, возглавивший в экстремальных «последефолтовых» условиях 1998 года правительство России, выполнив, тем самым, роль своеобразного руководителя «команды реаниматоров» рухнувшей российской финансовой системы и едва не рухнувшей вслед за ней российской государственности.

Памятна краткая хроника динамично развертывавшихся событий, потрясших Россию в августе 1998 года. Уже 11 августа произошел обвал фондового рынка, через два дня — валютного, а 17 августа в понедельник случился «дефолт Кириенко-Немцова». 20 августа произошел «символический» пожар в здании РАО ЕЭС, руководимого А.Чубайсом, а 24 августа — автор невостребованной «стабилизационной программы» С. Кириенко ушел в отставку. Цены потребительского рынка взлетели втрое, все газеты и ТВ пугали социально-политическим хаосом в России.

А ситуация действительно была чрезвычайной. Ибо, после прогнозируемого крушения «пирамиды» ГКО, едва ли не в один день рухнули не только финансовая и банковская система, но и вся пресловутая стабильность «зрелого ельцинизма», зиждившаяся на «валютном коридоре» и нарастающем внешнем и внутреннем долге. В одночасье оказалось, что у России больше нет среднего класса, дееспособного правительства и сколько-нибудь ответственного и эффективного госу-

дарства. Пришедшие в движение федеральная и региональные элиты, Совет Федерации и большинство Госдумы, казалось бы, были уже готовы похоронить под развалинами остатки столь долго и тщательно выстраиваемой Ельциным «системы сдержек и противовесов». Упорство Ельцина, незадолго до этого демонстративно отказывавшегося назвать программу правительства С. Кириенко «антикризисной», с выдвижением на пост нового премьера предельно непопулярного В. Черномырдина грозило стране роспуском едва ли не последнего легитимного общедоверительного органа власти с непредсказуемыми последствиями.

В этой ситуации и был востребован бывший глава СВР и МИДА, дипломат и экономист-международник с глубокими «корнями» в «высших эшелонах» КПСС, предложенный на пост премьера лидером «Яблока» Г. Явлинским и поддержанный лево-центристским большинством Госдумы.

В итоге 31 августа со счетом 251:94 (с 254 голосами «за» и 94 - «против») Госдумой была провалена кандидатура В. Черномырдина, 7 сентября из Центробанка ушел «человек Черномырдина» Дубинин, а 11 сентября начались «восемь месяцев Примакова», которые стали пиком его карьеры. Благодаря этому неожиданному для многих назначению страна избежала перехода на «аргентинскую модель» по схеме «currency board» («внешнее валютное управление»). Ибо, согласно программе Кириенко-Федорова-Черномырдина Россия должна была ужесточить денежную политику, и не только ограничить эмиссию, но и взвинтить при этом процентные ставки и таким образом добиться быстрого снижения инфляции ценой колоссальных издержек для социальной сферы и населения. Что грозило ей, помимо утраты экономического суверенитета, масштабными социальными потрясениями либо углублением социальной деградации. Но вместе с несостоявшимся «внеочередным» премьерством Черномырдина ушла в небытие и эта перспектива.

В итоге Россия получила выстраданный шанс вернуться к реальной политике, прийти к формированию центра власти, пользующегося поддержкой большинства общества и парламента, отбросив фантомы и химеры позднеельцинской «стабилизации», выросшей из расстрела парламента и проведенной в жизнь (фактически, в режиме чрезвычайного положения) Конституции 1993 года.

Однако реализация этого шанса очень сильно зависела от личных качеств возглавившего правительство РФ «загадочного премьера» Евгения Максимовича Примакова. Кем был он к моменту своего прихода к власти и кем в итоге стал для своей измученной и изверившейся страны?

Блестящий журналист-международник в «Правде», и с 1970 года — заместитель директора Института мировой экономики и Между-

народных отношений, Примаков столь же стремительно выдвинулся к вершинам государственной власти СССР.

Еще более уникальной казалась политическая устойчивость Примакова в период «бури и натиска» начала 1990-х годов. Пост главы внешней разведки Евгений Примаков получил при Горбачеве — в ноябре 1991 года. Ельцин его не тронул. Формально чужой среди профессиональных разведчиков, Примаков вел себя очень скромно и даже отказался от положенного ему по статусу чина генерал-лейтенанта, сделав своим первым заместителем известного среди профессионалов Вячеслава Трубникова.

После думских выборов 1995 года, принесших внушительный успех КПРФ, Ельцин решил избавиться от двух весьма непопулярных фигур своего окружения — Козырева и Чубайса. Данные кадровые перестановки как раз и совпали с назначением на должность министра иностранных дел Примакова, которое было воспринято во всем мире как симптом «смены внешнеполитического курса». Действуя расчетливо и сдержанно, Примаков сумел, не вступая в полемику с Ельциным и членами его ближайшего окружения, добиться известной самостоятельности, не выходящей, однако, за рамки известного внутриаппаратного «консенсуса».

Если Козырев демонстративно шел на внешнеполитические уступки, далеко не всегда отвечающие интересам России, то Примаков старательно изображал «твердость» и «жесткость» в дипломатических контактах с бывшими «друзьями». Переговоры о расширении НАТО, санкциях против Ирака, статусе Черноморского флота шли долго и противоречиво, однако в конечном итоге результаты не сильно отличались от «козыревских». Однако внешне престиж страны соблюдался, и статус России как великой державы не оспаривался ни одной из сторон.

Помимо стабилизации внешнеполитического статуса России, немало было сделано и для самого внешнеполитического ведомства. Примаков значительно поднял статус МИДа, добился для своих сотрудников повышения зарплат и определенных социальных льгот, придал дипломатической деятельности некий осмысленный характер и сохранил остатки прежней кадровой базы.

Вопреки разговорам о том, что правительство Примакова было столь успешным, поскольку «ничего не предпринимало и ни во что не вмешивалось», именно ряд чрезвычайных действий руководимого им кабинета, предпринятых в конце 1998 - первых месяцах 1999 года позволило переломить и стабилизировать экономическую ситуацию в стране и вокруг нее. Так, именно дипломатический талант первого вице-премьера Юрия Маслюкова, который сумел развести по времени выплату долгов частным и государственным кредиторам, России уда-

лось избежать жестких финансовых мер. Замораживание цен на ГСМ, в свою очередь, позволило не сорвать весенний сев 1999 года. Ужесточение контроля за Пенсионным фондом, в свою очередь, позволило навести элементарный порядок в системе пенсионных выплат, что ощутили на себе пенсионеры.

Но наиболее впечатляющими были макроэкономические показатели. По официальным данным Госкомстата, за период с октября 1998-го по март 1999-го рост промышленного производства составил 23,8 процента, что являло собой настоящее «экономическое чудо». Если в других странах в разное время рост производства на 10 процентов в год считается высочайшим достижением, то Россия в 1998 — 1999 годах имела практически 24 процента за полгода, а в марте — 11 процентов. Примечательным было также и то, что этот экономический рост происходил на фоне снижающейся инфляции, опустилась с 38 процентов в месяц до 3 процентов. При этом правительство Примакова-Маслюкова почти не предпринимало никаких специальных мер по стимулированию экономического роста. Однако экономический рост все же состоялся, прежде всего, вследствие простого удержания благоприятных макроэкономических условий для роста производства, сложившихся после 17 августа, и благодаря надеждам на политическую стабильность, которые успешно генерировал глава кабинета.

В итоге многие промышленники и предприниматели поверили, что пришло правительство социального партнерства, готовое решать практические вопросы и идти навстречу пожеланиям деловых кругов, связанных с внутренним производством.

Кроме того, на упомянутый рост сработали макроэкономические условия, изменившиеся после краха 17 августа. Четырехкратная девальвация рубля подняла серьезно спрос на отечественные товары, что почти немедленно дало толчок к наращиванию их производства. Вместе с тем, правительство пресекло попытки устраивать вновь разные финансовые пирамиды, инициировавшиеся руководством Центробанка.

Кроме того, под давлением правительства Центробанку удалось сдерживать попытки увеличения процентных ставок. Этот метод финансовой стабилизации активно пропагандировали приближенные к прежнему составу кабинета министров «либеральные экономисты». Однако правительство Примакова-Маслюкова вместе с новым руководством ЦБ избрало прямо противоположный путь. Оно сохранило низкие процентные ставки, произвело централизованно взаимозачет и прибегло к эмиссии денег для стабилизации банковской системы, опровергнув скепсис своих «либеральных» оппонентов.

Правительство также жёстко держало цены на энергоносители и услуги естественных монополий. Была, например, настоящая борьба с Министерством путей сообщения (МПС). Последнее всячески стремилось проиндексировать транспортные тарифы по курсу рубля, введя оплату внутренних перевозок по долларovým тарифам. Не позволив поднять процентные ставки и взвинтить цены на услуги естественных монополий, кабинет Примакова-Маслюкова ограничил разрушительные тенденции, что позволило промышленному производству существенно подняться. На конфликт же с олигархами в интересах отечественного товаропроизводителя правительство не решилось.

Впечатляющий рост производства в стране был достигнут в основном за счет собственных средств предприятий, и потому он не мог быть достаточно устойчивым в условиях невысокой покупательной способности большинства населения.

Не удалось правительству выполнить обещаний, которые были даны по снижению налогового бремени. Не удалось, в основном, из-за давления МВФ, заинтересованного в соответствующем финансовом обеспечении долговых выплат.

Но большее значение, на взгляд автора, все же имела политическая составляющая деятельности «необычного премьера» и его правительства.

Примечательно, что в свою бытность премьер-министром Евгений Максимович не раз давал понять и неоднократно заявлял публично, что он — политический премьер. Так и было: экономикой и финансами занимались Ю. Маслюков, В. Геращенко, Г. Кулик и др. На долю самого премьера приходилась внешняя и внутренняя политика. Тем не менее, именно благодаря премьеру, его политическому весу и авторитету правительство стало постепенно превращаться в Центр политического влияния в стране. К Примакову, помимо левоцентристского большинства Госдумы и многочисленных сторонников из числа глав регионов в Совете Федерации, стали тяготеть немалая часть «силови-ков», формально подчиненных Президенту РФ.

В итоге впервые за долгий период времени в России стал складываться центр «реальной политики», способный к разработке и реализации альтернативных политических и экономических стратегий, как во внутренней, так и во внешней политике, способный вывести страну из кризиса. Однако для того, чтобы эти стратегии постепенно стали воплощаться в реальную политику, требовалось одно ключевое условие — наличие соответствующей политической воли и стратегии у главного действующего лица этой системы. Однако с соблюдением этого условия изначально возникли определенные сложности.

Необходимо признать, что за время своего премьерства Евгений

Максимович строжайше соблюдал главный приоритет: сохранение условного «консенсуса» в верхах, что не допускало публичной критики Президента и любого выноса «сора» из избы. Данному приоритету были принесены в жертву целый ряд принципов и приоритетов. Поэтому, соглашаясь на словах с договором СНВ-2, Примаков не употребил свое влияние для его ратификации. Премьер достаточно активно возражал против бомбардировок Югославии. Но возражал сугубо декларативно, без военно-политических и даже без дипломатических последствий, к которым едва ли можно отнести эффектный разворот премьерского лайнера над Атлантикой. Хождение доллара правительство Примакова даже не попыталось ограничить. Существенных мер по перекачке капиталов за границу им также не было принято. Проведенный правительством через Госдуму Закон о разделе продукции едва ли можно отнести к числу инициатив, отстаивающих национальные приоритеты и интересы.

Подобная вынужденная двойственность линии Примакова как публичного политика проявилась и в его отношении к происходящим на его глазах «политическим противоборствам» по линии «окружение Президента — Госдума — Совет Федерации». Стремясь оставаться над схваткой ради сохранения имиджа гаранта стабильности и благоприятной репутации государственной власти (необходимость которой в послекризисной ситуации едва ли кто-либо решился отрицать) постепенно сделала его заложником избранной им политической позиции и стратегии.

В итоге незадолго до конца своего премьерства Примаков выглядел не лучшим образом. Показательными в этом отношении стали постоянные выступления против процедуры импичмента в Думе и участие в совместных выходах в телеэфир вместе с Ельциным. Примакову не хватило мужества и противостоять организованной травле Скуратова, причем премьер не только не поддержал Скуратова, но и присоединился к хору официальных лиц, уговаривавших генпрокурора капитулировать.

После волюнтаристской и немотивированной отставки в мае 1999 года политический гроссмейстер Примаков сохранил лицо и репутацию, но, похоже, действительно переиграл сам себя. В ситуации, когда на его стороне были симпатии народа, поддержка большинства Думы и Совета Федерации, он подчинился решению государственного лица, политические позиции которого становились все более слабыми, а неспособность руководить страной — все более очевидной.

Примаков так и не решился нарушить выстроенные при его непосредственном участии «стабильность» и «консенсус в элите». Выдержав трехмесячную паузу, он вернулся в публичную политику в качестве лидера движения «Отечество» и примкнувших к ним «Всея

России» и АПР, небезуспешно пытавшихся консолидировать «контрэлиту». Однако Примаков, как и его союзники по новообразованному блоку ОВР, недооценили всей мощи имеющегося в распоряжении «партии власти» административного и информационно-пропагандистского ресурсов. Первый позволил очень быстро поставить под знамена Кремля большинство региональных лидеров, что быстро нейтрализовало фронду «Всей России». С помощью информационного ресурса «телекиллеры» достаточно быстро разрушили имидж Примакова и Лужкова как публичных политиков, вследствие чего был ослаблен их политический капитал.

В итоге политический проект Примакова, рассматривавшийся как государственно-центристская и социально-ориентированная альтернатива «курсу Ельцина», потерпел неудачу. В этом сказалась драма политика, общая для целого слоя политической элиты страны, к которому относились Г. Арбатов, В. Бовин, В. Зорин, Ф. Бурлацкий, А. Черняев, Г. Шахназаров и другие. Эти люди, пройдя уникальную жизненную школу и будучи способными многое предвидеть и прогнозировать, не смогли политически до конца оформить и выразить свое видение перспективной стратегии развития страны.

То есть сделать то, что сумели реализовать в 1980-90-е Ельцин и поставившие на него политические «радикалы». Именно поэтому представители этой славной политической плеяды, по существу, проиграли. Проиграли и в августе 1991 г. (утратив в массе свое прежнее и заслуженное влияние), а в лице одного из лучших своих представителей — в мае и декабре 1999 года, что означало завершение политической биографии целого поколения. Е. М. Примаков волею судеб так и не стал русским Аденауэром — то есть политической фигурой, запускающей механизмы самооздоровления нации, общества и государства.

Тем не менее, опыт Примакова и возглавляемого им правительства, безусловно ценен для нас как пример принципиальной возможности качественной альтернативы политическому проекту, реализуемому с начала 1990-х годов и приведшему российское общество к кризисному, атомизированному и манипулируемому состоянию. Востребованность этого просвещенно-патриотического и левоцентристского проекта, на взгляд авторов, объективно не исчезла и сегодня.

К вопросу о национальной гордости: 60-летний юбилей ФРГ и размышления об историческом опыте.

Осенью 2009 года немецкие СМИ уделили широкое внимание шестидесятой годовщине принятия послевоенной Конституции Германии (1949 г), символизирующей возрождение страны после катастро-

фы нацизма в 1945 году. И подводят итоги, которые, на первый взгляд, выглядят более чем обнадеживающими.

Именно демократическая Германия стала первой экономикой Европы и третьей экономикой мира. После фиаско во Второй мировой войне, в условиях достаточно чувствительных внешнеполитических и военных ограничений Германия восстановила свою международную репутацию и, в значительной степени, свой политический вес, стала основным локомотивом процесса евроинтеграции.

«Немцы имеют все основания быть счастливы шестидесятой годовщиной Конституции и праздновать вместе» — заявила Ангела Меркель накануне торжеств по поводу юбилея Конституции.

И действительно. Германия, отпраздновав с помпой двадцатую годовщину падения Берлинской стены, как полагают многие, не испытывает отныне ни страха перед патриотизмом, ни колебаний в деле защиты национальных интересов.

Однако еще не забыто то время, когда в 1969 году бундспрезидент Густав Хайнеман продекларировал знаменитое: *«Я люблю свою жену, но не свою страну»*.

Сегодня позитивные сдвиги в самоощущении немцев внешне очевидны. «Немцы расположены по отношению к своей собственной нации, как никогда в течение последних 60 лет» — заключает по итогам проведенного им анализа Евгений Бусс, социолог из университета Хохенхайма.

«60 % горды быть немцами. И для 80 % процентов из них любовь к родине рассматривается как нечто типично немецкое» — продолжает тему западногерманская Allgemeine Zeitung. Однако, едина ли на самом деле страна?

У «весси» и «осси» по прежнему ощутимо различаются менталитет, политические ориентиры, язык и традиции. Молодые восточные немцы, усвоив за два прошедших десятилетия ряд элементов общенемецкой политической культуры и придерживаясь формальной лояльности в отношении действующих общенемецких институтов, сохраняют известную отстраненность от диктуемой «весси» общегерманской политики, и часто придерживаются «антисистемных» для западногерманской политической культуры взглядов и ориентаций (чаще лево-радикальных — левее социал-реформистской платформы СДПГ — и, реже, неонацистских).

Восточнонемецкие университеты все чаще заявляют о себе в качестве самостоятельных центров не только научной, но и социально-политической активности. Ибо активность немецкой молодежи сегодня, следует признать, на порядок выше, чем у их российских сверстников.

Итак, немецкий патриотизм, несомненно, существует и укрепляет-

ся. Но скорее даже не единый патриотизм, а два патриотизма.

Восточные немцы, пережившие шок от форсированного упразднения их государственности и идентичности (вкуче с масштабными социально-экономическими потрясениями и дискриминацией «осси» после объединения), постепенно укрепляют свой статус в новой Германии, упорно не желая быть «политически ассимилированными». Восточнонемецкие интеллектуалы и политики не стремятся ограничиться рамками прежней «линии разделения», но достаточно активно заявляют свои претензии на участие в формировании общенемецкой «повестки дня».

Западные немцы, пережившие шок от поражения и аннигиляции прежней Германии, после экономического и политического возрождения страны, которыми они по праву гордятся, обрели возможность приступить к ее национально-историческому и национально-культурному возрождению (понимаемому в умеренном либерально-консервативном духе).

Формируется ли в новых условиях особая восточнонемецкая идентичность? Существует ли особая «восточнонемецкая гордость»?

«Осси», пережившие тяжелый период «понижения в правах», сохранили многие особенности своего мироощущения, и, признав общенемецкую идентичность в целом, готовы гораздо более активно участвовать в ее формировании, противопоставляя взглядам «осси» свой собственный эталон «подлинной немецкости».

В отличие от «весси», испытавших ранее мощное влияние глобализационных и «евротинтеграционных» процессов, «осси» пережили лишь поверхностную советизацию, законсервировав в себе многие черты традиционного немецкого характера, постепенно утраченные под влиянием западной массовой культуры на западе страны. Социализм в ГДР был не только и не столько советским, но и прусским, «пруссаческим», как выразился в свое время Освальд Шпенглер, опираясь на элементы этатистской и корпоративистской психологии, перенесенной из военно-бюрократической королевской Пруссии в «первое немецкое государство рабочих и крестьян».

Характерной в этом отношении оказалась одна нашумевшая «заочная дискуссия» между востоком и западом страны.

Бывший министр-президент Баварии Эдмунд Штойбер, в начале 2000 годов по Итогам голосования восточных немцев на выборах в Бундестаг публично усомнился, следует ли давать «осси» право голоса, если они сами не осознают, за что голосуют.

На востоке Германии это вызвало глухой ропот, но не спровоцировало масштабного политического скандала.

Ответ востока последовал лишь в 2006 году, когда один из депутатов Бундестага от Восточной Германии заявил о необходимости по-

нять тот факт, что «самые лучшие немцы — это «осси», намекая на их большую природную «немецкость».

Как следствие этих латентных процессов, развивается и самостоятельная политическая идентичность восточных немцев.

Это подтверждает и феномен Левой партии, которая возникла после объединения восточногерманской ПДС (наследницы СЕПГ) и левого крыла СДПГ, недовольного ревизионистским курсом руководства и большинства партии в сторону «социального либерализма». Ее «политическое лицо», известный оппонент Герхарда Шредера, бывший министр-президент земли Саар Оскар Лафонтен, снискал себе славу успешного партийного лидера и эффективного публичного политика общегерманского масштаба. Под стать ему другие видные партийные лидеры – Грегор Гизи, Сара Вагенкнехт, Петер Линке и др.

И именно благодаря влиянию Левой партии не удался намеченный «сдвиг вправо» ни в СДПГ, ни в ХДС-ХСС, ни во всей политической системе страны, несмотря на очевидное увеличение популярности либеральных идей на западе страны. В итоге к концу 2000-х годов традиционно более левая Франция во главе с Саркози и президентской системой правления («победитель получает все») оказалась правее традиционно более «умеренной и консервативной» Германии.

Тем временем оживает понемногу восточнонемецкая экономика, постепенно перестающая быть бременем для федерального бюджета, формируемого из доходов Западной Германии. Так, безнадежно дотационный с момента воссоединения Берлин в 2007 году впервые добился профицита муниципального бюджета, что стало предметом гордости и было призвано объединить жителей обеих частей Берлина — чего, однако, не происходит.

В целом же образ «общего немецкого будущего» остается весьма и весьма туманным. Слишком сильны линии политического, идеологического и социально-экономического расколов, все еще разделяющие только еще формирующуюся единую нацию. Слишком велики антиномии немецкого политического бытия.

Немцам впору гордиться своими действительными экономическими успехами — но ударил кризис, обесценив либо поставив под сомнение многие из них. Рост безработицы, неслыханные за последние 50 лет масштабы падения производства, приведшие к частичному пересмотру социально-экономической платформы ХДС-ХСС — тому яркое подтверждение.

Впору гордиться почти эталонной моделью немецкого федерализма — но сегодня все чаще звучат голоса за ее пересмотр по причине снижения эффективности многих ее ключевых институтов и механизмов.

Можно быть довольными успехами в деле евроинтеграции — однако проект европейского объединения, завязанный на Лиссабонский договор, находится в глубоком кризисе, если не в тупике.

Экономическое лидерство Германии в Европейском Союзе, лишь подчеркнутое современным кризисом «зоны евро», порождает неоднозначную реакцию во входящих в него странах. С одной стороны, европейские нации и их элиты согласны на увеличение роли Германии в стабилизации «еврозоны» и урегулировании экономического кризиса, а с другой — предложения Берлина по усилении «политической компоненты» европейской интеграции вызывают у них известное недоверие. Сами же немцы, поддерживая лозунг «больше Европы», все же не соглашались платить за него слишком большую экономическую «цену».

Доминирующая роль Германии ставится под сомнение рядом восточно-европейских членов ЕС (особенно преуспевает в этом отношении традиционный антагонист, Польша). А это неизбежно снижает политические дивиденды Берлина.

Наконец, стратегическое партнерство с Россией, обещавшее немалые политические и экономические дивиденды, развивается не столь динамично из-за ряда кризисов и противоречий, включая мировой финансовый кризис и войну в Южной России.

Однако есть все же повод для известного (и вполне обоснованного) оптимизма.

Ибо, пережив многое в новой и новейшей истории своей страны, немцы приобрели мудрость и качество в политике. Последние, как можно надеяться, позволят им относительно безболезненно пройти между Сциллой самодовольного упоения достигнутыми успехами и Харибдой неоднозначного и проблемного исторического опыта, выстроив сбалансированную и эффективную стратегию развития страны — перспективную модель ее будущего.

Восточная Германия: тупик или непризнанная альтернатива?

Едина ли Германия сегодня? Этим вопросом задаются многие из тех, кто был в 1990 году в числе инициаторов форсированного объединения двух немецких государств. Тенденция к обособлению «восточногерманского феномена» прослеживалась в объединенной Германии вплоть до последнего времени.

Так, для немецкой статистики в течение первых десяти лет после объединения Германии вполне естественным было рассмотрение пяти новообразованных на востоке страны федеральных земель отдельно по всем основным областям деятельности. Можно было обнаружить в

федеральной статистике ФРГ качественно различные данные о безработице (которая, к примеру, составляла в августе 1998 года в восточных землях 17,1%, в то время как в западных – всего 9%), о миграции, о результатах земельных и федеральных выборов, о проявлениях правового экстремизма и формах досуга, характерных для западных и восточных немцев. В то же время, в рамках общегерманского политического дискурса практически игнорировалась историческая и социокультурная специфика Восточной Германии, что явно не способствовало процессу интеграции «двух Германий», но, напротив, всячески его затрудняло.

Включение Восточной Германии в экономическую и государственно-правовую систему ФРГ было неразрывно связано с процессом трансфера основных политических институтов, который до известной степени заполнил, используя выражение недавно ушедшего из жизни социолога Ральфа Дарендорфа, «пустоту между государством и народом». Параллельно с этим протекал не менее масштабный «трансфер» в восточные земли представителей западногерманской властно-управленческой и научной элиты. Однако, как отмечают многие современные немецкие исследователи, по сию пору сохраняются заметное дистанцирование и скепсис восточных немцев по отношению к формально внедренным в их жизнь институтам, которые заполнены по большей части западногерманскими «элитными функционерами»¹. Так, например, по данным некоторых германских исследователей, восприятие созданной после объединения политической системы снизилось у восточных немцев с 51 % в 1990 г. до 33 % в 1995 г.².

Помимо психологического кризиса, в течение первого десятилетия после объединения Восточная Германия пережила экономический обвал. Так, согласно официальной статистике, количество предприятий на востоке Германии с 1989 по 1995 годы уменьшилось с 9,8 млн. до 6,4 млн. Параллельно происходила активная миграция трудоспособного населения. Более миллиона восточных немцев, по преимуществу молодых людей, проживавших в 1989 году в Восточной Германии, оказались в итоге в западной части страны. Одна только Нижняя Саксония потеряла за указанный период около 250 тысяч жителей. И хотя за несколько последних лет в крупных промышленных центрах Восточной Германии наблюдается и обратная тенденция, внутригерманское saldo миграции остается для Восточной Германии отрицательным.

Другие показатели экономической статистики также дают не много поводов для оптимизма. Обладая 20% населения Германии и составляя 30% ее территории, Восточная Германия производит лишь

1 Spittman J. Vertrauenverlust // Deutschland Archiv. - 29 Jahrgang. - Nr. 6. – S. 841-844.

2 Wiesenthal H. Zum Wandel oekonomischer und politischer Orientierungen in akteurtheoretischer Perspektive // Berliner Debatte INITIAL. – 1996. – Heft 3. – S. 10.

10% ВВП страны. Восточнонемецкая «доля» в промышленном производстве составляет лишь 5% , а доля в совокупном экспорте страны – только 3-4%. На долю восточных земель приходится всего 4% от общего объема привлекаемых в Германию инвестиций. «Структурная перестройка» на востоке Германии обернулась масштабной деиндустриализацией, последствия которой пока не в состоянии «перекрыть» относительный рост малого и среднего бизнеса. Поэтому неудивителен сохраняющийся и даже углубляющийся разрыв между востоком и западом страны. Так, если верить данным официальной статистики, совокупный экономический потенциал Дрездена составляет лишь 25% от аналогичного потенциала западногерманского экономического «флагмана» - Мюнхена. Несмотря на масштабные финансовые вливания из западных земель в восточные (которые только с 1991 по 1995 годы составили 790 миллиардов марок) в Восточной Германии так и не образовалось устойчивых центров экономического роста.

Однако ключевые различия между западом и востоком Германии коренятся главным образом в сфере политической культуры. У «весси» и «осси» по-прежнему разнятся менталитет, политические ориентиры, язык и традиции, что предопределено 40-летним опытом раздельного существования восточных и западных земель, испытывавших влияние в корне различных политических факторов и традиций. Так, проведенное несколько лет назад социологическое исследование политической культуры восточнонемецкой молодежи показало, что молодые немцы в значительной своей части придерживаются политических ценностей, истоки которых связаны с политическими традициями ГДР и переданы им поколением родителей. Молодые «осси», усвоив за два прошедших десятилетия ряд элементов общенемецкой политической культуры и придерживаясь формальной лояльности в отношении действующих общенемецких институтов, сохраняют известную отстраненность от диктуемой «весси» политической повестки дня и часто придерживаются «негативистских» по отношению к существующей политической системе взглядов и ориентаций (чаще леворадикальных и реже националистических). Восточнонемецкие университеты превращаются в настоящие инкубаторы «левых идей», широко распространенных среди политически активной части молодежи Восточной Германии.

Среди немецких экспертов существуют различные суждения относительно возможности интеграции восточнонемецких земель в культурное и политическое пространство Западной Германии. Некоторые из них полагают, что для совершения этого перехода восточнонемецкое общество должно пройти через процесс своеобразной «фундаментальной пере-

плавки», отбросив прежний исторический и культурный опыт³. Один из экспертов – Хельмут Визенталь – дошел до парадоксального утверждения о том, что в процессе создания в восточнонемецких землях исторически отсутствовавших в них традиционных для западных обществ социальных структур и групп интересов они способны стать «наиболее модернизированной и – в хорошем или в плохом смысле - наиболее «американизированной» частью Германии»⁴. Подобное суждение выглядит излишне эпатирующим и парадоксальным, однако подтверждает уже известную закономерность: сохраняющаяся особая историческая, экономическая и социокультурная конфигурация восточнонемецких земель приводит к тому, что последние продолжают восприниматься как специфическое политическое пространство внутри Германии.

Однако сохраняется ли в современных условиях особая восточно-немецкая идентичность? Существует ли особая восточнонемецкая гордость? «Осси», пережившие период «исторической аннигиляции» и самоуничтожения, сохранили многие особенности своего мироощущения, и, признав общенемецкую идентичность в целом, готовы гораздо активнее участвовать в ее формировании, противопоставляя взглядам «весси» свое собственное представление о «немецкой идентичности». В отличие от американизированных «весси», под влиянием глобализационных процессов постепенно утрачивающих традиционные немецкие черты (трудолюбивую этику, семейные ценности, лояльность и законопослушность), они пережили лишь поверхностную советизацию, законсервировав в себе многие черты традиционного немецкого характера, постепенно утраченные под влиянием западной массовой культуры на западе страны.

Так или иначе, у восточных немцев существует своя, параллельная политическая традиция. Они – наследники Прусского королевства, созданного колоссальным трудом всех активных групп населения (военных, чиновников, предпринимателей, многие из которых были приглашенными из Франции эмигрантами-гугенотами) под началом и опекой монархии после катастрофической для немецких земель Тридцатилетней войны 1618-1648 годов. Вследствие этих особенностей Прусское государство изначально приобрело мобилизационный и корпоративный характер, о котором столь ярко написал в 1820 году профессор Берлинского университета Георг Гегель в своей «Философии права» (выполняя, к слову, официальный заказ короля и доказывая, что прусская монархия с дарованной монархом конституцией есть наиболее свободная из существовавших в истории форма правле-

3 Howard M. Die Ostdeutschen als ethnische Gruppe? // Berliner Debatte INITIAL. – 1995. – Heft 4/5. – S. 119-131.

4 Wiesenthal H. Zum Wandel oekonomischer und politischer Orientierungen in akteurtheoretischer Perspektive. – S. 11.

ния). В итоге социализм в ГДР был не только и не столько «советским», сколько прусским, «пруссаческим», как выразился в свое время Освальд Шпенглер, опираясь на элементы этатистской и корпоративистской психологии. Под стать этому оказалась и армия ГДР, уникальным образом соединившая в себе прусскую и советскую воинскую традиции. И эта пережившая потрясения периода 1990-х годов восточнонемецкая идентичность начинает манифестировать себя.

Характерной в этом отношении оказалась одна нашумевшая «заочная дискуссия» между востоком и западом страны.

Бывший министр-президент Баварии Эдмунд Штойбер (ХДС-ХСС) в начале 2000-х годов публично усомнился, следует ли давать «осси» право голоса, ибо те не являются «вполне ответственными за свой выбор избирателями». Ответ Востока последовал в 2006 году, когда один из депутатов Бундестага от Восточной Германии заявил о необходимости осмыслить тот факт, что «самые лучшие немцы – это «осси», подтвердив наличие у последних собственного видения и «голоса», далеко не во всем не совпадающих с западногерманскими «образцами» и «аналогами».

Как следствие этих процессов, развивается и самостоятельная политическая идентичность восточных немцев. Это подтверждает и феномен Левой партии, которая возникла после объединения восточногерманской ПДС (наследницы СЕПГ) и левого крыла СДПГ, недовольного ревизионистским курсом руководства и большинства партии. Ее лидер, известный оппонент «ревизиониста» Герхарда Шредера, бывший министр-президент земли Саар Оскар Лафонтен, снискавший себе славу успешного партийного лидера и эффективного публичного политика общегерманского масштаба, что подтвердилось итогами выборов не только на востоке страны, но также региональными выборами в легислатуры Гамбурга и Гессена.

Как ни странно, важным аргументом в пользу восточнонемецкой идентичности и права востока Германии иметь собственные интересы и позицию, является современный экономический кризис. Последний привел к тому, что даже на уровне либерального сегмента общегерманской элиты в лице канцлера Ангелы Меркель и представляемой ею ХДС-ХСС была признана исчерпанность традиционной для «правых» либеральной экономической стратегии. И неслучайно, в конечном итоге, что среди западногерманских интеллектуалов утверждается мысль о том, что наилучшим вариантом объединения Германии на заре 1990-х годов было бы не поглощение ГДР ФРГ, но постепенная «конвергенция» двух Германий в разных областях с уважением исторического пути и особенностей друг друга. В итоге политический спрос на «восточнонемецкую альтернативу» становится все более очевидным.

Германия: либеральный «сдвиг» без масштабных изменений. Выборы в бундестаг в сентябре 2009 года

Состоявшиеся в сентябре 2009 года выборы в германский Бундестаг существенно изменили «политический ландшафт» этой страны.

Официальные итоги голосования таковы: партия Христианско-демократический союз канцлера ФРГ Ангелы Меркель получила 33,8% голосов избирателей, Социал-демократическая партия Германии - 23% (партия потеряла 11% голосов избирателей, по сравнению с выборами 2005), Свободная демократическая партия – 14,6%. «Левые» получили 11,9% голосов избирателей, «зеленые» - 10,7%. Остальные партии, включая экзотическую «партию пиратов», попасть в бундестаг не смогли.

Лидер социал-демократов Франк-Вальтер Штайнмайер, теперь уже бывший вице-канцлер ФРГ и министр иностранных дел Германии, выступая на пресс-конференции в предвыборном штабе, признал своё поражение и объявил, о том, что СДПГ станет «бдительным оппозиционером».

На завершающем митинге своих сторонников в Берлине Меркель заявила, что возглавляемые ею христианские демократы – «единственная партия в Германии, способная разумно управлять экономикой», и поэтому избирателям в воскресенье «предстоит решить, как скоро мы выйдем из кризиса». Комментируя тот факт, что блок Христианско-демократического и Христианско-социального союзов (ХДС/ХСС) по итогам голосования потерял значительное число голосов по сравнению с результатами предыдущих выборов 2005 года, Меркель сказала: «Я нахожу, что ХДС/ХСС так или иначе получил результат, который может нас вполне удовлетворить». При этом она отметила: «Мы хотим оставаться народной партией и в XXI веке. Мы хотим быть крупной народной партией центра».

Результат выборов был в целом предсказуем, ведь согласно предвыборным опросам большинство немцев желали конца «большой коалиции» и не хотели «левого правительства». Таким образом, это открыло путь к созданию в Германии «либеральной коалиции». В то же время показательно, что если СДПГ показала худший результат в своей истории вообще, то победившая ХДС-ХСС – худший начиная с 1949 года. Последнее подтверждает наличие кризиса как немецкой версии «либерального консерватизма», так и «социал-реформистской» идеологии.

Настоящим триумфатором по итогам выборов стали «либералы» из Свободной демократической партии, добившиеся беспрецедентного для себя результата в 14,7% голосов. Вместе с тем, электоральная неудача СДПГ не означает крушения немецкой «левой» в целом – ибо более радикальная «Левая партия» (результат альянса «пост-гэдээровской» ПДС и бывшего «левого крыла») добила настоящего «электорально-

го прорыва» с результатом в 12,4 % (по сравнению с 8,7 % в 2005 году), обойдя прежних сторонников СДПГ – «зеленых».

Канцлер ФРГ Ангела Меркель рада возможности сформировать по итогам выборов в бундестаг коалицию в составе (ХДС/ХСС) и либеральной Свободной демократической партии (СвДП).

«Я уже разговаривала по телефону с Гидо Вестервелле (лидером СвДП), — сказала Меркель в интервью немецкому второму общественно-правовому телеканалу ZDF, — мы ещё не строили конкретных планов. Но вы можете исходить из того, что завтра мы уже будем говорить о планах на перспективу. Ведь страной нужно продолжать управлять». «Нам удалось достичь нашей предвыборной цели, которая состояла в том, чтобы создать в Германии стабильное большинство в новом правительстве», — прокомментировала лидер ХДС результаты сегодняшних выборов в бундестаг. При этом она подчеркнула свое желание «быть канцлером всех немцев».

Что означает подобный исход выборов в одной из ведущих стран ЕС для европейских «левых» сил в целом, и какая политическая и социально-экономическая модель может в конечном итоге восторжествовать?

Немцы отдали приоритет партии, лидер которой взял на себя ответственность за урегулирование «внутреннего» экономического кризиса, на который наложился глобальный экономический кризис.

Традиционные «левые» избиратели в значительной степени отказали в доверии социал-реформистской и социально-либеральной платформе социал-демократов, усилив в то же время поддержку ее главного конкурента на «левом электоральном поле» - Левой партии Оскара Лафонтена.

«Зеленой» альтернативе системе двух «традиционных» партий они предпочли «либеральную альтернативу» в лице СвДП, сделавшей в своей пропаганде акцент на защиту прав и свобод граждан.

Можно в этой связи предположить, что, вопреки сугубо «либеральному» составу нового кабинета министров, отказа от заявленного Меркель усиления роли государства в кризисной экономике не произойдет. Поручкой этому будет не только рефлексия демохристиан относительно собственного политического опыта, но также и активная работа «левых» - как СДПГ, так и более радикальной «Левой партии» на «оппозиционной скамье». Главной целью второго срока на посту канцлера для Ангелы Меркель станет восстановление мощи германской экономики в период кризиса. Напомним, что планах Меркель проведение реформы здравоохранения и образования, создание новых рабочих мест, снижение налогов и уровня безработицы.

Очевидно, что усилится «атлантистский вектор» во внешней политике – ибо социал-демократа Вальтера Штайнмайера на посту гла-

вы МИД сменит «свободный либерал» Гидо Вестервелле. Так, пресс-служба Белого Дома сообщила о том, что президент Обама и канцлер Меркель в телефонном разговоре согласились с тем, что с избранием «сильного немецкого правительства взаимовыгодное партнерство США и Германии будет еще больше расширяться и углубляться». Впрочем, помимо общего тона «внешнеполитической риторики» Берлина, это мало что изменит.

Окончательно победит «прагматический курс» Берлина в отношении России, что означает конец «иллюзий», еще остававшихся от «эпохи Шредера» - однако процессы и тенденции, запущенные в течение двенадцати лет партнерства, едва ли будут «сведены на нет» в обозримом будущем.

Таким образом, формирование правительства «либеральной коалиции» во главе с Ангелой Меркель не будет означать существенных сдвигов ни во внутренней, ни во внешней политике Германии, что дает России возможность и дальше взаимодействовать с Германией как с одним из своих ключевых европейских партнеров. Неслучайно, что во время своего телефонного разговора с Президентом России Дмитрием Медведевым, Меркель отметила, что «Россия и Германия и в дальнейшем будут продолжать сотрудничество и тесно взаимодействовать в вопросах глобальной политики и европейских делах».

Германия: кампания по выборам в Бундестаг и трансформация партийной системы

Политические партии (по крайней мере, в их традиционной форме) переживают сегодня очередной «системный» кризис, который ставит под вопрос их дальнейшие перспективы. Каковы же причины этого кризиса? Как полагает известный российский политолог и политконсультант Евгений Минченко, основная политическая борьба ведется сегодня уже не за доступ к каналам коммуникации, а за производство более привлекательного контента⁵. Причиной тому – масштабные социальные трансформации. Социальная среда индустриальной эпохи находится сегодня в состоянии распада. Новые противоречия, складывающиеся сегодня вокруг проблем иммиграции, мультикультурализма и европейской интеграции, ослабляют единство социальных слоев и групп, нацеленных на прогрессивные изменения и качественное развитие. В результате «импульсы» развития, генерируемые партийной элитой, не находят поддержки в «народной» среде. Это ослабляет влияние «традиционных» партий, продолжающих ориентироваться на очевидно устаревшую «повестку дня».

⁵ Минченко Е. Закат партий, расцвет движений? // Независимая газета. – 2013. – 26 июня.

Легитимность представительной демократии в современной Германии переживает кризис. Граждане сомневаются в способности этой системы эффективно контролировать и цивилизовать силы финансового капитала. Общество XXI века с высокоразвитой системой коммуникаций не может управляться с помощью институтов XIX века. Большой масштаб гражданского участия, большой «вес» прямой демократии, большой объем информации, а также большой уровень прозрачности административной ответственности необходимы сегодня для восстановления доверия граждан к демократической системе.

Какие политические акторы способны воплотить в жизнь эти изменения? Успехи новых политических проектов, не загоняющих себя в партийные рамки, в ряде европейских стран (Италия, Польша) и использование движений как несущих политических проектов действующих президентов (США, Россия) ставят вопрос о том, насколько традиционные политические партии являются сегодня эффективным политическим инструментом. По мнению экспертов, в тех же США партии являются сегодня не жесткой иерархической структурой, а по сути, переговорной площадкой между различными группами населения, экономическими и региональными элитами. Любые масштабные электоральные успехи основаны сегодня на микротаргетинге – то есть создании персонифицированных сообщений и выборе персонифицированных каналов коммуникации практически для каждого колеблющегося избирателя. Движения «одной темы», как правило, недолговечны. Они или исчезают, исчерпав свою повестку (как было в США с движением «гринбэкеров»), или преобразуются в полноценные партии (как произошло с «зелеными» в Европе)⁶. Тем интереснее выглядит в этой связи анализ современного состояния политических партий Германии в контексте сентябрьских выборов в нижнюю палату парламента.

8 февраля текущего года президент Германии Йоахим Гаук назначил выборы в бундестаг на воскресенье 22 сентября 2013 года, предварительно согласовав эту дату с кабинетом министров. В преддверии этого события, в апреле 2013 года в Германии состоялись съезды основных оппозиционных партий - Германской социал-демократической партии (СДПГ) и «Зеленых» (Союз-90/зеленые). Прошедшие съезды после многомесячных внутрипартийных дискуссий определили содержание предвыборных программ этих партий, приуроченных к предстоящим парламентским выборам.

Одновременно с этим были опубликованы данные предварительных опросов, из которых стало ясно, что сохранение действующей коалиционной «формулы» в существующих условиях будет достаточно

6 Минченко Е. Закат партий, расцвет движений. – Там же.

проблематичным, и существуют различные сценарии развития ситуации после выборов. В настоящее время, согласно опросам, показатели поддержки политических партий населением Германии выглядят следующим образом: ХДС-ХСС - 38%, СвДП - 5%, СДПГ - 26%, «Зеленые» - 15%, «Левые» - 6%, «Пираты» - 2%, «Альтернатива для Германии» (АДГ) - 5%. Более же интересным представляется общеполитический и социально-экономический контекст предстоящих выборов, определяющих линию поведения политических партий и их лидеров.

Следует помнить, что предстоящие выборы в германский бундестаг – своего рода гражданский референдум по общезначимым вопросам немецкой политики. Современная Германия, без всякого преувеличения, находится в ситуации выбора образа и модели своего политического будущего. Фактически, в процессе голосования за партийные программы германскими политиками и избирателями будут обсуждаться следующие «судьбоносные» вопросы:

Об отношении к перспективам Единой Европы – германским избирателям предстоит определиться, на каких ценностных, институциональных и организационных основаниях она должна отныне строиться;

О дальнейшей судьбе «Пакта стабильности» Меркель-Саркози и судьбе «зоны Евро» - и прежде всего вопрос о той цене, которую предстоит заплатить Германия за ее сохранение;

О новом понимании германской идентичности (национальной, культурной, политической) и перспективах мультикультурализма в Германии – последнее особенно актуально в контексте дискуссии о крахе политики Multi-Kulti, имеющей в Германии большое число «модераторов», в число которых входит и действующий федеральный канцлер Ангела Меркель;

О месте и задачах германского государства в глобальном мире, и прежде всего вопрос о том, чем предстоит быть в нем Германии – «цивилизованной» или военной силой, оставаться обычным суверенным государством или стать организационным «стержнем» общеевропейской федерации, экстраполируя на другие европейские страны свою федеративную модель;

О перспективах германского социального государства и германской модели социальной политики – с чем связан прежде всего вопрос об их конкретных формах и механизмах, соответствующих современным реалиям и вызовам;

Об отношении к международным обязательствам и внешнеполитической миссии Германии – и прежде всего вопросы об «атлантических» обязательствах страны и ее возможной роли в рамках активно обсуждаемой сегодня общеевропейской системы безопасности.

Помимо этого, предстоящие выборы – тест состояния германской партийной системы, которая давно вышла за рамки модели «двух с половиной партий», и требует качественно новых механизмов согласования партийно-политических и социально-групповых интересов.

Очевидно, что заканчивается эра традиционных партий – причем как массовых, так и кадровых, описанных в классическом для современной партологии труде Мишеля Дюверже⁷. В то же время картельные партии – которыми де-факто являются связанные с властью ХДС-ХСС и СДПГ – также сталкиваются с исчерпанностью своего потенциала. Наконец, популистские партии типа «хватай-всех-подряд» (Дж. Лаполамбара, М. Вейнер) также чувствуют известную ограниченность своего электорального потенциала.

Наряду с этим, поколение лидеров, сложившееся в комфортных условиях «управляемой многопартийности», все менее соответствует вызовам современности. В ситуации глубокого социально-экономического кризиса германский избиратель скорее востребует фигуру эффективного и предсказуемого менеджера, нежели брутального харизматика, обещающего политические и социально-экономические прорывы. Как следствие, электоральный рейтинг ХДС-ХСС в значительной степени поддерживается за счет личного фактора – популярности канцлера А. Меркель, позиционирующей себя в качестве эффективного антикризисного менеджера. И как показывают недавние опросы, проведенные по заказу немецкого телеканала ARD, несмотря на кризис, 68% жителей Германии удовлетворены тем, как глава правительства их страны справляется со своими обязанностями. Почти столько же, 65%, считают, что канцлер ФРГ во время кризиса еврозоны «действовала правильно и решительно». За пять месяцев до парламентских выборов эти цифры не могут не радовать канцлера и ее сторонников. Вдобавок популярность основного соперника Меркель, лидера социал-демократов Пеера Штайнбрюка, упала до 32%. В условиях, когда разрешение конкретных проблем все меньше зависит от идеологических рецептов, важнее становится умение лидера выслушивать разные мнения и прагматически использовать способности своих сотрудников ради достижения общей цели. Громогласные же речи и личная харизма отходят сегодня на второй план и перестают быть гарантией политических побед⁸.

Налицо и заметная идеологическая поляризация немецкой партийной политики. Расколы существуют не только внутри партий по

⁷ Дюверже М. *Политические партии* / Пер. с франц. - М.: Академический Проект, 2000. - 538 с.

⁸ Шимов Я. Ангела Меркель и закат альфа-самцов // Киевский телеграф. – 2013. - 26 мая.

идеологическому и конъюнктурному принципам, но и внутри электоральных «полей» право-центристов, либералов и немецких «левых».

Так, действующий на правом «фланге» германской политике ХДС-ХСС позиционирует себя как сила, которая начала и должна довести до конца масштабные и непопулярные, но необходимые для будущего процветания страны реформы. Известным проблемным моментом для демохристиан и их партнеров является то, что партия фактически ставит европейские обязательства Германии выше внутренних обязательств германского правительства, предлагая немцам заплатить за «европейскую перспективу». Нетрудно заметить, что, согласно опросу, уровень поддержки христианских демократов даже выше, чем полученный ими результат на выборах 2009 года (33,8%). При этом уровень предварительной поддержки избирателями их нынешнего партнера по правительственной коалиции - свободных демократов - поистине провальный. На прошлых выборах они получили 14,6%, а сегодня неясно, сможет ли СвДП вообще пройти в парламент или же партию ожидает электоральная катастрофа. По состоянию на настоящий момент, от способности СвДП преодолеть пятипроцентный барьер зависит, какая из двух потенциальных коалиций - черно-желтая или красно-зеленая - будет доминировать при суммарном подсчете. На сегодняшний день совокупный предвыборный рейтинг ХДП - СвДП составляет 43%, а показатель предполагаемого альянса «СДПГ - Зеленые» - 41%.

Возможно, более серьезной проблемой для ХДС-ХСС является появление еще одной партии, претендующей на голоса «право-центристского» электората и одновременно отдающей приоритет интересам внутреннего развития в ущерб предполагаемому «европейскому влиянию» - партии евроскептиков «Альтернатива для Германии» (АДГ, нем. AfD - Alternative für Deutschland), которая заняла электоральную «нишу» заметно потерявших в популярности «Пиратов». Учредительный съезд АДГ состоялся 14 апреля 2013 года в Берлине параллельно с «программным» мероприятием социал-демократов. Ключевая установка «Альтернативы» - приоритет внутренних германских интересов, и прежде всего экономических, над внешними обязательствами Германии. Главный предвыборный лозунг набирающей силу германской партии евроскептиков - вернуть стране национальную валюту. По данным апрельского опроса, проведенного влиятельным изданием «Handelsblatt», при достаточно высоком уровне поддержки евро в 69%, 27% респондентов высказываются за возвращение вместо евро германской марки. Заявляя себя в качестве конструктивной альтернативы правительственному курсу, АДГ позиционирует себя как партия интеллектуальной элиты, способная генерировать новые политиче-

ские идеи и подходы. Характерно, что лидером партии является харизматичный профессор макроэкономики Гамбургского университета Бернд Луке, прославившийся своими выступлениями с критикой антикризисной стратегии действующего кабинета министров. Отстаивая умеренно-консервативные «немецкие ценности», партия может рассчитывать на определенную долю голосов немецкого среднего класса, переживающего сегодня далеко не лучшие времена.

При грамотном позиционировании рейтинг партии способен существенно вырасти. Оптимисты полагают, что германская партия евроскептиков сможет получить на предстоящих выборах до четверти голосов германских избирателей. Согласно рейтингу, представленному «Handelsblatt Online» 21 апреля 2013 года, АДГ на выборах, пройди они сегодня, получала бы 19,2% голосов германских избирателей. Последний опрос общественного мнения, проведенный Quelle, демонстрирует, что АДГ набирает 5%, а, значит, попадает в Бундестаг. При этом главную угрозу на предстоящих выборах «Альтернатива для Германии» несет свободным демократам, электорат которых тает на глазах. Электоральный успех АДГ и непопадание в парламент СвДП, в свою очередь, поставят в весьма сложное положение ХДС-ХСС, лидеры которой будут вынуждены искать соглашения с СДПГ. Однако новый вариант «большой коалиции» по образцу 2005 года в современных политических условиях представляется маловероятным.

На сегодняшний день «левый» социально-ориентированный либерализм немецких «Зеленых» постепенно потеснил в общественном мнении «правозащитно-общегуманитарный» либерализм СвДП, переживающей глубокий системный кризис и пока не сумевшей адаптироваться к качественно новой политической ситуации. Партия до сих пор не может пережить потрясений конца 2011 года, связанных с внезапной отставкой лидера партии Кристиана Линднера, а также своих неудач на земельных выборах. В условиях кризиса для традиционных либеральных стратегий и идеологием для СвДП практически не остается свободного электорального пространства – «правые» избиратели в ситуации голосовать за ХДС-ХСС как партию-проводника непопулярных, но необходимых реформ, а недовольный ситуацией левый и лево-либеральный электорат – за СДПГ, которая давно и успешно, еще со времен канцлерства Герхарда Шредера, дрейфует в сторону социал-либерализма.

Впрочем, подобный дрейф не мешает СДПГ продолжать претендовать на роль главной оппозиционной силы страны. Неслучайно, что в течение нескольких последних десятилетий именно социал-демократы определяли ключевые изменения в идеологической платформе европейских левых, все дальше отходя от «революционного марксиз-

ма» и эволюционируя в направлении «не связанного комплексами» социал-реформизма.

Так, 14 апреля 2013 года на своем съезде в Аугсбурге, прошедшем под знаком 150-летнего юбилея партии и с чествованием имени видного деятеля германского рабочего движения XIX века социал-реформиста Фердинанда Лассалья, Социал-демократическая партия Германии утвердила голосованием свою программу к выборам в бундестаг. Как и следовало ожидать, в ней СДПГ сделала решительный акцент на требованиях социальной справедливости⁹.

Не желая стать еще одной «партией антиевро», СДПГ заявляет сегодня так называемую «Альтернативу для Германии», противостоящую планам кабинета А. Меркель и оппонентов из ХДС-ХСС. Полагая, что «социальная несправедливость угрожает демократии», СДПГ предлагает «план Маршалла для Европы». Сама по себе идея не нова, тем не менее, она рассматривается лидерами партии как реальный путь выхода из кризиса «еврозоны»: «Мы, социал-демократы, требуем разработки европейского плана инвестирования и развития в целях обеспечения долгосрочного роста. Этого возможно достигнуть в короткие сроки и без дополнительных расходов. Мы можем использовать средства европейских структурных фондов, которые не использовались до настоящего времени. Мы также настаиваем на введении «проектных облигаций» («проектных бондов») с целью гарантировать будущие выгоды для частного капитала, призванного возобновить инвестиции в частный сектор»¹⁰.

Наряду с этим, для усиления демократического контроля в Европе, Пеер Штайнбрюк, кандидат социал-демократов на пост канцлера, предлагает расширить полномочия Европейского парламента. Представители последнего должны участвовать в европейских совещаниях и саммитах, а сама Еврокомиссия должна трансформироваться в правительство, которое могло бы формироваться, контролироваться и быть отправленным в отставку решением парламента.

Главное предвыборное обещание, с которым СДПГ идет на выборы в бундестаг в 2013 году - это введение в Германии фиксированной минимальной заработной платы. В свою предвыборную программу СДПГ внесла пункт о принятии закона о минимальной оплате труда в размере 8,50 евро в час. Последнее примерно соответствует уровню минимальной заработной платы во Франции и Голландии, славящихся своими национальными моделями социальной защиты и социаль-

9 *Lemaître F. Allemagne: le SPD, laboratoire de la gauche européenne // Le Monde. Geo&Politique. – 2013. – 23 Mai. – P. 4.*

10 *Lemaître F. Les sociaux-démocrates allemands attaquent Angela Merkel sur l'Europe // Le Monde. – 2013. – 17 Mai. – P. 4.*

ной политики. При этом источник средств для столь масштабного социального нововведения социал-демократами не раскрывается¹¹.

Вместе с концептом «экологического обновления» индустриального общества СДПГ формулирует «стратегию роста», которая содержит в себе огромный потенциал для экономики и экологии. Данная стратегия соединяется с новыми обещаниями в области социальной справедливости. Новый «ключ» в решении проблем формируется не в связи с усилением перераспределительных механизмов и увеличении социальных трансфертов, но в обеспечении большего равновесия в распределении доходов. Последнее способно создать огромный стимул для роста покупательной способности, развития внутреннего рынка и импорта¹².

Наряду с этим, в пенсионной сфере социал-демократы предлагают установить размер минимальной пенсии в 850 евро. В области пенсионной политики СДПГ полагает оставить прежний возраст выхода на пенсию в 67 лет. Программа СДПГ также предлагает отменить плату за дошкольные учреждения и за учебу в вузе.

Предполагаются и политические реформы. В противоположность своим прежним позициям, СДПГ поддерживает сегодня закрепление права граждан на референдум на общенациональном уровне. В рамках самой партии были приняты ряд мер для усиления «внутренней демократии» и в целях обеспечения большей открытости гражданам.

Перечисленные меры при всей их внешней привлекательности выглядят косметическими и камуфлируют стремление социал-демократов уклониться от ответственности за собственный вклад в создание системы «финансово-спекулятивного капитализма» в период канцлерства Герхарда Шредера в 1998-2005 годах. Той самой системы, которая привела к кризису, разразившемуся осенью 2008 года.

Тем не менее, по мнению видного эксперта Эрнста Хильдербранда, несмотря на свою слабость, СДПГ остается ключевым участником всех прогрессистских проектов для Германии. Общее состояние дел в Европе скорее благоприятствует «левым». Вследствие финансового кризиса неolibеpальная идеология потеряла свою привлекательность. Социальная справедливость, регулирование рынков и демократический контроль за крупным капиталом отныне находятся в центре внимания граждан¹³. В то же время рейтинг СДПГ в последнее время существенно не вырос.

Эта стагнация отчасти имеет своей причиной реформы, осуществленные бывшим федеральным канцлером от СДПГ Герхардом Шреде-

11 Stroobants J.-P. *Quel projet pour la social-démocratie?* // Le Monde. Geo&Politique. – 2013. – 23 Mai. – P. 5.

12 Was wir wollen. Unser Regierungsprogramm 2013-2017 // <http://www.spd.de/themen/>.

13 Hillebrand E. *Le bel avenir du Parti social-démocrate allemande* // Le Monde. – 2013. – 23 Mai. – P. 18.

ром. Они заметно ослабили имидж партии как «защитницы» «маленького человека». В итоге этих реформ налоговое обложение заработной платы в Германии является достаточно высоким, а уровень благосостояния отдельного домохозяйства очевидно ниже среднеевропейского. Иначе говоря, богатой является Германия, но не сами немцы.

При этом не существует серьезных оснований быть пессимистом в отношении перспектив социал-демократов. Преобладающие в массах настроения более благоприятны для СДПГ, чем это было ранее. Изменение структуры общества оказывает влияние на «левых» и «правых». Феминизация общества и сферы трудовых отношений, распространение ценностей «постматериалистической» культуры, дополненные «либерализацией» нравов и возрастающей долей голосов бывших мигрантов, ставших гражданами – создают серьезные трудности для ХДС-ХСС, и прежде всего во всех основных крупных городских центрах.

Шанс СДПГ, таким образом, неразрывно связан со способностью партии «канализировать» происходящие в обществе изменения в пользу «левого центра». Необходимо сформулировать политическую программу, которая содержала бы в себе ответы на экономические, социальные, культурные и политические изменения, происходящие в современную эпоху.

В конечном итоге, СДПГ образца XXI века не будет больше «партией трудящихся». В действительности, она перестала ей быть достаточно давно. Но при этом она останется в центре публичного пространства в качестве партии, защищающей права и интересы лиц наемного труда и «непривилегированных групп» - причем как в самой Германии, так и во всей Европе.

В свою очередь, в ситуации роста социального недовольства ощутимый «сдвиг» влево осуществили союзники социал-демократов «Зеленые», которые отодвинули на второй план наследие бывшего лидера Й. Фишера и группы его сторонников внутри партии. Из партии «системной альтернативы» (экологистской, правозащитной и др.) начала 1990-х годов они уже давно превратились в «системную» партию, готовую сыграть свою роль в поддержании межпартийного баланса. В сходном с социал-демократами популистском ключе выдержана и их социально-экономическая программа. «Зеленые», в частности, предлагают чуть повысить минимальный размер пособия по безработице, доведя его до уровня 420 евро в месяц. И социал-демократы, и «Зеленые» предлагают Германии сходную по сути налоговую политику. И те, и другие хотят изменить систему подоходного налога, чтобы увеличить поступления от состоятельных и обеспеченных слоев, с последующим их перераспределением в пользу нуждающихся. На

сегодняшний момент 10% наиболее богатых домохозяйств Германии владеют 53% чистого дохода страны. Предвыборная программа СДПГ содержит предложение увеличить ставку подоходного налога с нынешних 42% до 49% для лиц с годовым доходом свыше 100 тысяч евро и семей, зарабатывающих от 200 тысяч евро в год. Параллельно с этим, обе партии предлагают увеличить налоги на капитал, одновременно уменьшив «бонусы» менеджерам частных компаний. В частности, на капитал, превышающий 1 млн. евро, предлагается полутораторпроцентный налог в течение десяти лет¹⁴.

В то же время социальный популизм и оптимизм германских «Зеленых» вызывает критику со стороны даже ближайших их союзников. Так, посетивший недавний съезд «Зеленых» председатель СДПГ Зигмар Габриэль посоветовал его участникам быть более сдержанными при публичных оценках перспектив «красно-зеленой» коалиции. Многими избирателями до сих пор не забыта поддержка «зелеными» вместе с социал-демократами в бундестаге «Стабилизационного пакта» Меркель-Саркози, что очевидно диссонировало с содержанием их партийной риторики.

Избранные СДПГ и «Зелеными» стратегии и платформы позволяют партиям опереться не только на традиционно поддерживающие ее группы лиц наемного труда и представителей «свободных профессий», но в значительной степени – на страдающий от углубляющегося кризиса немецкий средний класс, не одобряющий экономической стратегии кабинета А. Меркель. Последнее позволяет обеим партиям рассчитывать на благоприятный для себя исход выборов. В то же время ряд критиков сегодня полагают, что в действительности у СДПГ нет сегодня ни новых идей, ни решимости их реализовать на практике. Партия гибко подстраивается под существующую политическую конъюнктуру, но фактически не имеет при этом, как отмечает политолог из Свободного университета Брюсселя Жан-Мишель де Ваэле, содержательных ответов на ключевые вопросы современной «повестки дня» – старение населения, миграцию, безопасность, одиночество, городскую политику и т. п.»¹⁵. Таким образом, считать современную СДПГ партией полноценной «левой альтернативы» было бы известным преувеличением.

На этом фоне становится вполне очевидным, что коалиционная формула «Rot-Rot-Gruen» («СДПГ – Левая партия – Зеленые») так и не реализуется в ближайшее время в немецкой политике. «Левая партия», категорически не приемля установки СДПГ и «Зеленых» о верности принципам атлантической солидарности, продолжении союзниче-

14 Выборы в бундестаг Германии: партия евроскептиков может получить до четверти голосов избирателей // www.revizor.ua. – 3 мая 2013 г.

15 De Waele J.-M. Quel projet pour la social-democratie? // *Le Monde* – 2013. - 23 mai. – P. 5.

ской миссии в Афганистане и поддержке «Пакта стабильности», едва ли сможет договориться в случае удачного для трех оппозиционных партий исхода грядущих парламентских выборов о создании «трех-партийной» коалиции¹⁶. Между тем, коалиционные «розово-красные» (с добавлением «зеленого») правительства уже действуют в ряде немецких земель, а сама наследница «Партии демократического социализма» давно расширила ареал своего влияния за пределы земель бывшей ГДР.

«Левая партия» (Die Linke) предлагает в своей предвыборной программе комплексную альтернативу «системной левой» в лице СДПГ, которая, по ее мнению, желает остаться в системе созданного при ее участии «финансово-спекулятивного капитализма» и далее эволюционировать в сторону социал-либерализма при сохранении «левой» риторики.

«Левые», таким образом, давно переросли рамки политического популизма, предлагая избирателям вариант наступательной «левой альтернативы» – включая сюда требования об упразднении НАТО, демонтаже политической власти крупных корпораций, публичном контроле за банковской системой в европейском масштабе, возрождении социального государства и приоритетном спасении социальной сферы в условиях углубляющегося социально-экономического кризиса¹⁷. Идеологи же социал-демократов предпочитают сегодня дистанцироваться от подобных лозунгов, подчеркивая свою приверженность европейским и атлантическим обязательствам¹⁸.

Подобная программа, при всей ее внешней привлекательности для известной части немецких избирателей, выглядит чрезмерно радикальной для большей части германского политического истеблишмента – что выводит «Левую партию» за рамки всего возможного спектра коалиционных формул. «Левых», в частности, упрекают за неконструктивный подход к проблемам европейской интеграции и приверженности своеобразной идеологии «левого национализма»¹⁹.

На фоне успеха ряда новых политических сил показательным выглядит резкое падение рейтинга одного из главных электоральных открытий 2009 года – партия «Пиратов». «Пираты» подошли к пределам своей популярности, ослабленные внутренними спорами и интригами. Сегодня фактически произошел раскол партии на две группировки. Позиции партии заметно ослабли, если верить результатам послед-

16 Kellner M. Die *fälligen* Debatte // WeltTrends. – Nr.86. – 2012. – September/October. – S. 111-113.

17 Gehrcke W. Doch die Verhältnisse, die sind nicht so... // WeltTrends. – Nr.87. – 2012. – November/December. – S. 97-99.

18 Annen N. Zu kurz gesprungen // WeltTrends. – Nr.86. – 2012. – September/October. – S. 111-113.

19 Muetzernich R. Linksnationalistisch und antieuropäisch // WeltTrends. – Nr.87. – 2012. – November/December. – S. 100-103.

них социологических опросов. Так, согласно опросам, проведенным в мае 2013 года социологической службы телеканала ARD, впервые с момента их сказочного взлета в 2009 году «Пираты» оказались ниже 5-процентного проходного барьера.

Уникальным, однако, является само то, что партия, фактически не имевшая программы, достаточно долго сохраняла высокий уровень поддержки избирателей. Причиной тому – недовольство многих немецких избирателей торжествующей политической рутинной и потребность в подлинной политической альтернативе. В «Пиратах» многие граждане в свое время увидели долгожданных персонажей политической «сцены», способных противостоять политической касте, сросшейся с государственным аппаратом.

В то же время резкое снижение популярности партии объясняется не только экстравагантными поступками лидера партии Йоханнеса Понадера (определившего самого себя как «социального художника»), но и глубокими изменениями в общественном мнении, связанными с общеевропейским экономическим кризисом. Кризис побуждает избирателей вернуться к более устойчивым политическим силам, с помощью которых они рассчитывают избежать грядущей катастрофы. «Пираты», обещавшие избирателям «революционные изменения» и не занимавшиеся всерьез партийным строительством, в итоге выпали из этого тренда.

Обращаясь к избирателям, «Пираты» выступают за публичную «открытость» и за пересмотр юридического смысла понятия «интеллектуальная собственность». Еще одно понятие их идеологической платформы – «ликвидная демократия», которая не сводится к одним только техническим проблемам воспроизводства софтового продукта.

Они исходят из того, что любое из социальных меньшинств с помощью Интернет-ресурсов способно в режиме реального времени участвовать в процессе принятия политических решений партиями.

«Пираты» также убеждены, что демократия может быть лишь прямой, без институционализированных регулирующих институтов. Они изначально не стремились предложить новые и лучшие формы политики, полагая, что политическое себя изжило. По их мнению, «абсолютная транспарентность» и неограниченность коммуникаций ведут к исчезновению политики как таковой. «Пираты» делают ставку на «антиполитические аффекты» и продвигавшие на утопическую идеологию «эгалитарного диджитализма». Они уповают на свободу информации, на новые «социальные медиа», на возможности Интернета в реальном времени, которые могут быть перенесены на реальный политический процесс.

Они также верят в возможность формирования «общей воли» на базе новых средств коммуникации. Главный идейный «стержень»

«Пиратов» - противостояние большинства, опирающегося на новые коммуникационные технологии, политическому и интеллектуальному истеблишменту, узурпировавшему публичные власть и влияние²⁰. Подобный утопизм, не соотносящийся с политическими реалиями, прервал электоральный «взлет» радикально-оппозиционной политической силы, так и не попытавшейся обрести признаки «системности». «Революция» в рамках германской партийной системы в итоге не состоялась.

В конечном итоге, партийная система по результатам осенних выборов едва ли претерпит кардинальные изменения. При этом ее усложнение, поляризация и дальнейший отход от модели «управляемой многопартийности» неизбежно продолжатся. Меняющаяся социальная структура, система ценностей и интересов побуждают политические партии Германии изменять не только свою идеологическую «окраску», но и политическую стратегию. От принципиальной способности не к косметическим, но к глубоким трансформациям зависит будущее современных влиятельных партийных объединений. Таким образом, можно говорить сегодня не о «системном упадке» политических партий Германии, но о существенной трансформации их роли в контексте масштабных социальных изменений. Партии не замещаются новыми общественными движениями, но скорее дополняются ими, формируя для них качественно новую электоральную базу. Сами партии вынуждены трансформировать свою структуру и правила внутренней организации, активно выстраивая многообразные сетевые связи со своим социальным окружением, включающим в себя представителей самых разных слоев и групп германского социума. На смену «вождизму» постепенно приходит более прагматичный и ответственный менеджерский стиль, а на смену партийному «корпоративизму» и стремлению к элитарности - большая публичность и открытость избирателю, способность реагировать на современные вызовы и постоянные изменения политической и социально-экономической конъюнктуры, формулируя системные «ответы». Все это взятое в совокупности позволяет прогнозировать глубокие изменения партийно-политического «ландшафта» Германии уже в обозримом будущем.

Германия-2013: постэлекторальный политический процесс и перспективы политических партий

Послевыборные страсти в стране, ответственной за положение дел в ЕС, постепенно успокаиваются. Германия подводит итоги прошедших

²⁰ Herzinger R. Erst flüssige Demokratie. Dann überflüssig // Die Welt. – 2012. – 10 Oktober. – S. 8.

22 сентября 2013 года выборов в Бундестаг²¹ и решает вопрос о составе нового федерального правительства. Германии в результате этих выборов пришлось расстаться не только с «остаточными» элементами системы «двух с половиной общенациональных партий», долгое время обеспечивавшей стабильность политической системы ФРГ, но и с двумя весьма привлекательными идеологемами. Одна из них – сохранявшая привлекательность вплоть до последнего времени идея социал-демократической «альтернативы» право-либеральному курсу ХДС-ХСС и поддерживающих их либералов из СвДП. Другая – популярная еще совсем недавно создания широкой «левой» коалиции в составе СДПГ, «Зеленых» и Левой партии, с которой связывалась сама возможность фундаментальных изменений в германской политике. «Электоральной революции», таким образом, не произошло. Консерваторы из ХДС-ХСС сохранили бразды правления в своих руках – однако последнее не означает, что партийная политика в Германии не подвергнется глубоким изменениям.

В чем же заключалась главная особенность последнего народного волеизъявления? Германские избиратели голосовали исходя из сугубо прагматических и даже утилитарных соображений, в весьма малой степени ориентируясь на идеологические лозунги. Прошедшая предвыборная кампания отличалась отсутствием сколько-нибудь ярких и фундаментальных программ, а также продвигающих их перспективных лидеров (каким, к примеру, был Герхард Шредер в 1998 году). Политические партии, участвовавшие в выборах, активно использовали ранее наработанный политический и идеологический капитал (за исключением новообразованной и не прошедшей в парламент «Альтернативы для Германии» и отчасти – Левой партии). Как справедливо отмечалось еще до голосования в Бундестаг, хотя по некоторым из параметров предвыборная ситуация действительно напоминала 2005 год, нынешний лидер СДПГ Зигмар Габриэль – далеко не Герхард Шредер, а Ангела Меркель – далеко не та Анжи (Angie), которой она была в год создания «большой коалиции». Вследствие этого, никто из претендентов на места в парламенте не обещал политического или социально-экономического прорыва, и потому электоральные результаты оказались в значительной степени предсказуемыми²².

Несмотря на общий рост протестных настроений в стране, уровень поддержки ХДС-ХСС в обществе сохранился, что позволило демокристам и их партнерам по коалиции одержать пусть не сокрушительную, но все же достаточно уверенную победу (42 % голосов по

21 http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/BTW_BUND_13/ergebnisse/bundesergebnisse.

22 Roth A.-L. Neuer Bundestag: Wer kommt, wer bleibt, wer geht // Der Spiegel. – 2013. – 22 october.

результатам голосования за две партии, на 7,7 % выше, чем на выборах 2009 года). При этом многие германские избиратели хорошо понимали, что для сегодняшней ХДС-ХСС евроинтеграция все же важнее внутриэкономического благополучия, вследствие чего главной заботой партии является не благополучие национального среднего класса. Меркель и ее партию куда больше интересовали возможности и внешние обязательства крупного германского корпоративного капитала, заинтересованного в интеграции в глобальные финансовые и бизнес-структуры в целях дальнейшей экспансии на европейском и мировом рынках. Однако в отсутствие устоявшейся и понятной германскому обществу альтернативы ХДС-ХСС пока остается монополистом на «правом» политическом фланге. Попытка заявить конкурирующий ХДС-ХСС право-центристский проект, выражающий интересы национального среднего класса, и, прежде всего, средних и мелких предпринимателей («Альтернатива для Германии» (4,7 % голосов), пока не принесла масштабного успеха, но подтвердила, что такая альтернатива в принципе возможна и востребована.

Одним из ключевых факторов успеха ХДС-ХСС стала фигура ее лидера – действующего федерального канцлера Ангелы Меркель. За ней – два полноценных канцлерских срока, а также опыт поддержания политического баланса и выстраивания политических коалиций, которого нет ни у кого из ныне действующих германских партийных лидеров. Это обстоятельство, а также обещание действующего федерального канцлера проводить пусть малопопулярную, но при этом прагматичную и предсказуемую (с точки зрения поддерживающих недавно отправленный в отставку кабинет групп избирателей) политику сыграли решающую роль в победе ХДС-ХСС. Заявленное обещание не повышать налоги и продолжать реформу ЕС укрепили имидж Меркель в качестве германского варианта «сильной руки», в то время как у ее конкурентов соответствующего аналога не оказалось.

Вместе с тем, недовольство ХДС-ХСС не вылилось в массовую поддержку формально оппозиционной ей СДПГ (25,7% голосов избирателей, на 2,7 % больше, чем на предыдущих парламентских выборах), элита которой также интегрирована в систему и неформально отдает приоритет все тем же внешнеэкономическим обязательствам перед интересами внутреннего развития, дополняя это некоторыми социально-популистскими лозунгами. При этом комплексной альтернативной стратегии у СДПГ, перешедшей со времен канцлерства Шредера на позиции социал-либерализма, - нет, что подтверждается, в частности, поддержкой социал-демократами так называемого «Стабилизационного пакта» Меркель-Саркози.

Партия зеленых уверенно занимает нишу не преодолевшей 5% барьер Свободной демократической партии (СвДП) – одного из «реликтов» западногерманской политической системы, не сумевшего найти свое место в условиях трансформации политической культуры и изменения требований электората. Последнее побуждает ее продолжать плавный переход на позиции социал-либерализма. Потребность в альтернативе в этом случае будет в большей степени удовлетворяться различными идеологическими течениями, сложившимися в рамках также прошедшей в бундестаг Левой партии (Die Linke).

Сама же Левая партия, формально получившая третий результат по партийным спискам (8,6% голосов, на 3,3 % меньше, чем на последних выборах в Бундестаг), пока не способна выйти за рамки электоральной ниши из-за сложившегося ранее имиджа и чрезмерной радикальности многих ее лозунгов для немецкого обывателя, в значительной степени руководствующегося политическими представлениями начала 1990-х. От коалиции с ней уже отказались системные СДПГ и «Зеленые» (8,4% голосов, уменьшение поддержки избирателей на 2,3 % в сравнении с последними выборами), что оставляет за «левыми» уже привычную для них оппозиционно-критическую нишу.

Так или иначе, послевыборные коалиционные «торги» уже начались. И проходят они на фоне масштабного политического скандала, связанного с обнародованием факта прослушки переговоров немецкого канцлера Ангелы Меркель. 18 ноября Бундестаг соберётся на чрезвычайную сессию, чтобы решить, как ФРГ реагировать на бесцеремонное поведение американских спецслужб.

Так, по итогам прошедших парламентских выборов партии ХДС не хватает в Бундестаге всего пяти голосов до парламентского большинства. Поэтому для создания нового правительства Меркель необходим коалиционный партнер. Возможный выбор невелик: всего две партии - СДПГ и «Зеленые». В то же время Левая партия активно призывает социал-демократов и зеленых не идти на коалицию с Меркель, а сформировать коалиционное «красно-красно-зеленое» правительство, поскольку прецеденты такого объединения существовали и существуют в ряде немецких земель. В то же время общественное мнение, согласно опросам, скорее благоприятствует правым и воссозданию в той или иной версии «большой коалиции». В обзоре, опубликованном 30 сентября 2013 года общественным каналом ARD, утверждается, что 48% немцев выступают за «большую коалицию» СДПГ и ХДС. Коалицию ХДС и «зеленых» поддерживает 18%, а за «красно-зелено-красную» коалицию выступают только 16%. «Почему бы, действительно, не повторить эксперимент, — пишет Frankfurter Allgemeine Zeitung, и не позволить

двум ведущим партиям руководить страной. Конечно, свободные демократы являются для Меркель куда более удобным партнёром. Они традиционно выступали за меньшее вмешательство государства в экономику и могли бы сформировать с консерваторами более однородное парламентское большинство и правительство. Однако СвДП оказалась политическим банкротом, и теперь у канцлера фактически нет выбора».

В то же время, согласно декларациям высших функционеров ХДС, новое коалиционное правительство в Германии будет сформировано в середине ноября. Однако до сих пор окончательно не решено, с кем христианские демократы сформируют новое правительство. И будет ли это правительство «большой коалиции» по образцу 2005-2009 годов? Теоретически возможен и вариант «супербольшой коалиции». Выглядящее немного экзотично гипотетическое создание коалиционного правительства из представителей ХДС, СДПГ и зеленых будет означать эксперимент, когда в германской большой политике де-факто исчезнет (либо радикально маргинализируется) всякая оппозиция. Подобный вариант стал бы колоссальным политическим успехом Меркель, однако лидеры СДПГ и «зеленых» едва ли согласятся сегодня де-факто отказаться от своего политического лица и субъектности.

Существует и третий возможный, сугубо гипотетический вариант - попытаться создать правительство меньшинства, которое будет нуждаться в поддержке в Бундестаге СДПГ или зеленых при принятии каждого законодательного акта. Однако подобных прецедентов еще не случалось в политической истории Германии. По-видимому, подобный эксперимент все-таки привел бы к досрочным парламентским выборам.

Так или иначе, 22 октября 2013 года состоялось первое заседание нового Бундестага. Президент Германии попросил Меркель продолжить деятельность в качестве временного главы правительства на период создания коалиции. Уже 23 октября, после проведения первого заседания нового состава бундестага, начались переговоры представителей трех партий о создании коалиционного правительства. Переговоры планируется завершить к концу ноября, а само правительство должно быть создано ориентировочно к Рождеству. Все чаще в этой связи раздаются призывы к созданию новой версии «большой коалиции». Последняя призвана включить в свой состав представителей ХДС-ХСС и, опираясь на широкий консенсус в германском обществе, продолжить необходимые преобразования в социально-экономической сфере.

Каковы же шансы на создание различных вариантов правительственной коалиции с учетом интересов и возможностей потенциальных партнеров ХДС-ХСС? Руководство СДПГ принципиально не против коалиции, учитывая, что в социально-экономической области расхо-

дения между двумя крупнейшими партиями Германии не выглядят столь критическими. Лидеров социал-демократии больше пугает угроза потери своего традиционного электората, как это произошло осенью 2009 года в результате участия социал-демократов в «большой коалиции». В рядах Социал-демократической партии сегодня нет нового Оскара Лафонтена, способного устроить «бунт на корабле» против «политики соглашательства» и увести с собой часть сторонников партии в новое политическое образование, подобное нынешнейлевой партии.

Таким образом, окно возможностей для заключения нового соглашения о «большой коалиции» существует. СДПГ, не имея после ухода Герхарда Шредера достаточно ярких лидеров и потеряв немалую часть своего прежнего электората, вполне может согласиться на «косметические» и «технические» уступки (с целью не потерять лицо).

При этом, не будучи до конца уверенными в поддержке такого решения со стороны партийных «низов», лидеры СДПГ могут запросить одобрения коалиции у рядовых членов партии. При этом они исходят из не слишком удачного опыта деятельности прежней «большой коалиции», правительство которой под руководством Меркель работало в 2005-2009 годах. Итогом «большой коалиции» для социал-демократов стал самый низкий результат на выборах 2009 года у СДПГ за всю послевоенную историю. Поэтому нынешнее руководство СДПГ не желает персональной ответственности за оформление нового коалиционного соглашения с ХДС. Оно хотело бы, чтобы соглашение получило одобрение путем персонального голосования всех 472 тысяч членов партии.

С учетом возможности создания коалиции с ХДС руководство социал-демократов уже начало политический торг. Предварительные требования социал-демократов к Меркель были озвучены еще в конце сентября. В германских СМИ появилась информация о том, что социал-демократы ведут речь о шести министерских постах для своей партии. СДПГ потребовала равного партнерства в правительстве по схеме 50 на 50. За ХДС при этом остается пост канцлера, социал-демократы получают портфель министра финансов. В качестве кандидата на этот министерский пост чаще всего называется Йорг Асмуссен - бывший функционер министерства финансов. Кандидатура Асмуссена могла бы устроить Меркель, поскольку он традиционно считается представителем «умеренной платформы» в СДПГ²³.

Одновременно с этим социал-демократы озвучили главное свое условие для создания «большой коалиции» - введение в Германии новым правительством Меркель минимальной заработной платы. Против этого выступают консервативное крыло внутри ХДС. После войны вопросы заработной платы были оставлены в компетенции предпринима-

23 См.: <http://www.regnum.ru/news/polit/1719440.html#ixzz2jSQRwyk4>.

телей и профсоюзов. При этом следует помнить, около 32 % трудящихся в Германии не охвачены профсоюзами и коллективными соглашениями по труду. Помимо этого, остается большой проблемой сравнительно высокое по европейским меркам налогообложение зарплат в Германии, что снижает уровень реальных доходов наемных работников.

Вместе с тем, по мнению экспертов, часть партийного руководства СДПГ готова пойти на «большую коалицию» с ХДС даже ценой отказа от ультимативного требования повышения налога на богатых, что будет означать фактический отказ от ключевого положения предвыборной программы.

Наряду с этим, звучащие из социал-демократических рядов требования «равного партнерства» в существующих условиях – не более чем политическая риторика. СДПГ сегодня куда более договороспособна, чем в 2005 году. Тем более, что идею «большой коалиции» поддерживают сегодняшние руководители СДПГ Зигмар Габриэль и Франк-Вальтер Штайнмайер. Оба имеют опыт работы в правительстве Меркель в 2005-2009 годах. В свою очередь, в подобной ситуации появляется пространство для самостоятельной политической игры для Ханнелоре Крафт – одного из лидеров социал-демократов и нынешний премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия, не приемлющей идею «большой коалиции». Отстаивая свою позицию и сохраняя верность принципу единства партийных рядов, она способна стать кандидатом СДПГ на пост федерального канцлера в 2017 году. Таким образом, большая коалиция – возможна, но будет означать дальнейшую потерю политического лица СДПГ. Разрушение системы социально-либерального консенсуса, начатое Шредером и правительством «большой коалиции» в начале 2000-х годов, будет, скорее всего, продолжено. В таком случае, вместо конкуренции право-либеральной и социал-демократической альтернатив, между собой будут конкурировать две версии либеральной платформы – последовательная (ХДС-ХСС) и смягченно-популистская (СДПГ и умеренная часть «Зеленых»).

В свою очередь, «Зеленые», понимая ограниченность своих возможностей в существующей ситуации, теоретически были не против коалиции с ХДС-ХСС, но, полагая, что не извлекли еще всех возможных дивидендов из позиционирования себя в качестве умеренно-опозиционной силы, в итоге отказались от участия в коалиционном правительстве. Среди руководства зеленых, которые могут пойти на соглашение с Меркель, называют премьер-министра земли Баден-Вюртемберг Винфрида Кретцманна и бургомистра Штутгарта Фритца Кюна. Кретцманн, напомним, - первый и пока единственный зеленый земельный премьер-министр. В то же время, учитывая, что все ны-

нешние лидеры «Зеленых» по своему персональному «весу» и политическому потенциалу заметно уступают Ангеле Меркель, и желание вступать в коалицию в качестве младшего партнера, отказавшись от целого ряда популистских обещаний, у них пока не слишком велико. Ведь в этом случае придется забыть об экологической, энергетической, миграционной, семейной и иных альтернативах, которые составляли ядро предвыборной программы партии.

Вместе с тем, отказ от имиджа радикалов и приверженцев различных «альтернатив», который закрепился за партией с начала 1990-х годов, является одним из ключевых трендов ее развития. В современной ситуации у «Зеленых» существует реальный шанс постепенно превратиться в партию германского среднего класса, недовольного излишне «жесткой» социально-экономической политикой альянса ХДС-ХСС и колеблющейся линией СДПГ. Согласно опросам, партия сегодня пользуется популярностью в больших и университетских городах (в больших городах - до 20-30 % потенциальной поддержки избирателей). Вместе с тем, на последних выборах зеленые выступили чуть хуже, чем в 2009 году, получив 8,4 % голосов против прежних 10,7 %.

Последнее объясняется излишней «радикальностью» предвыборной программы «Зеленых» в вопросах налогообложения, что оттолкнуло от них часть представителей все того же среднего класса. Вместе с тем, реализовать свою претензию на представительство нового среднего класса партия «Зеленых» может осуществить только через участие в правительстве, заняв политическую нишу провалившейся на последних выборах СвДП. А это неизбежно означает их постепенное превращение в «системную» партию с отказом от идеологических установок в духе контркультуры 1970-х годов. То, в каком направлении будут эволюционировать находящиеся в новой роли «зеленые», зависит от соотношения внутри партии между Realos – реалистов, ориентированных на сопредседателя партийной фракции в Бундестаге Катрин Геринг-Экардт. и Fundis - левых, иначе «фундаменталистов», интересы которых представляет другой фракционный сопредседатель Антон Хофрайтер. В любом случае, эволюция идеологической платформы «Зеленых» будет трудной и по своим временным параметрам, очевидно, выходит за рамки четырехлетнего срока полномочий нынешнего германского парламента.

С определенными трудностями на пути создания «большой коалиции» сталкиваются и сами христианские демократы. Так, ХДС практически не имеет опыта коалиционного сотрудничества с «Зелеными» как на федеральном, так и на земельном уровнях.

Возможно, сама декларация Меркель о возможности создания ко-

алиционный союза с «зелеными» была только маневром, призванным продемонстрировать социал-демократам, что они - не единственный возможный партнер по будущей коалиции. Прецеденты коалиции ХДС и «Зеленых» на федеральном уровне на сегодняшний день отсутствуют. До сегодняшнего дня черно-зеленые коалиции работают в Германии только на муниципальном уровне. Сегодня ХДС и «Зеленые» совместно правят в таких крупных городах Германии, как Франкфурт-на-Майне и Бонн. На земельном уровне ХДС и зеленым удалось сформировать коалиционное правительство всего лишь один раз - в 2008 году в Гамбурге.

И даже если ХДС-ХСС удастся создать «большую коалицию» с СДПГ на основе собственной платформы, надолго консолидировать вокруг себя устойчивое большинство германского общества им вряд ли удастся. Как следствие, «размывание» электоратов обеих партий в пользу других политических сил («Зеленых» и той же «Альтернативы для Германии»), способной стать для Германии некоторым условным аналогом французского «Национального фронта») неизбежно продолжится.

Подобной ситуацией способна воспользоваться Левая партия, которая, при всей ограниченности своих нынешних политических возможностей, остается единственной политической силой, отстаивающей содержательное единство левых сил. В то же время «Левые» – единственная общенациональная партия, предлагающая немецкому обществу целый спектр альтернатив статус-кво: эмансипаторско-либертарианскую, антикапиталистическую и еврокоммунистическую, социал-демократическую (реформистскую), представленные яркими и по большей части молодыми политиками. Благодаря этому возникает возможность для расширения электоральной базы партии уже в ближайшие годы. Однако коалиционный и многофракционный характер Лево́й партии грозит ей внутренними кризисами и расколами в будущем, для избегания которых от партийного руководства потребуются особая политическая мудрость и дополнительные организационные усилия.

Сегодня, абсолютное большинство немцев поддерживает идею «большой коалиции», но, по словам критиков, консерваторы и социал-демократы ставят под угрозу основы парламентской демократии. В подобной ситуации все чаще звучат ссылки на политическую целесообразность, вытекающую из неблагоприятной общеевропейской экономической конъюнктуры. Именно от Берлина ждут сейчас решительных действий: фундаментальных преобразований и многомиллионных вливаний в проблемные южноевропейские страны. Подобная ситуация не благоприятствует сведению счётов между Меркель и социал-демократами, поскольку элиты обеих партий стремятся стать полноценными «сегментами» общеевропейской элиты. Проевропей-

ская политика подобного альянса может вызвать немалое недовольство внутри самой Германии, однако многие в Европе сегодня считают, что лучше протестное движение, чем отсутствие в стране-лидере ЕС дееспособного правительства²⁴.

В любом случае, социальный и политический «застой» по результатам нового постэлекторального цикла Германии не грозит. Снижение популярности и размывание идеологических платформ действующих политических партий, по всей видимости, будет компенсировано дальнейшей активизацией массовых политических движений, которые будут стремиться внести в повестку дня требования все новых социальных групп – нового среднего класса, молодежи, малого и среднего бизнеса, чьи интересы нынешний политический истеблишмент представлять отказывается. Если традиционные «партийные» элиты продолжают свой «сдвиг» в направлении общеевропейской политики, то заявляющие о себе уже сегодня новые политические лидеры будут действовать не только через политические партии, но и в рамках «постпартийной политики».

«Альтернатива для Германии»: право-центристский вызов правящей коалиции и его перспективы

Немецкая евроскептицистская партия «Альтернатива для Германии», заявившая о себе в течение двух последних лет, является качественно новым явлением в рамках «правой» части политического спектра своей страны, весьма далеко отойдя от образа немецких «внесистемных» правых ультранационалистического толка как очевидно маргинальной силы. Несмотря на молодость, партийное объединение имеет привлекательную идеологическую платформу и обладает стабильно возрастающим влиянием на электорат.

Успех партии, возникшей только 6 февраля 2013 года, уже превзошел все ожидания. Партия получила 4,7% голосов на федеральных парламентских выборах того же года, едва не переступив 5% избирательный порог – тогда ей просто не хватило времени для раскрутки и формирования своего устойчивого имиджа в сознании избирателей. Нарастив свой первоначальный электоральный успех, партия завоевала 7 из 96 мест в рамках германской «квоты» на выборах в Европарламент 2014 года. Благодаря активному освещению нового политического феномена в СМИ и порожденному таким образом общественному резонансу численность партии возросла с 5000 до 7500 только за несколько последних месяцев 2013 года, что напоминало «обвальный успех». Сегодня она

24 Терентьев А. О «большой коалиции» в Германии: кризисную Европу возглавит правительство противоречий // http://www.odnako.org/blogs/show_31494.

насчитывает в своих рядах уже 20 000 членов. Успехи «Альтернативы» напоминают политический прорыв восточногерманских «зеленых» конца 1980 годов, вобравших в себя пассионарную энергию и социальный потенциал широко спектра оппозиционных движений бывшей ГДР, возглавляемых «молодыми неформалами». Сегодня, в ситуации новой исторической «развилки» в политическом развитии Германии, связанной со ослаблением общественной поддержки курса «Большой коалиции», возникла политическая сила, готовая сформировать и предложить обществу альтернативную политическую повестку дня.

Партия выражает объективно существующий в германском обществе запрос на качественную и последовательную альтернативу курсу действующей власти. Чему же в действительности оппонируют представители «Альтернативы для Германии»? В экономике правительство Ангелы Меркель ориентируется в первую очередь на укрепление и повышение конкурентноспособности крупных германских корпораций – в ущерб остальной экономике, малому и среднему бизнесу, промышленному сектору, что вызывает весьма неоднозначную реакцию в бизнес-сообществе.

В социальной сфере правящей коалицией последовательно реализуется курс на уменьшение масштабов социального государства, имеющий неблагоприятные последствия для значительной части германского среднего класса – с целью сохранения финансовой стабильности и «зоны евро» как пространства для деятельности все тех же крупных корпораций

В политическом плане – длительное существование «большой коалиции», в основе которой лежит неформальный пакт германских элит о согласованной политике по ревизии прежних принципов социально-экономической политики и государственного строительства, что, по сути лишает немцев возможности выбора реальной политической альтернативы.

Произошедший на глазах германских избирателей переход ХДС-ХСС с консервативных на либеральные, а СДПГ – с социал-демократических – на социал-либеральные позиции, вызвали брожение в их традиционном электорате и недовольство многих ранее ориентированных на них социальных групп.

Это же обстоятельство способствовало возникновению в первой половине 2010-х годов новых партий и общественных движений, бросающих вызов традиционным партиям и их бюрократическим и бизнес-клиентам.

«Альтернатива для Германии» – немецкая правоцентристская партия нового типа, отстаивающая ценности суверенитета, трудовой этики, семьи, национальной экономики в качественно новом

контексте – которые сегодня приносятся в жертву более масштабным глобальным проектам. «Альтернатива» – это заявка на занятие политической и идеологической ниши ХДС (ХСС - в меньшей степени), перешедшей на глобалистские позиции.

Могут ли занять эту нишу другие политические силы страны? Правые радикалы в лице балансирующей на грани запрета НДП обречены на перманентную маргинализацию, и едва ли могут составить конкуренцию «Альтернативе» на «правом» электоральном поле. Наиболее привлекательной для широкого круга избирателей является заявленная цель партии: восстановить внешний и внутренний суверенитет страны – восстановить демократические стандарты и права граждан Германии, умаленные в правление «большой коалиции», которое представляется несколько затянувшимся все большему числу германских обывателей.

Сегодня партия постепенно переходит с первоначально преобладающей социально-экономической проблематики к политико-идеологической, формулируя свою позицию по ключевым вопросам общеевропейской и мировой политики, собственный взгляд на место Германии в объединённой Европе и мире.

Процесс партийного строительства между тем набирает обороты. В июле партия сменила своего прежнего лидера консерватора с Востока страны, делающего упор на более традиционные для немецких «правых» темы. Большинство членов Альтернативы поддержал Фрауке Петри против Бернда Луке в борьбе за пост председателя партии. Петри, 40-летняя предприниматель, которая ранее возглавляла партию в Саксонии, обвинила Луке в чрезмерно увлечении борьбой с евро и самой идеей еврозоны в ущерб проработке других значимых пунктов партийной платформы. Позиция Петри оказалась сходной со взглядами известного лидер Партии независимости Великобритании (UKIP) евроскептика Найджела Фэриджа. Избрание Петри на пост лидера партии выглядит весьма перспективным, поскольку она представляет восток Германии, который за время существования ГДР сумел сохранить многие элементы традиционной немецкой культуры и самосознания, до известной степени утраченные на западе страны. Вместе с тем, можно предположить, что умеренно-консервативная позиция Петри по основным политическим и социально-экономическим вопросам сможет найти немалую поддержку и в западных немецких землях.

Таким образом, «Альтернатива для Германии» видит себя в качестве альтернативы преобладающим среди основных партий Германии сторонникам «зоны евро» и заключенного ради ее спасения в конце 2011 года «стабилизационного пакта». Для этой цели, партия ставит три базовых задачи: «восстановить демократические ценности»; вос-

становить «правовое государство»; вернуться к «здоровому смыслу» в экономике. Таким образом, речь идет о восстановлении демократии снизу, силами «гражданского общества», которые призваны противостоять механизмам, поддерживающим «элитарный пакт» и «бюрократический консенсус», направленные на последовательное внедрение либерально-глобалистских стандартов как в Германии, так и в самом ЕС. В данном случае мы имеем дело с феноменом гражданского общества, выступающего с консервативных позиций, что способно стать залогом масштабных трансформаций не только электорального поля, но и всей политической жизни Германии.

Обоснование позиции партии по экономическим вопросам выглядит достаточно убедительным. По словам бывшего лидера «Альтернативы» Луке, введение единой общеевропейской валюты являлось крупной исторической ошибкой. Механизмы валютного союза очевидно не учитывали различия в уровне социально-экономического развития и возможности адаптации к глобальным экономическим вызовам и макроэкономическим проблемам различных стран и регионов Европы. В результате межстрановые и межрегиональные противоречия лишь усугубились. Менее конкурентноспособные страны лишились значимого рычага – возможности девальвировать свою валюту, чтобы стать привлекательной для инвестиций. Вкупе с ограничительными стандартами ЕС, жестко регламентирующими возможности национального экономического развития, введение единой европейской валюты создало видимость благополучия при продолжающейся деградации многих европейских экономик, что автоматически перекладывало бремя «финансовой стабилизации» на экономически более сильные страны, и прежде всего на играющую роль мотора Еврозоны Германию. Европа, как следствие, все больше распадается на бедный Юг и богатый Север («Евро раскалывает Европу» - как гласит партийный баннер). Исправление диспропорций, порожденных введением евро, за счет создания дополнительных механизмов стимулирования экономического развития отдельных национальных экономик, является, по мнению идеологов и лидеров «Альтернативы», единственным выходом из нынешнего кризиса. Петри, с другой стороны возглавляет консерватор. Лозунги против нарушающей социально-экономическое равновесие иммиграции и призывы типа «больше детей для немецких семей» нашли поддержку в восточногерманских землях. Обращение лидеров партии к ценностному измерению политики выглядит в этой связи весьма многообещающим.

Правоте заявленных «Альтернативой» подходов становится все более очевидной в ситуации, когда лидеры стран ЕС и представители

высшей европейской бюрократии фактически стоят сегодня перед выбором: довести до логического конца процесс централизации управления финансами стран зоны евро и добиться укрепления позиций европейской валюты не считаясь с возможными социальными или даже политическими издержками – либо перейти к стратегии стимулирования качественного экономического роста национальных экономик; однако для этого требуется смена господствовавшей до последнего момента либерально-монетаристской парадигмы, что очевидно находится в поотиворечии с интересами правящих в большинстве стран ЕС элит и связанных с ними финансово-промышленных групп. Все это делает неизбежной апелляцию противников подобной политики к «улице» – то есть к массовым протестным движениям, противостоящим корпоративным стратегиям политического истеблишмента.

«Альтернатива для Германии» делает акцент в своей пропаганде на том, что Пакт стабильности и роста, нацеленный на сохранение и укрепление экономического и валютного союза посредством строгой фискальной политики, ограничивающий дефицит государственного до 3 процентов ВВП, а государственный долг до 60 процентов ВВП, неоднократно нарушался различными странами еврозоны, включая саму ФРГ – что ставит под сомнение саму заявленную цель стабилизации. У современного ЕС отсутствуют перспективная стратегия, а также институты и механизмы, позволяющие решить эту задачу.

Как следствие, фундаментальная реформа европейских институтов и пересмотр отношений Германии с другими странами ЕС являются центральными темами в программе партии. «Альтернатива для Германии» призывает положить конец бюрократической централизации и процесса изъятия законодательных полномочий и бюджетного контроля у национальных правительств, не возражая в принципе против глубокой и качественной интеграции европейских стран в личных областях. Перспективная модель «единой Европы», согласно идеологам партии, предполагает объединение суверенных государств с единым рынком. «Альтернатива» предлагает «политику здравого смысла» (*Politik die gesunden Menschenverstands*) как ответ на актуальные проблемы Европы и Германии, с опорой на возможности поддерживающих партию академических интеллектуалов.

«Альтернатива» позиционирует себя в качестве структуры гражданского общества,

выступающей против разрушительной, по мнению ее членов и лидеров, стратегии правящего класса, приводящей Германию в состояние системного кризиса – в экономике, социальной сфере, политике и идеологии. Набирающая популярность партия стремится из-

бежать скатывания в популизм и правый радикализм, одновременно противопоставляя себя «безответственному либерализму» и корпоративистским стратегиям «правящего класса». Подобный «консенсус недовольных», направленный против правящего класса, может основываться на гражданских ценностях, консолидируя вокруг себя то, что можно определить как «национальное ориентированное гражданское общество». Приход его представителей в большую политику – один из главных феноменов политической жизни современной Германии.

Весьма важным в современных условиях является вопрос о перспективах сотрудничества «Альтернативы» с новыми протестными движениями, возникшими в ответ на действия властей Германии в социально-экономической сфере и в вопросах миграции; позиция по этим вопросам канцлера Меркель и официальных властей Германии, подтверждённая в ходе недавнего миграционного кризиса, стала настоящим шоком для немалой части германских избирателей, голосующих за «правые партии». Кооперация с акцентирующим миграционную проблематику движением Pegida может изменить политическую ситуацию в стране. Электоральный взлет «Альтернативы для Германии» характерно совпал с активизацией массового низового движения, претендующего на защиту культурного облика и культурной идентичности Германии. В основу программы Pegida положены лозунги защиты «немецкой культуры», прекращение массовой иммиграции и противодействие «исламизации» немецкого общества. Движение организовало свой первый марш протеста в восточногерманском Дрездене 20 октября 2014 года, в котором приняли участие 350 человек. Поддержка движения постоянно росла и позволила собрать уже 17500 участников на акцию 22 декабря. Примечательно, что подобные марши были организованы начиная с конца 2014 года по всей Германии – хотя и с меньшей массовостью, нежели в Дрездене.

Существенно, что «Альтернатива для Германии» и Pegida пользуются наибольшей поддержкой в одних и тех же регионах Германии, а их сторонников объединяет острое и жесткое неприятие происходящего в немецком обществе. При этом все системные немецкие партии, помимо «Альтернативы», относятся к Pegida весьма критически. «Альтернатива», соединяющая в своей программе как традиционные правополитические лозунги, так и ряд установок «внесистемных правых», может позволить себе обойти этот условный запрет. Процесс сближения между партией и Pegida сегодня налицо. Так, например, Александр Гауланд, лидер «Альтернативы» в Бранденбургском ландтаге и по совместительству вице-спикер партии, рассматривает основные положения движения пегиды в положительном ключе. Недавно он публично выступил в защиту движения в ответ на его критику со стороны кан-

цлер Германии Ангелы Меркель. В Дюссельдорфе, местное отделение Pegida было организовано членом «Альтернативы». Новый лидер партии Фрауке Петри открыто защищала движение в ходе последних парламентских дебатов, поддерживая личные контакты с его лидерами.

Сегодня и «Альтернатива», и Pegida имеют свои опорные пункты в землях Восточной Германии, и в частности, в Саксонии, где на последних региональных выборах упомянутая партия завоевала 14 мест в региональном парламенте. Саксония исторически голосует за «правых» и считалась до последнего времени оплотом НДП. Как полагают некоторые германские эксперты, недавний успех «Альтернативы», равно как активизация Pegida, может указывать на существенные различия политических культур Востока и Запада страны. Взяв на вооружение некоторые лозунги из арсенала внесистемных «правых», представители «Альтернативы» могут добиться включения их в общепризнанную повестку германской публичной политики, вследствие чего сами эти лозунги уже перестанут рассматриваться как экстремистских в рамках официального политического дискурса.

Политические последствия сближения между «Альтернативой» и Pegida для германской партийной политики и политической системы в целом могут быть значительными. Подобный альянс может повысить уровень электоральной поддержки новой партии, и особенно в Восточной Германии. За последнее десятилетие переход ХДС Ангелы Меркель на либеральные позиции создали политический вакуум на «умеренно-правом» фланге немецкой политики. В прошлом, национально-консервативному крылу ХДС-ХСС удавалось интегрировать национально-консервативных избирателей в политический мейн-стрим. Альянс между «Альтернативой», как массовой парламентской правой партией и Pegida, как «правым» крылом массового низового движения, способны изменить политическую ситуацию в Германии, сдвинув политическую повестку дня к проблеме иммиграции и существенно изменив публичный дискурс страны. Следует признать, что начало процессу подобной идеологической ревизии положили руководящие деятели самой ХДС-ХСС, после долгих внутрипартийных дискуссий признавать провал политики мультикультурализма в Германии.

В ближайшее время «Альтернативе для Германии» предстоит определиться со стратегией и тактикой – укреплять собственно партийную структуру либо выстраивать вокруг себя широкую коалицию, включающую новые общественные движения и профсоюзы. Конкурировать со сложившимися партийными аппаратами (и от ХДС-ХСС, и от СДПГ) и их организованными «лобби» новой политической партии будет достаточно затруднительно, однако сильные горизонтальные

связи и реально действующее гражданское общество в Германии дают ей определенный шанс в ситуации возрастания в немецком обществе протесты настроений. И с высокой вероятностью можно предположить, что «Альтернатива для Германии» не повторит ошибок еще недавно популярной «Партии пиратов», которая в свое время отказалась от создания полноценной партийно-организационной структуры, что в итоге привело их к болезненному поражению на последних выборах в Бундестаг. В то же время, успех «Альтернативы для Германии» как политического проекта позволяет рассчитывать на существенное изменение политического ландшафта страны уже в обозримое время.

Германия после Меркель: камо грядеши?

Отставка Ангелы Меркель, о которой неожиданно заговорили сегодня – еще далеко не свершившийся факт. Однако недавняя публикация в «Нью-Йорк Таймс» статьи, призывающей к отставке Меркель вкупе с принятием чрезвычайных мер с целью урегулирования «миграционного кризиса», стала поистине знаковым событием, означающим, что позиции ведущего политика Германии отныне не столь непоколебимы, как ранее.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что политические результаты Меркель вплоть до последнего момента внешне способствовали укреплению ее позиций. Политический баланс ее правления, несмотря на целый ряд весьма неоднозначных решений, был последовательно положительным – и последний кризис оказался совершенно неожиданным.

Так, Меркель создала в Германии ситуацию, когда внутренняя оппозиция частично интегрирована во власть, а частично маргинализирована. И никакие протесты и действия со стороны оппозиционных сил не могли поколебать доминирования «большой коалиции» между ХДС-ХСС и СДПГ.

Действующая канцлер также сумела ввести в относительно управляемое русло ситуацию вокруг Греции, которая уже казалась потерянной для ЕС и его планов финансового спасения. В итоге удалось избежать (или отсрочить) масштабнейший кризис еврозоны, который мог стать началом ее распада и банкротства ЕС как экономической и политической структуры.

Именно Меркель, несмотря на серьезное недовольство в обществе, продолжает реализацию плана по стабилизации европейских финансов и спасению зоны евро. Консенсус элит и крупного бизнеса позволял до последнего времени игнорировать недовольство значительной части населения стран ЕС политикой либерального консенсуса и ее последствиями.

Меркель сделала Германию, несмотря на сопротивление немалой части

общества и бизнеса, ключевым звеном механизма санкций в отношении России и важным элементом системы сдерживания России в современной ситуации. Более того – ей удалось убедить значительную часть немецкого общества согласиться заплатить за неизбежные издержки подобного курса, руководствуясь необходимостью защиты общих ценностей.

Меркель, которая в связке с французским лидером Олландом, проявив незаурядную политическую волю и одновременно гибкость, сумела запустить Минский процесс. Который, при всей его неоднозначности с точки зрения своего содержания и возможных последствий, пока продолжается.

Наконец, именно Меркель консолидировала вокруг себя крупнейшие немецкие ТНК, методично продвигая проект по созданию Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрства (ТТИР) – последствия которого для политического и экономического суверенитета стран ЕС являются, откровенно говоря, неоднозначными.

Столкнулась же новая «железная леди» на вопросе о мигрантах – который, как ей самой представлялась, она достаточно уверенно контролировала. Рассчитывая использовать миграционных фактор для реформирования рынка труда, она в итоге попала в политическую ловушку, и ситуация с мигрантами, равно как и реакция на нее, вышли из-под контроля. Безусловно, в данном случае сыграли свою роль как эффект неожиданности, так и эксцесс исполнителя – однако данный кризис, похоже, стал последней каплей, переполнившей чашу терпения немецкого общества.

На фоне этого ставшего поистине общеевропейской кризиса не столь существенными оказались даже недавние трения с Польшей по вопросу о свободе СМИ и в связи с активным противодействием Берлина курсу на «ревизию» начал демократии Качиньского-младшего. Главное же -миграционный скандал со всей серьёзностью обозначил известный потолок возможностей для казавшейся ранее практически неуязвимой фрау канцлер.

Последнее неизбежно сказалось на ее имидже. В целом расположенные к ней до этого Соединённые Штаты неожиданно отказали ей в поддержке и усомнились в ее эффективности – здесь сказался тяжело переживаемый ими неоднозначный опыт социальных реформ президента Обамы, результаты которых скорее обострили вопрос об идентичности и дееспособности интеграционных механизмов, действующих в американском обществе. Обнаружившаяся слабость стратегического партнёра в столь значимой вопросе накануне принятия решений относительно судьбы ТТИР, по всей видимости, показалась части американского истеблишмента категорически недопустимой.

Но главное – от ее безапелляционного и тяжеловесного политического стиля трижды фрау канцлер устала уже сама Германия.

Устал германский средний класс, благосостояние которого упрямо сгорает в топке экономической рецессии. Которую, на незначительный статистический экономический рост, преодолеть в рамках политики неолиберального консенсуса официальному Берлину так и не удаётся.

Устали германские «внесистемные» правые и левые, которых она упорно пыталась вытолкнуть на обочину политической жизни, и до известной степени преуспела в этом, с помощью механизмов большой коалиции и беспрецедентного информационного давления лишил их значительной доли прежнего влияния.

Устал малый и средний бизнес, не находя своей ниши в рамках встроенной ею неокорпоративистской системы, ориентированной прежде всего на интересы германских ТНК, призванных преуспеть в рамках не только общеевропейского, но и глобального экономического пространства.

Устал средний немецкий налогоплательщик, вынужденный оплачивать масштабные амбиции фрау канцлер за счет собственного благополучия и социальных перспектив. В этом контексте говорить об эрхардовской «экономике для всех», являвшейся одной из визитных карточек ФРГ с момента ее основания, уже не приходилось. Однако степень конформизма собственных сограждан в этом вопросе была Меркель все же переоценена – плоды чего мы все и наблюдаем сегодня.

Устали многие представители германских политических партий, профсоюзов, общественных организаций, усматривающих в ее многолетнем лидерстве и доминантном стиле угрозу началам конкуренции и германским демократическим традициям. Неформальная опека над политическим классом страны с попыткой диктовать ему нормы политического поведения вызывает все более явное недовольство последнего. Его политическая эмансипация в этой ситуации становится практически неизбежной – вопрос лишь в ее конкретных формах и сроках.

Именно эти различные политические силы формируют сегодня запрос на «Германию без Меркель», который выглядит пока малореализуемым из-за отсутствия персонализированной альтернативы последней – однако признаки подобного тренда все чаще заявляют о себе. Инерции политических процессов очевидно пока не исчерпала себя. Данный тренд пока не набрал критической массы – что не позволяет, однако, его полностью игнорировать.

Какие же черты может принять Германия после Меркель? Каковы возможные векторы альтернативной ее курсу политики?

Во-первых, большее сосредоточение на проблемах внутреннего развития, и прежде всего - на социально-экономических и культур-

но-образовательных, снижение внимания к которым грозит Германии утратой ее современных позиций в Европе и в мире.

Сравнительно меньший акцент на вопросы «европейской солидарности любой ценой» – с более выраженным акцентом на общегерманское единство, которое в последние годы не является настолько бесспорным, насколько бы этого многим хотелось.

Восстановление социального государства в той или иной его модификации – ибо плавный его демонтаж в течение полутора последних десятилетий является очевидным нарушением написанного общественного договора, на котором зиждется стабильное развитие современной Германии.

Более взвешенное отношение Германии к России и признание ее в качестве значимого фактора европейской и мировой политики – ибо резкий разворот в сторону от Москвы, произошедший в течение последнего канцлерства Меркель, существенно нарушает баланс сил в самой Европе.

Известный разворот к Центральной и Восточной Европе как естественной зоне германских интересов – ибо уступке Берлином своего традиционного влияния в этом регионе в известной степени обеспечивает его усилия и достижения на этом направлении в течение нескольких последних десятилетий, лишает Германию известной свободы маневра и ослабляет ее лидирующие позиции в рамках ЕС.

Не конъюнктурное, но стратегическое партнёрство с Францией – при этом рассчитывать на появление нового тандеме наподобие связок де Голль-Аденауэр или Ширак-Шредер сегодня затруднительно. При этом без полноценного партнёрства на этом направлении Германия неизбежно будет утрачивать свои лидирующие позиции в Европе.

Ограничение корпоративистского влияния в экономике – с удалением внимания интересам малого и среднего бизнеса, положению домохозяйств, от состояния которых во многом зависят общее благополучие и само будущее Германии.

Возрождение начал партиципаторной демократии, своего рода перезагрузка германской модели гражданского общества и публичной политики – ибо опекунская и доктринерская разновидность демократии, укоренившаяся в течение трех канцлерских сроков Меркель, едва ли совместима с традициями и запросами последнего.

Пока все это лишь тренды, существующие в форме общественно-го запроса со стороны пробуждающегося гражданского общества. Но Германия все меньше нуждается в менторстве и дидактике, которые упорно предлагает ей действующая власть. И этот социальный запрос на политическую альтернативу, как представляется, рано или поздно будет реализован. Какие политические и идеологические формы он примет – покажет уже ближайшее будущее.

ГЛАВА 2. ФРАНЦИЯ: «СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС» И «ПОИСКИ СЕБЯ»

Истоки и судьба «французского проекта»

Идеологический «синтез» «правого и левого», найденный в голлизме, исчерпал себя в современной Франции, подтверждением чему является углубляющийся политический кризис Пятой республики, о котором пишут многие эксперты. Где же находятся истоки этого кризиса?

Франция провела над собой уникальный исторический эксперимент, став в течение трех последних веков своеобразным примером для всего человечества. И не столько примером того, как «не надо делать» и как «не надо жить», сколько наглядной иллюстрацией тезиса о том, что «благими намерениями устлана дорога в ад», а форсированная модернизация может слишком дорого стоить гражданскому обществу и национальному государству. Каковы же основные «вехи» этой дороги, и чем обернулось для самих французов то смелое и новое, что несли французская нация миру?

Отвергнув многие традиционные основания своего национального бытия, французы первыми в революционную (во всех смыслах) эпоху Нового времени создали «чистую» политическую нацию, «рафинированное» лаицистское общество и образующее его «стержень» публичное пространство, в конечном итоге удивительным образом соединив в идеологии либерализм, анархизм и социализм с идеей весьма своеобразно понятого национального (республиканского) величия. Весьма неоднозначная политическая модель (сама Франция переживает еще несколько революций и «термидоров», в том числе и в форме Империи) оказалась весьма привлекательной для остальной Европы.

И напрасно один из идейных отцов немецкого национализма Иоганн-Голиб Фихте в своих «Письмах к германской нации» призывал будущие поколения немцев не поддаваться «галло-романскому соблазну» - революционная волна, идущая из Франции, охватила в начале XIX века всю Европу. И напрасно предупреждал французов в одном из своих сочинений известный предтеча современного консерватизма Жозеф де Местр, утверждая, что «человек способен все изменить в сфере своей деятельности, но он ничего не создает, как в физической области, так и в моральной». Французы в итоге решились на беспрецедентный по своей сути социально-идеологический эксперимент, изменивший облик Европы.

В этой связи поистине потрясает склонность французов верить

в отвлеченные идеи, соглашаясь ради их реализации на ломку всего «традиционного и устоявшегося». И вряд ли был понятен им до конца смысл резких слов британского консерватора и ожесточенного критика Великой Французской революции Эдмунда Берка: ««Мы в Англии еще не полностью распотрошили наши национальные внутренности, мы все еще ощущаем, ценим и культивируем эти унаследованные от родителей чувства, которые являются для нас полными веры стражами, активными наставниками в наших обязанностях, действительными защитниками всех либеральных и гуманных моральных норм... Мы боимся Бога; мы смотрим с благоговением вверх на короля; с заинтересованностью – на парламентариев; с чувством долга – на магистратов; с почтением – на священников; и с уважением – на аристократию».

Неуместным ригоризмом показалось бы французским скептикам и радикалам другое не менее известное высказывание Берка: «Мы знаем, что не сделаем никаких открытий, и думаем, что нет никакой необходимости в каких – либо открытиях в морали, немного нужно открытий в великих принципах государственного устройства, и в сфере идей – о свободе, которые были поняты до того, как мы родились». Почитавшие Вольтера («Если вам не нравятся существующие законы – сожгите их и напишите новые») радикальные «конструктивисты»-французы решились на «сожжение прошлого» во имя настоящего и будущего, разрушив все традиционные «скрепы» общества – монархию, церковь (и религию), традиционную мораль и семью.

И неслучайно, что именно во Франции имела место реализация фейербаховской идеи о создании «религии человечества», отрицающей традиционные религии и возводящей черты идеального человека и гражданина в культ. Руссоистская «гражданская религия», якобинский культ «Великого Существа» – лишь предтечи той самой Религии Гражданственности, без которой современная Франция была бы невозможна как единое политическое целое.

Парадоксально, но сами французы долгое время находили себя в этом самоотречении, пройдя через цепочку революций и найдя итоговый синтез внешне несовместимых идей «народного суверенитета» и «величия Франции» в голлизме, который объявил воплощением такого величия и единства «единую и неделимую Республику». От последней Франция, правда, едва не отреклась в период «Красного мая» 1968 года и последовавших за ним масштабных потрясений.

Все эти масштабные трансформации, породившие французское общество и культуру, особенно ярко воплотили в себе основные черты французского национального характера, заслуживающие отдельного рассмотрения.

Так, поистине потрясают искренность и экспрессия, которые явил миру освобожденный от «оков» традиционализма французский характер. Экспрессия, порождающая, чередующая и соединяющая в конечном итоге внешне несовместимые крайности.

В свою очередь, воплощением «французского духа» стал и тот самый вольтерьянский «острый галльский смысл», обретаемый через отрицание всех традиционных и изначальных смыслов (именно из этого духа проистекает знаменитая техника «деструкции смыслов», предложенная Жаком Деррида).

«Родовой чертой» французского духа стала свобода, понимаемая как смысл и цель социального бытия. Свобода, проходящая через экзистенциальный надлом и ищущая свои основания в «онтологическом Ничто» (показательна в этом отношении «онтология Ничто» Жана - Поля Сартра).

Сопричастность, равнодушие ко всему происходящему внутри и вовне страны (впрочем, не подкрепленная идеей фундаментальной ответственности) – вечный двигатель французской публичной политики и стимулятор активного французского участия в глобальных делах.

Наконец, ярко выраженные сочувствие к любому страдающему и несправедливо угнетенному – начиная с прославленного Дидро «Простодушного» и заявленной в «сентиментализме» Руссо готовности понять и принять «другого» - до современных подходов, воплотившихся во французском «радикальном мультикультурализме» и «комплексе вины» перед выходцами из колоний.

Однако «блистательная эпоха» Франции прошла, и ее занавес опустился вместе с уходом, пожалуй, последнего виртуоза «высокого политического стиля» Жака Ширака. И накануне прихода во власть Николя Саркози Франция обнаружила себя растерянной, уставшей и аномичной. Наследие де Голля было бездарно «спущено» последующими активными приверженцами мультикультурализма, феминизма, мондиализма, оставившими в итоге страну в состоянии морального и идеологического вакуума. На фоне которого особенно зловеще выглядят все чаще возникающие социальные конфликты и межэтнические столкновения. Равно как и шокировавшие французскую общественность данные доклада «комиссии Аттали», подтвердившего отставание Франции во многих областях в сравнении с другими развитыми странами.

На фоне происходящего неизбежно возникает вопрос: сможет ли Франция вернуться к самой себе, совершив в существующей ситуации внеочередное «отрицание отрицания»? Однако изначально неясно, что и во имя чего следует в данном случае «отрицать».

Идеологический «синтез» «правого и левого», найденный в голлизме,

исчерпал себя. И сегодня во Франции объективно нет политика, личностный потенциал которого позволил бы ему встать «по ту сторону правого и левого», заново интегрировав расколотое французское общество.

«Консервативная революция» «а la Жан-Мари Ле Пен» во Франции объективно невозможна. Ибо спокойный и трезвый анализ показывает, что идейное наследие французского консерватизма разных эпох осталось втуне, и неясно, какие принципы и начала следует «консервировать».

«Спонтанная модернизация» «а la Саркози» также пока «хромает обе ноги». Столь же странно звучат для французского массового сознания заявления об убежденности последнего в том, что «для Республики будет лучше, если как можно большее ее граждан будут верить в Бога». Последние вызвали весьма жесткую реакцию среди французской политической и интеллектуальной элиты, обвинивших президента (который, впрочем, говорил не о «государственной религии», а о «гражданской религиозности») в «покушении на основы республиканизма». Что, в целом неудивительно для страны, где изучение «истории религии» до последнего времени было предметом дебатов (не говоря уже об изучении основ любой из традиционных религий).

«Исконно-глубинная» провинциально-патриархальная Франция, столетиями находившаяся под спудом блистательной и светской Франции публичной, едва ли имеет в себе ресурсы для полноценного «консервативного ответа» (в этом отношении Франция весьма схожа с Россией, где ресурсы патриархально-крестьянского в своей основе общества безотчетно использовались государством и правящей элитой для целей модернизации, пока сама «крестьянская Россия» не приказала долго жить, открыв дорогу пост-модернистской эпохе).

Не очевидно, что имеет его и «блокированное» гражданское общество, долгое время жившее под прессом авторитарно-бюрократического государства, воплощавшего в себе «единую и неделимую республику». Круг замыкается. «Общечеловеческий» французский эксперимент кажется пришедшим к логическому завершению.

Однако не будем слишком строги и жестоки к «прекрасной Франции». Оценим по достоинству французское «безумство храбрых», порожденные им великую культуру и историю, принесенные в итоге на становящийся сегодня все более условным «алтарь человечества». Но не станем повторять ведущий к утрате «национального «Мы» французский путь, в рамках которого «наднациональное» (а временами – и откровенно антинациональное) государство, построенное и управляемое сходной по духу элитой, разрушает основания того, что называется «национально ориентированное гражданское общество». И для России, где по сей день стоит вопрос о формировании собственной

адекватной модели национального государства», принципиально не существует дилеммы «возвращение к национальным истокам – модернизация». Ибо любая модернизация в России, не будучи национальной по характеру и сути и игнорирующая тем самым интересы российского народа как культурного и политического целого, неизбежно станет имитацией и будет обречена на провал.

Франция: республика или монархия?

В то время как Франция отмечает триста лет со дня смерти Людовика XIV, публицист Максим Тандонне недавно выступил со статьей, в которой утверждает, что Франция по сию пору страдает от принципиальной неспособности выбрать между республикой и монархией²⁵. Сам Тандонне является автором многочисленных книг, в том числе политических биографий президентов Республики, что позволяет ему прийти к известным заключениям.

По его мнению, в других странах Европы, не существует ощущения ведевильности, беспомощности и комичной претенциозности, которые рождает французская политическая жизнь. В Германии, Великобритании, Италии, Испании, по мнению автора, общественная жизнь протекает более или менее благополучно, принимаются политические решения, иногда достаточно болезненные, правительство существует и действует с большим или меньшим успехом. Граждане этих стран не испытывают ощущения «текучки» лидеров и постоянного обмана с их стороны.

Действительно ли Франция так сильно страдает, не выбрав окончательно между Республикой и монархией? По замыслу первых республиканских идеологов, идеальная республика передает власть своим гражданам. Это положение было впервые закреплено в Конституции 1793 года, оставшись при этом на только на бумаге. Исполнительная власть в рамках этой модели подотчетна гражданам, которые могут уволить министров по ходатайству. Однако в действительности Франция никогда не соответствовала конституционным декларациям 1793 года, которые так и не были реализованы.

Конституционная монархия также предоставляет гражданам определенные политические возможности. В конце концов, несколько крупных европейских стран с устойчивыми демократическими традициями являются по форме монархиями, что не мешает им иметь избираемый всеобщим голосованием парламент и правительство во главе с премьер-министром, ответственным перед ним. Семья монарха воплощает собой национальную преемственность. Потомственный правитель в этих странах находится на вершине государственной власти,

²⁵ Tandonnet M. La France, République ou monarchie? // <http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/2015/08/12/31005-20150812ARTFIG00194-la-france-republique-ou-mon...>

даже если не отвечает непосредственно за осуществление власти, а его миссия, прежде всего, имеет символическое значение.

Франция, по утверждению Тандонне, имеет гибридную систему, соединяющую черты республики и монархии. Это не республика по своему изначальному замыслу, поскольку деятельность ее институтов и элит ускользает от контроля со стороны сообщества граждан и не служит целям общего блага, сделав страну заложницей нарциссистских планов горстки политических карьеристов, использующих ее механизмы в своих целях. В то же время она не является и монархией, поскольку в ней присутствует конкуренция различных политических сил, дополненная эскалацией демагогии и обмана. Народ в действительности не является сувереном, а честь и преданность общему благу не являются подлинными ценностями правящего класса.

Эпоха де Голля скрывала эти противоречия в течение десятилетий. Де Голль использовал для своих целей историческую легитимность, и после 18 июня 1940 года сумел придать этой преемственности особый характер и статус во французской истории. Однако кризис Пятой Республики обнажил эти политические и идеологические конструкции, позволяя открыто ставить вопросы, подобные тем, которые задает в своей статье Тандонне.

Истоки «гибридного феномена»

Однако является ли Франция квазимонархией, облегчённой в республиканские одежды, как пишет в своей статье Тандонне?

Для французских республиканцев – причем как левого, так и правого толка – ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным. При этом сама проблема является не столь очевидной, как может показаться на первый взгляд. Эрнест Ренан, видный исследователь феномена нации, еще в 1882 г. утверждал, что «нация является результатом желания жить вместе... Человек не является рабом ни нации, не языка, ни религии, ни течения рек, ни направления горных цепей... Нация – это каждодневный плебисцит»²⁶. Однако плебисцит, пусть даже каждодневный, еще не означает наличия республики как устоявшейся системы правления – о чем, собственно говоря, и свидетельствует исторический опыт Франции.

Существует многократно повторяемая легенда: согласно ей, Франция создала нацию, «эскиз которой набросала монархия». Французская нация родилась вместе с революцией, была «удочерена» государством и опирается на республиканские ценности. Говоря о США, Ю. Хабермас говорил о «конституционном патриотизме». В случае

26 Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? – Paris, 1997. – P. 32.

Франции вернее говорить об «идеологическом патриотизме». С одной небольшой поправкой: речь идет о легенде или о мифе, который не соответствует реальности. Необходимо вернуться к истории, дабы прояснить истоки этого мифа.

Монархическая идея и традиция во Франции была неразрывно связана с идеями национального величия исторической преемственности, которые со времен аббата Сугерия и Людовика IX Святого с институтом монархии. Непримиримые критики Великой Французской революции Ж. де Местр и Л. де Бональд выдвинули масштабный политический проект, смысл которого сводится к возвращению к идеальному порядку, сочетающему черты абсолютной монархии и средневековой теократии, что было невозможным даже в условиях реставрации Бурбонов. В 1797 г. де Местр под влиянием идей Э. Берка публикует собственные «Размышления о революции во Франции», главный пафос которых составило утверждение о сатанинском характере совершившегося государственного переворота. При этом все перенесенное в эти годы Францией трактовалось им как «очистительная жертва» – ибо, по мнению де Местра, борьба воинствующих атеистов с католической церковью лишь укрепляла католицизм, а низвержение абсолютизма посредством установления централизованной якобинской диктатуры – лишь создавало, по его мнению, предпосылки для его восстановления.

Жозеф де Местр

С этой точки зрения, демократия представляет собой организованное насилие большинства над «достойным меньшинством», а любые демократические процедуры дробят общество, разделяя его на не доверяющие друг другу группы и микрогруппы. Важнейшие же элементы нравственно-политического единства (власть, право, традиции, мораль) не могут быть образованы искусственно, в ходе демократической борьбы сил. Они создаются по воле Бога и должны иметь неразрывную связь с историческим прошлым. Высшим же социальным институтом, имеющим Божественную санкцию и прочные исторические корни, является, согласно де Местру, абсолютная монархия – поскольку именно она лучше и прочнее всего объединяет и сплачивает нацию. Единство народа невозможно без исторической преемственности – ибо едины не только ныне живущие граждане одного государства, но и все прошлые и будущие поколения соотечественников.

Поэтому Франция, согласно де Местру, включала в себя не только 30 миллионов населявших ее тогда «статистических» французов и географическое пространство между Пиринеями и Альпами, а

миллиарды мужчин и женщин, которые жили и умерли на французской земле. Эти миллиарды французов передали своим потомкам возделанные поля, богатую культуру и централизованное государство. Последние, пользуясь всеми этими благами, составляют с ними прочный союз. Однако осязаемым этот союз делает лишь верность каждого француза идее наследственной монархии. Любые же попытки «отбросить прошлое» есть проявление бездумной и преступной неблагодарности по отношению к предкам.

При этом де Местр, будучи ортодоксом в философии, проявлял определенную гибкость в политике. Так, не отвергая однозначно Хартию 1814 г., он находит немало лестных слов в адрес английской конституции, опирающейся на вековые обычаи и традиции. Согласно де Местру, именно неписанный характер основных законов политической жизни Англии, а также представительство в парламенте узкой группы собственников и наличие в нем наследственной палаты лордов делают английский политический строй приемлемым и допустимым. При этом требование расширения этих прав, предоставления правового равенства всем гражданам и отмены всех наследственных привилегий и званий представляются де Местру немыслимыми, а последовательно либеральная политическая система – невозможной и недопустимой. Опыт молодой американской демократии мыслителя также не убеждает: «Нам приводят в пример Америку. Я не знаю ничего более досадного, чем похвалы, расточаемые по поводу этого младенца в пеленках: дайте ему возрасти».

Согласно доктрине де Местра, во Франции не должно быть больше привилегированного дворянства, претендующего на какие – либо особые права. Столь же бессмысленно разрушать существующие сословные барьеры: «В Европе больше нет знати». В качестве элитного слоя де Местр предлагает не историческое дворянство, а особый патрициат. Данная элита, выделяемая по меритократическому принципу (т.е. в зависимости от имеющихся заслуг), должна обладать не «особыми правами», но «особыми обязанностями» – ведь институционализация (закрепление) любых привилегий знати, по де Местру, разлагает нацию. В то же время именно знать призвана осуществлять связь монарха с народом, образуя нечто вроде «семейного совета» при государе. Поэтому новый патрициат – не замкнутое сословие и корпорация, а лишь орган монархии и продолжение верховной власти.

Как хранительнице божественных истин церкви следует наставлять государей, а также готовить переход народов и стран к новому устройству мира, при котором духовная власть, направляемая из единого центра, окончательно подчинит себе светских правителей.

Монархически настроенная католическая церковь, преодолевающая ересь «галликанства» (независимой от Рима национальной французской католической церкви), готова к этой миссии. Таков глобальный теократический проект Ж. де Местра.

Великая Французская Революция, разрушив своими идеями и практиками картину величия и единства Франции под эгидой монархии, сделала главным субъектом французской истории народ, то самое «третье сословие», от имени которого учреждалась и должна была действовать Республика. Опираясь на идею нации, революционеры стремились утвердить вместо прежнего аристократического величия «величие нации», воспринявшей идею свободы.

Якобинские революционеры, вдохновившиеся идеями Руссо об объединённом народе и его общей воле, положенной ими в основу государственной власти и ее полномочий, в итоге вместо единства создали ситуацию мировоззренческого и политического раскола французского общества, включая и его элиту. Раскол между монархической традицией национального величия и идеей народности, между революционной и консервативной частями общества стоил Франции достаточно дорого. Попытки возродить величие как фундамент для будущего единства успеха не принесли.

Так, результате государственного переворота, который совершил 18 брюмера 8 года по новому республиканскому календарю (9 ноября 1799 года) Наполеон Бонапарт, ставший Первым консулом, ситуация резко изменилась. Согласно К. Малапарте, это был первый современный государственный переворот («Техника государственных переворотов»). Наполеон Бонапарт, возродивший Империю — консолидировал общество, направив его энергию в дело государственного и имперского строительства. Падение Империи вследствие тяжелых военных поражений от сил антинаполеоновской коалиции было великим потрясением, подтвердившим итоговую слабость монархических институций.

Францию не удовлетворил режим Реставрации, даровавший ей королевским указом Конституцию 1818 года, подтверждавшую все основные права и свободы народа, провозглашенные Революцией и отражённые в ее основных законодательных актах. Режим, соединяющий порядок и свободу, о котором мечтали Б. Констан и другие видные мыслители послереволюционной эпохи, в итоге так и не возник.

Революция 1830 года свергла не скрывавший своей аристократической природы режим Реставрации и привела к власти «короля-банкира» из Орлеанской династии, обещавшего народу расширение свобод. Однако и он не удовлетворил стремление масс к свободе и равенству, и сам пал жертвой революции 1848 г., когда Франция подключились к

общи́европейской Весне народов.

При Луи Бонапарте, племяннике великого императора, пришедшем к власти с помощью общенародного голосования, а затем реставрировавшего монархию с помощью плебисцита, монархической принцип снова восторжествовал, на непродолжительное время успокоив страну. История повторилась в новом контексте. Государственный переворот Наполеона III, племянника Наполеона I, в 1851 году, привел к формированию бонапартистского политического режима, в течение 20 последующих лет господствовавшего во Франции.

Модель бонапартизма характеризовалась следующими основными чертами:

- А) Сильная независимая исполнительная власть.
- Б) Чрезвычайная политическая роль военных.
- В) Всеобщее избирательное право и сильные плебисцитарные элементы.

Всеобщее избирательное право было введено в 1830 году, и в 1840-е годы стало своеобразным кредо бонапартизма. Легитимность власти должна была исходить непосредственно от народа (полемика против избирательных прав для 3-го класса). Уже в 1848 году Луи-Наполеон, племянник императора Наполеона I, был напрямую избран президентом Франции на 4 года. В 1851 году он провел плебисцит, фактически легитимировавший государственный переворот.

Текст, закрепивший этот новый политический статус власти, начинался следующим предисловием: «Французский народ желает поддерживать власть Луи-Наполеона Бонапарта, доверяет ему необходимые властные полномочия по продвижению проекта Конституции, который включил в себя базовые положения его Прокламации от 2 декабря»²⁷. 7 миллионов французов, и прежде всего крестьян, голосовали за это на плебисците.

В ноябре 1852 года Наполеон обратил доверие народа в восстановление Империи, которое получило поддержку 8 миллионов голосов. С Республикой было покончено, и Империя была восстановлена во Франции.

С приходом бонапартизма установился стабильный политический режим, который – вопреки прогнозам о его скором и неизбежном падении – просуществовал в итоге два десятилетия. Секрет его относительной стабильности заключался в соединении исполнительной власти, опирающейся на узкий круг чиновников и военных, с широкими массами (в основном сельского населения) в форме всеобщего избирательного права и народного волеизъявления. Другие политические элементы играли при этом подчиненную роль.

27 Wilms J. Napoleon III. Frankreich letzter Kaiser. – Muenchen: Beck, 2008.

Фактором силы бонапартизма, недооцененным критиками, была его способность не только консолидировать, но также «замораживать» и известным образом реконструировать свою социальную базу, объединяя вокруг себя социальные группы различного происхождения (как традиционные, так и ориентированные на модернизацию). В случае Наполеона III и его режима достаточно ярко проявились и недостатки бонапартистского режима – его чрезмерная зависимость от субъективного фактора, ригидность обеспечивающих его сохранение и жизнедеятельность институтов, отсутствие механизма сдержек и противовесов, склонность к внешнеполитическим и военным авантюрам и одновременно уязвимость перед лицом их возможных последствий, отсутствие долгосрочной стратегии, а также возможности и желания последовательно решать задачи модернизации общества и экономики. В итоге, главная проблема послереволюционного развития – нахождение политической модели, обеспечивающей порядок и свободу – так и не была решена.

Характерны были колебания по вопросу о преимуществах монархии либо республики многих видных французских мыслителей послереволюционной эпохи. Основателем французского либерализма является Анри Бенжамен Констан де Ребек (1767-1830). За поддержку переворота Наполеона Бонапарта, сделавшего последнего императором, он был назначен членом Трибуната, одного из высших органов государственной власти. Однако неприятие им абсолютной власти вскоре привело его к опале и изгнанию из страны. Возвращение на родину состоялось лишь во время знаменитых «Ста дней», когда Наполеон предложил Констану участвовать в составлении нового конституционного акта. В эпоху Реставрации он был одним из лидеров либеральной оппозиции режиму Бурбонов, а в «июльские дни» 1830 г. активно способствовал приходу к власти Луи-Филиппа Орлеанского. Соответственно менялись и политические взгляды мыслителя: так, если до наполеоновского переворота он считал наиболее подходящей для Франции республиканскую форму правления, то в эмиграции постепенно склонился к конституционной монархии.

Младший современник Констана Алексис де Токвиль (1805-1859), французский политический мыслитель, социолог и государственный деятель, министр иностранных дел Франции после революции 1848 г., также не прошел мимо осмысления этой фундаментальной темы. Творчество Токвиля было вызвано к жизни необходимостью критического переосмысления опыта послереволюционного развития Франции (включая промышленную революцию, изменившую жизнь городского среднего класса и сделавшую актуальным «рабочий вопрос»,

неожиданные последствия пережитой страной «эпохи революций» 1830-1848 гг., необходимость переосмысления проблемы свободы – во Франции она была ограничена высокими цензовыми барьерами и оторвана от масс – с учетом набравших силу процессов демократизации в Европе и Америке).

Как и Констан, Токвиль является приверженцем конституционной монархии (ибо демократия не создает искусного правительства и тяготеет к тирании большинства) и балансирует между либерализмом и либеральным консерватизмом, больше склоняясь к последнему. Достаточно вспомнить, что Токвиль, как и Констан, являлся приверженцем конституционной монархии и Реставрации Бурбонов как режима с сильной властью, дающей надежные гарантии свободы. После свержения Бурбонов в 1830 г. он первоначально не принял результатов Июльской революции – но после внесения в Хартию изменений, расширяющих гарантии свободы, безоговорочно присягнул Орлеанам. После революции 1848 г. вошел в правительство, но устранился от общественной жизни после переворота, совершенного Луи-Наполеоном в 1851 г.

Одной из самых серьезных угроз для демократии и свободы является чрезмерная централизация государственной власти; при этом если централизация в смысле введения единых законов – полезное явление, то централизация властных полномочий с вмешательством в дела «нижних этажей» управления уничтожает свободу. Именно последнее произошло во Франции в результате революции 1789 – 1794 гг., упразднившей вольности местной знати, общин и городов под влиянием идей о неразделимости суверенитета народа.

Токвиль характеризует послереволюционное французское государство, опирающееся на всевластную бюрократию, следующим образом: «Это огромная социальная власть безлична; она больше не исходит от короля, но от государства... она – продукт и представитель всех, и подчиняет право каждого воле всех... Это особая форма тирании, которую называют демократическим деспотизмом. Нет больше социальной иерархии, нет четкого деления на классы и строго установленных социальных рангов; народ, составленный из абсолютно похожих индивидуумов, признается за единственно законный источник верховной власти, но лишен всякой возможности руководить и даже контролировать свое правительство»²⁸.

В результате описанных Токвилем трансформаций доминирование, предоставленное государству, составляет сердцевину того, что принято называть «французской моделью». Однако французское государство изменялось в ходе истории, что заставляет различать по мень-

²⁸ Токвиль А. Старый порядок и революция, Цит.по: <http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=396>.

шей мере три его последовательных модели: помимо монархической модели, которая развивалась во Франции с Филиппа Красивого до Людовика XIV, республиканская модель, которая достигла своего апогея во времена Третьей республики, и модель Реконструкции, кульминацией которой стала эпоха генерала де Голля²⁹.

Между тем, спор между приверженцами монархической и аристократической традиции продолжался достаточно долго. Восстановление Республики после потрясений 1870-1871 гг. было осуществлено большинством в один депутатский голос и не принесло Франции столь ожидаемого успокоения.

Идеи величия и единства народа в свое время попытались заимствовать и республиканцы, однако из-за едва ли не изначального разделения республиканской традиции на «правую» и «левую» составляющие им зачастую не удавалось убедить в правоте своих идей и консолидировать вокруг себя большинство народа и нации. Что, в свою очередь, регулярно погружало очередную республику в глубокий системный кризис, выход из которого неизменно был связан с глубокими институциональными трансформациями, т.е. с переучереждением Республики. Коих в истории Франции оказалось пять.

Республика, где поочерёдно у власти сменили друг друга правые и левые, оказалась в итоге слабой, потерпела ряд потрясений и поражений, самым болезненным из которых оказалась катастрофа 1940 года, когда значительная часть французской элиты просто придала свой народ, отказавшись от сопротивления врагу.

Реновацию Республики осуществил в 1950-е годы национальный герой генерал Шарль де Голль. Он соединил монархическую по своему происхождению идею величия с идеей народности в рамках отстаиваемой им концепции суверенитета, сопрягающей независимую политику государства с единством нации по базовым внутриполитическим вопросам. Учреждённая де Голлем Пятая Республика стала, по сути, выборной президентской квазимонархией.

Камуфляж монархии с помощи республиканской риторики и институтов между тем продолжался. Конституция 1958 г. содействовала решению этой проблемы. Референдум 1962 г., в свою очередь, установил выборность Президента всеобщим голосованием. В результате установилась своеобразная электоральная монархия, в рамках которой укрепились прямые связи между главой исполнительной власти и народом. Легитимность не опиралась больше на наследственность, как при старом режиме, но на избранные личности, стремившиеся воплотить в себе Францию.

29 Gauchon P. *Geopolitique de la France*. — Paris, 2011. — P. 54-57.

«Новая республиканская аристократия», между тем, приняла форму патроната. Начиная с 1958 г., правящий класс Франции заметно обновился. Большинство деятелей Четвертой Республики ушли с политической арены (чтобы затем частично вернуться в 1981 г.). Де Голль, не доверявший нотаблям, сделал ставку на «механиков-функционаров» из государственного аппарата. Однако прежние «патроны», пребывая некоторое время в тени, затем все же взяли свое. В то же время Франция со своей «республиканской меритократией» несколько ни лицемерила: большинство выпускников *Les Grandes Ecoles* являлись выходцами из среднего класса.

В экономическом плане голлизм предполагал постановку экономики на службу политике, когда модернизация была призвана обеспечить мощь государства. При де Голле Франция встала на путь реализации больших проектов, так или иначе связанных с военным сектором. Масштабность планов создавало ощущение величия; ощущение величия, в свою очередь, камуфлировало смешение республиканских институтов и квазимонархических традиций.

Озабоченность мощью и престижем проявлялась на всех уровнях. Монетаристская политика предполагала превращение франка в сильную валюту. Генерал де Голль отказался его девальвировать в 1968 году. Напротив, он потребовал от США конвертировать доллары, лежавшие в Банке Франции, в золото – как и предполагали Бреттон-Вудские соглашения. Интегрируясь в европейские структуры, Франция в то же время стремилась к защите собственных технологий и препятствовало иностранным компаниям покупать французские фирмы. Все это не могло не привести к неблагоприятным для де Голля политическим последствиям.

Революционные потрясения 1968-1969 годов заставили де Голля уйти в отставку, а созданная им модель сильной «полупрезидентской» республики постепенно утратила свой символический капитал и потенциал благодаря усилиям как левых, так и правых политиков, отдававших приоритет личным и партийным интересам перед интересами единой французской нации. При этом в своих основных чертах эта модель сохранялась в период президентства Ж. Помпиду и В. Жискар д'Эстена (1969-1981).

Так или иначе, в период «Славного тридцатилетия» (1946-1975 гг.) Франция переживала подъем и апогей своей политической модели, соединяющей монархические и республиканские идеи и практики. Каковы же были наиболее характерные черты этой модели?

Во-первых, республиканская монархия, которая примирила двух антагонистов революционного периода – монархии и республику. Во-вторых, законодательное ограничение корпоративизма любого рода.

В-третьих, демонстративный эгалитаризм, который компенсировался привилегиями элиты, принимая форму «республиканской меритократии».

Кроме того, модель эта подразумевала управление экономикой государством по согласованию с социальными партнёрами, сосуществование масштабного государственного сектора с частным, пользующимся поддержкой государства, светский характер государства, который сочетался с некоторыми уступками в пользу основных религий, и прежде всего католицизм (поддержка Эльзас-лотарингского конкордата, публичное финансирование религиозных школ). Для французской политической модели этого периода характерны твёрдая приверженность национальной независимости, которая сочетались со своеобразной волей к открытости миру, выражавшейся, в частности, в масштабном привлечении иностранцев, и особенно беженцев, при условии их последующей ассимиляции, а также особое ощущение жизни, особое ощущение жизни, сохранившиеся благодаря налаженной социальной защите и эпикурейским традициям страны.

В свою очередь, придя к власти в 1981 году, Ф. Миттеран попытался скорректировать голлистскую модель через новую программу национализации, переход к планированию, индустриальную политику и внедрение «социальной демократии на предприятиях». Эта модель столкнулась с внешними ограничениями и дефицитом бюджета – торговый дефицит достиг 92 млрд. франков в 1983 году. В качестве выхода возникла идея: покинуть европейскую монетарную систему и девальвировать франк с целью повысить конкурентоспособность экономики – либо же остаться в рамках «концерта» крупнейших капиталистических экономик и изменить свою модель. Однако все эти решительные начинания продемонстрировали свою принципиальную нереализуемость еще до конца первого срока пребывания Миттерана в Елисейском дворце, столкнувшись с сопротивлением французского общества и политического класса. Его вторая семилетка скорее характеризовалась инерционностью, и о ревизии наследия Пятой Республики президент-социалист и его сподвижники уже не помышляли.

Вызов голлистской модели был брошен распространением либеральных идей, торжеством мондиализма, сецессией элит и децентрализацией. В результате несоответствия масштаба личностей французских президентов сложному характеру политической модели и вызовам времени Пятая республика постепенно погружалась в перманентный вялотекущий кризис, периодически сопровождаемый массовыми социальными протестами и политическими скандалами. Модель сильной «полупрезидентской» республики постепенно утратила свой символический капитал и потенциал благодаря усилиям

как левых, так и правых политиков, отдававших приоритет личным и партийным интересам перед интересами единой французской нации. Деградация стала необратимой.

С размыванием и мягким демонтажем голлистского наследия происходила утрата величия. Квазимонархические практики, прикрываемые республиканской риторикой, становились все более очевидными. Монархические шарм и блеск, освещавший институты республики, померкли вместе с упадком былого французского величия. Республиканские ценности также оказались под сомнением, более не находя реального воплощения во французской политике. Обнажился отрыв власти, лишенной масштабных целей и высоких идей, от изменившегося общества и его интересов. И лишь высокая гетерогенность французского общества мешает ему бросить вызов системе, практически израсходовавшей свой символический капитал. Что, однако, не восстанавливает для последней «окно возможностей». А значит – кризис французской политики будет только углубляться.

Жан Боден: основоположение политического центризма

Чем же актуален для нашего времени известный сегодня по преимуществу теоретикам государства и права политический философ и правовед из Франции – Жан Боден? Помимо того, что он является видным государствоведом и конституционалистом, связанным с разработкой абсолютистской версии теории государственного суверенитета? На субъективный взгляд автора, политической современности он куда более интересен как разработчик стратегии, сопутствующей преодолению угрозы гражданской войны, все необходимые предпосылки для которой сложились в абсолютистской Франции на заре эпохи Нового времени, начало которой было положено религиозной Реформацией в Германии. Кальвинистская идеология, содержащая в себе весьма радикальные для своего времени светские и республиканские идеи (с отрицанием сакральных оснований власти монархов), уже в последней трети XIX века стала идейной основой Нидерландской буржуазной революции и способствовала установлению там Республики. На ее основе сложились республиканские партии (движения) в Англии и Шотландии, сыгравшие особую роль в осуществлении Английской буржуазной революции. Для абсолютистской же Франции XVI, где монархия не собиралась уступать своих позиций, он явился идеологией гражданской войны со всеми вытекающими из этого последствиями.

Ситуация той эпохи неплохо известна нам не только благодаря историческим источникам, но и живописным романам Александра Дюма-сына (и прежде всего - «Королеве Марго» и «Графине де Монсоро»),

но и свидетельствам, оставленным некоторыми из современников. Согласно им, в последней трети 16 в. Франция после проникновения в нее кальвинизма (так, еще к 1555 году, несмотря на преследования, во Франции существовало 5000 кальвинистских общин) оказалась на грани масштабной религиозной войны, которая грозила перерасти в гражданскую. Кальвинисты, следуя заветам своего лидера Жана Кальвина, обосновавшегося в Женеве и превратившего ее в форпост нового вероучения, не признавали сакрального авторитета католической монархии, превратив свои общины (консистории), распространенные в различных регионах Франции, в своего рода самоуправляющиеся республики – что очевидно не коррелировало с иерархическими принципами построения средневекового сословного общества. Помимо этого, сплоченные и обладавшие немалыми финансовыми ресурсами кальвинистские общины бросали вызов конкурентам-католикам в торговле и ремесле, что также не могло не быть причиной масштабного недовольства, объединившего городские и сельские сообщества, приверженные традиционному для Франции вероисповеданию. Вполне очевидно и то, что конфликтовавшие друг с другом католики и французские кальвинисты (гугеноты) не признавали принципа веротерпимости и равноправия друг друга (говорить о толерантности – в современном смысле – в их отношениях друг с другом просто не приходилось) неизбежно вели дело к столкновению. К конфессиональному расколу добавился социально-политический: церковь, аморфная Священная римская империя (в течение многих веков претендовавшая на свою долю влияния во Франции), крупные сеньоры и города, используя имеющиеся у них вольности и привилегии, стремились максимально ослабить центральную королевскую власть. Возникла качественно новая, неизвестная в период классического Средневековья ситуация гражданской войны, в которой участвовали различные социальные слои и группы, консолидировавшиеся не только и не столько по сословной принадлежности, но исходя из групповых интересов. Короли династии Валуа – Франциск II, Карл IX, Генрих III – направляемые их властной и жестокой матерью Екатериной Медичи, раз за разом проявляли слабость и непоследовательность в решении государственных вопросов, усугубляя и без того напряженную политическую ситуацию в стране; ведя сложные маневры между проектом Католической лиги, за которым просматривались конкурирующего рода Гизов, имевшего собственные династические амбиции, и интересами достаточно многочисленной гугенотской знати, представленной при дворе. Двойственную роль играла в этой ситуации **Католическая лига** – особая религиозно-политическая партия во Франции, органи-

зованная в 1576 году герцогом Генрихом Гизом; последний поставил своей задачей не только борьбу с гугенотами, но и борьбу за престол.

Поэтому надежды на поддержание в стране мира и сохранение ее целостности стали связываться с полновластным монархом, способным обеспечить действие законов и подавить всякое сопротивление своей власти. Подобное предвосхищение абсолютизма оказалось как никогда актуальным: сложившейся тогда обстановке преобладало мнение о том, что даже тирания лучше гражданской войны, хаоса и распада страны, пережившей Католическую лигу, «огненные палаты», 8 гугенотских войн, Варфоломеевскую ночь. Между тем, по-настоящему эффективная монархическая власть могла сформироваться только при условии опоры на определенный социально-политический консенсус. Между тем, подобный консенсус очевидно не был устойчивым: королевские эдикты 1563, 1570, 1577 годов, гарантировавшие веротерпимость, отменялись вскоре после очередного текущего изменения политической конъюнктуры, что вызывало войну снова.

Но для утверждения такой полновластной королевской власти требовалось соответствующее философско-юридическое обоснование, новая политико-правовая теория. Ее автором стал выдающийся французский политический мыслитель Жан Боден (1530 – 1596). Сын портного из Анже, выпускник и профессор знаменитой Академии Тулузы, он был профессором права университета Тулузы, адвокатом в Париже, депутатом Генеральных штатов, а затем королевским прокурор и дважды мэр города Лана – представляя тех самых королевских юристов, образованных представителей «третьего сословия», привлеченных королями Франции для укрепления государственного аппарата и самой государственности. Приминая к т. н. «партии политиков» (умеренных - эта группа, известная под названием «Политики», отстаивала веротерпимость и сильную королевскую власть), Боден занимал компромиссную позицию в описанном выше споре католиков с гугенотами, отстаивал веротерпимость (так, на штатах в Блуа в 1576 г. он одним из немногих голосовал против запрета гугенотского вероисповедания), рассчитывая стабилизировать Францию с помощью политической системы абсолютизма (где король возвышается над всеми и является гарантом общих законов). Свои взгляды на государство, а также пути и методы упрочения централизованной монархической власти он изложил в труде «Шесть книг о республике» (1576). При этом под республикой Боден имел в виду, как и мыслители Древнего Рима, государство как институт, как управление совокупностью людей (семей или домохозяйств), осуществляемое суверенной властью на основе права. Одной из ключевых задач государственной власти он определял защиту мира внутри государства.

Под суверенитетом государственной власти Боден понимал ее постоянное и ничем не ограниченное право принимать решения, обязательные к исполнению на определенной территории – что предполагало ее неделимость и абсолютный характер.

Параллельно Боден выделял пять основных признаков суверенитета – издание общих для всех поданных и учреждений государства законов, решение вопросов войны и мира, назначение должностных лиц, осуществление правосудия в качестве суда высшей инстанции, осуществление помилования.

При этом неограниченность королевской власти вовсе не означало ее права на произвол. По замыслу Бодена, в своей деятельности государство призвано опираться на естественные и божественные законы: и если божественные законы означают ее право распоряжаться по своему усмотрению жизнью и смертью поданных, то естественные законы не позволяют суверену вмешиваться в дела семьи, нарушать принцип веротерпимости и взимать незаконные подати. Уважение к последним, по мнению Бодена, являлось принципиальным отличием монархии от «вотчинного господства».

Примечательно, что приверженец абсолютизма Боден был одним из первых мыслителей Нового времени, обосновавших необходимость децентрализации в системе государственного управления. Неделимость суверенитета на практике, по его убеждению, вполне могла сочетаться с дифференциацией (разделением) власти и управления – т.е. допускалась временная передача королевской властью части своих полномочий назначаемым должностным лицам;

Лучшей формой правления, по твердому убеждению Бодена, являлась абсолютная монархия (но не тирания), поскольку именно при ней суверенитет и властные полномочия полностью сосредотачивались в руках руководителя государства; («Подобно тому, как во Вселенной над всем властвует Бог, а на небе – Солнце, у людей должен быть один правитель»). Демократия же, по его мнению, разрушала всякую власть и государство (ибо «народ – это зверь многоголовый и лишенный рассудка»), аристократия была несколько лучше, но чревата раздорами.

Выражением «межсословного компромисса», по мнению Бодена, являлось государство, где в управлении участвовали бы представители различных сословий и слоев общества. Как полагал мыслитель, монархический характер государства не исключает наличия в нем элементов аристократии и демократии: аристократический элемент проявляется в назначении монархом на должности знатных и лучших людей, а демократический – в открытии доступа к должностям всем свободным и разумным индивидам независимо от происхождения; в

условиях Франции XVI века последнее являлось ключевым условием гражданского мира. Поэтому лучшим, согласно Бодену, являлось бы такое государство, где суверенитет принадлежит монарху, а управление имеет аристократический и демократический характер одновременно.

Выходец из «третьего сословия», Боден не был чужд и социально-экономической проблематики. Причиной революций и неурядиц в государстве является излишняя неравномерность в распределении богатств между высшими и низшими – при этом сторонником равенства имуществ Боден не был, но предлагал укрепить средний слой с помощью законов против роскоши и о порядке наследования.

Значение идей Бодена многосторонне, и состоит не только в философско – юридическом обосновании абсолютной централизованной монархии, а также в том, что она предвосхищает многие идеи и принципы политико-правовых мысли Нового времени (в частности, идея естественного закона и естественных прав, общественного договора и суверенитета как важнейшего атрибута государства). Не менее значима его роль как своего рода основоположника традиции «политического центризма» применительно к условиям переживавшей в его эпоху масштабные трансформации Франции. Помещение Боденом в центр политической жизни государства как авторитетного арбитра и гаранта прав и интересов различных слоев общества создавало качественно новую модель политического порядка. Правивший при его жизни Генрих III не стал «успокоителем» Франции, и абсолютизм в ней стал устанавливаться позже – при Франциске I, и достиг своего расцвета при Генрихе IV, принесшем стране долгожданный социальный и религиозный мир после принятия Нантского эдикта в 1598 году. Впереди Францию ожидала Фронда - череда антиправительственных смут, произошедших в 1648 —1653 гг. и фактически представлявших собой новый виток гражданской войны, выход из которой потребовал значительных политических усилий.

В наиболее полной мере воплотил в жизнь политический идеал Бодена «король-солнце» - приведший Францию к состоянию «цветущей сложности» **Людовик XIV де Бурбон**, получивший при рождении имя Луи-Дьёдоннэ («Богоданный», *Louis-Dieudonné*), также известный как **Людовик Великий** (*Louis le Grand*) — король Франции и Наварры с 14 мая 1643 г. Он правил страной 72 года — дольше, чем какой-либо другой европейский король в истории.

Людовик, в детские годы переживший войны Фронды, в сознательном возрасте являлся убеждённым сторонником принципа абсолютной монархии и божественного права королей (ему приписывают выражение «Государство — это я!»). Укрепление режима личной власти

он сочетал с весьма успешным подбором кандидатур на наиболее значимые посты в государстве. Царствование Людовика — время подлинной консолидации и политического единства Франции, её военных успехов, культурного расцвета и интеллектуального подъема, которое вошло в историю страны как Великий век — тот самый период, который предвосхитил своими идеями видный французский мыслитель.

Стратегия преодоления гражданской войны, разработанная Боденом и реализованная великими монархами, был весьма важной для Франции, пережившей с конца XVIII века три масштабных революции, и несколько раз балансировавшей на грани крушения государственности. Голлистский синтез XX века, соединивший идеи величия, политического единства и народного суверенитета в рамках предложенной Ш. де Голлем модели V Республики, в известной мере опирался на наследие видного французского мыслителя XVI века. Возможно, что новый путь выхода из масштабного политического кризиса, который переживает современная Франция, также будет связан с новым прочтением боденовских идей, и прежде всего обоснованной им идеологии политического централизма и модели национального согласия.

«Хитрый лис» эры Постмодерна: конец «эпохи Ширака»

Жак Ширак объявил в воскресенье 11 марта, что не станет соискателем третьего президентского мандата. «В рамках мандата, который Вы мне уже доверили, настал момент послужить вам в ином качестве» — заявил обитатель Елисейского дворца. При этом глава государства воздержался от публичной поддержки хотя бы одного из кандидатов, заявленных на участие в грядущих президентских выборах. «Если речь идет об электоральных шансах претендентов, я воспользуюсь случаем выразить мое мнение персонально» — сказал он. Затем Президент Республики вернулся к своему послужному списку, включив в него защиту светского характера государства, пенсионную реформу, деятельность по поддержке пожилых людей, борьбу с угрозами безопасности и преступностью, стимулирование инноваций, активные действия против безработицы и зачиту «международного статуса» Франции.

Ширак также просил своих соотечественников «поверить» в перспективы строительства объединенной Европы. «Франция должна подтвердить свое стремление к созданию сильной Европы, Европы политической, Европы, которая гарантирует реализацию разработанной нами социальной модели. Это наше будущее, которое осуществляется сегодня. Давайте сохраним этот идеал и само желание его достигнуть» — отметил он.

Послание Ширака плавно перешло в «политическое завещание»,

в котором он призвал соотечественников: к отказу от экстремизма, к укреплению солидарности и реализации «равенства шансов», необходимости «взять в свои руки новый мир», защищая и модернизируя «французскую модель», к продолжению процесса «европейского строительства» и «борьбы за развитие», к осуществлению «экологической революции».

Президент Республики заявил, что он будет отныне служить Франции «в ином качестве». «Иным образом, но с тем же безудержным энтузиазмом и с тем же стремлением работать ради вас, я продолжаю вести сражение, которое является общим для нас, сражение всей моей жизни за справедливость, за прогресс, за мир и за величие Франции» — добавил Жак Ширак, который, в свои 74 года, намерен в мае сего года закончить свою политическую карьеру, длившуюся более 40 лет. В своей речи, длившейся 12 минут, Ширак сказал о своих чувствах, обращаясь к французам. «Ни на секунду вы не перестаете жить в моем сердце и в моем сознании. Ни на одну минуту я не прекращал действовать, с целью послужить нашей волшебной Франции. Той Франции, которую я люблю точно также, как и вы все» — сказал он.

Оставив в стороне патетику и пафос, попробуем оценить, кем же был в действительности для Франции и Пятой республики этот безусловно неординарный (хотя и вызывающий у немалой части французов резкую антипатию) политический деятель.

Жак Ширак — обладатель отменного политического вкуса и представитель большого политического стиля, не отягощенного, однако, верностью определенной стратегии и идеологии. Пройдя через целый ряд коллизий и испытаний, он отстоял свою политическую субъектность и персональную идентичность — однако отдал за это слишком многое.

Он родился для политики в памятном 1968 году. Заняв пост государственного секретаря (заместителя министра), он еще в молодости понял, что во Франции не стоит будить спящего льва, то есть народ, который всегда может ни с того ни с сего вдруг «зарычать» и расшатать столпы власти. В 1968 году режим Пятой республики чуть было не пал. Воспоминание неизгладимое. На протяжении всей своей карьеры Жак Ширак будет сталкиваться с оппозиционными выступлениями, заставляющими его отменять законы и распускать правительства. Студенческая мобилизация 1970-х, чудовищные демонстрации в декабре 1986 года, крупная забастовка 1995 года, акции протеста после принятия закона о первом найме в 2006-м — он терпел всё, вынужденный уступать, испытывая колебания после каждой попытки, давая клятву больше ничего подобного не предпринимать — но шел на уступки снова.

С точки зрения политического стиля, Ж. Ширак — безусловный

политический макиавеллист, но макиавеллист «наполовину»: последовательно разменяв «остаточный» политический капитал Пятой республики и не решив ни одной стратегической задачи, он умело держался на плаву, ради сохранения власти меняя идеологическую окраску и всегда боясь «не понравиться» избирателям (а точнее — «улице», подсознательное опасение которой постоянно присутствовало в его политическом подсознании). Он останется, чтобы совершать исполненные политического вкуса жесты, но не для того, чтобы принимать жизненно важные для оздоровления государства и общества законы. Именно жестами были его отказ вступить в коалицию с «Национальным фронтом», его признание преступлений Виши, его поддержка Симоны Вейль, заставлявшей голосовать за легализацию прерывания беременности, его ощутимый страх перед смертной казнью,

Он всегда руководствовался соображениями политической целесообразности, но это была целесообразность «текущего момента», которую он определял с помощью своего острого политического чутья. В 1974 года во время досрочных выборов Ширак, тогда молодой и энергичный глава МВД, пошел на раскол ЮДР, поддержав на выборах лидера «независимых республиканцев» Валери Жискар д'Эстена вместо официального партийного кандидата Жака Шабана-Дельмаса. Получив за это после победы д'Эстена пост премьер-министра и позволив себе стать «немножко левым», Ширак реализовал ряд социальных реформ, повысив заработную плату и социальные пособия, попутно снизив возрастной ценз на выборах. В то же время, недовольный «излишне либеральным» курсом д'Эстена, и в том числе курсом на сближение с левыми, он впоследствии покинул пост премьера.

В 1976 году вдохновленный верой в свое политическое призвание, Ширак решил преобразовать голлистское движение, объявив о создании на основе Союза демократов за республику новой голлистской партии Объединение в поддержку республики (РПР) и став ее председателем. Своей задачей партия считала победу на выборах и завоевание прочных позиций внутри правящей коалиции. Однако здесь политическое чутье подвело Ширака — ибо, будучи сильным в тактике, он был весьма посредствен в стратегии. В итоге, конкуренция с представителями центристского Союза за французскую демократию лишь ослабила единство правых сил, дав шанс конкурентам-социалистам, занимавшим Елисейским дворец с 1981 по 1995 годы. На выборах 1981 года Ширак отказал в поддержке Жискар д'Эстена в качестве единого кандидата от правых, предложив однопартийцам «сделать выбор сообразно своей совести и руководствуясь интересами Франции», чем открыл дорогу к президентской власти Франсуа Миттерану.

Однако судьба вновь дала Шираку шанс. После парламентской победы своей партии в марте 1986 он два года возглавлял «правительство сосуществования», в условиях благоприятной экономической конъюнктуры провозгласил решительный курс на денационализацию и либерализацию экономики, и попытался реформировать высшее образование, переводя его на рыночные «рельсы». Однако, столкнувшись с недовольством в обществе, Ширак вскоре растерял свой рейтинг, чему активно и умело способствовал президент-социалист Миттеран.

Ширак не смог реабилитироваться на президентских выборах 1988 года, где, позиционируя себя как молодого и энергичного политика и выступая с традиционными умеренно-правыми лозунгами, с трудом сумел выйти во второй тур, крупно проиграв тому же Миттерану.

Удача улыбнулась Шираку в президентской кампании 1995 года, которую он вел под лозунгом «Франция для всех». Решив снова стать на словах «немножко левым», он обещал «вернуть каждому французу его место и его шанс в обществе; поставить все основные силы нации на службу занятости трудящихся; установить истинную солидарность; гарантировать республиканский порядок». Успех Ширака объяснялся не столько его личной популярностью, но усталостью французов от весьма неэффективной и одиозной «социалистической бюрократии» от власти. Однако и на этот раз Ширак не оправдал надежд избирателей, не выполнив в полной мере ни одного из обещаний. Более того, непопулярные меры, предпринятые в сфере здравоохранения, пенсионного обеспечения и образования правительством Аллена Жюппе предопределили успех на очередных выборах Соцпартии и создание правительства во главе с Лионелем Жоспеном.

По поводу выборов 2002 года написано достаточно много. Неожиданно получив в качестве соперника во втором туре изрядно диффамированного Жана-Мари Ле Пена, Ширак победил за счет муслирования «фашистской угрозы» и пропаганды «мультикультурализма», которые затмили все остальные пункты его программы. В итоге, под видом «защиты Республики» он фактически солидаризировался с радикально-антиистинной «улицей», которая, получив подобный карт-бланш, напомнила о себе массовыми протестными выступлениями в 2005 и 2006 годах.

Таким образом, Жак Ширак провел свое «политическое время», уничтожая своих врагов справа, но так и не реализовав реформы, к которым стремился его собственный лагерь. Он был преисполнен дерзости в политических битвах и маневрах — отставках и назначениях необычных кандидатур, предательствах, сенсационных заявлениях и громких призывах — но отличался поразительным малодушием при

исполнении власти: его правление характеризуется проваленными реформами, запоздалыми мерами, невыполненными программами, принятыми, а затем в панике отозванными законами.

Он столько раз предавал своих соперников-правых, Шабана-Дельмаса, Жискара д'Эстена и некоторых других, что, как верно замечено, в конце концов, предал правых как таковых. Он так и не начал «либеральную революцию», в которой французский правящий класс видел средство спасения страны. И все же либералы и истеблишмент хотели от него избавиться, используя для этого сначала Р. Барра, потом Э. Балладюра.

Но Ширак непостижимым образом устоял, совершая эффектные политические маневры и без колебаний идя на уступки левым и «улице», чем окончательно легитимировал ее в качестве едва ли не «основного» субъекта современной французской политики.

И он оставил в руинах Пятую республику, фактически провалил проект «Объединенной Европы» в его первоначальной версии (вспомним провал референдума по Европейской конституции во Франции). Он фактически уступил ключевые политические высоты оппонентам из «левого» лагеря либо вообще антисистемным силам, порывающим сокрушить и Пятую республику, и саму французскую идентичность, вызвал внутренний кризис в голлистской партии, не оставив после себя сколько-нибудь надежной политической «смены».

Жак Ширак — это политический «лис» (в смысле Парето), который переиграл в своей карьере многих, но в итоге перехитрил самого себя. Политический стилист, который выхолостил основное идейное содержание голлистской традиции, оставив институты Республики без прочного социального «фундамента». Политик, воспитанный в традициях «классической эпохи», но открывший дорогу постмодернистским стихиям.

Современной Франции, судя по глубине ее болезни, не помогут ни «лисы», ни «волки». Ни «функционалы», подобные Саркози, собиравшиеся укреплять республику «техническими» мерами и не способные предложить ей никакого нового идейного содержания. Ни политики из «умеренно-левого» лагеря, стремящиеся заигрывать с «улицей» путем раздачи все новых нереализуемых обещаний. Ни «крайне правые», стремящиеся направить французскую стихию в желаемое для них русло. «Идеологических конструкторов», подобных де Голлю, просто не востребует общество эпохи Постмодерна. С закатом «высокого политического стиля» заканчивается и эра величия Пятой республики, грозя оставить после себя «углубляющийся хаос». Именно в этом и состоит символический смысл отставки ее «неверного» кровного сына Жака Ширака.

Французский социализм: кризис 2008 года и попытки самообретения

Кавалерийские атаки президента Николя Саркози за время его пребывания на посту президента Республики на «французский социализм» породили во французском обществе, известном своей легкостью на подъем, мощное движение протеста, которое попытались «оседлать» традиционные противники «правоцентристов» — социалисты.

Относительный успех на недавних муниципальных выборах давал Соцпартии, казалось бы, очевиднейший шанс вновь заявить о себе. Особенно — на фоне разгрома на президентских выборах 2002 года и минимальной, по сути, неудачи в президентской кампании-2007. Дело оставалось за малым — следовало заявить программу, отвечающую запросам «разбуженного» наступлением правых французского общества.

Однако убедить большинство французов в собственной готовности принять «штурвал управления» у сильных в плане критики «левых» опять не получилось. Что и подтвердили данные последних «замеров» общественного мнения.

Согласно недавним социологическим опросам (май 2008), проведенным социологической службой Parisien/Aujourd'hui en France большинство французов полагают, что ни Сеголен Руайяль, бывший кандидат в президенты, ни Бертран Делано, мэр-социалист Парижа, не могли бы стать достойными президентами Республики.

При этом только 32 % французов думали, что Сеголен Руайяль была бы достойным президентом Республики (58 % рассуждают противоположным образом).

Бертран Делано также не казался респондентам более убедительным в этой роли, поскольку только 34 % французов видят в нем достойного обитателя Елисейского дворца (против 47 %, убежденных в обратном).

С другой стороны, значительное большинство французов полагали, что Сеголен Руайяль на посту президента была бы не в состоянии реформировать Францию (56 % против 33 %, утверждающих обратное) и не обладает качественной программой реформ для страны (51 % против 33 %, считающих иначе).

Столь же скептически настроены большинство опрошенных и в отношении Бертрана Делано, но отрыв последних от «энтузиастов» его персоны не столь значителен: 45 % французов полагали Делано не способным реформировать Францию (против 34 %, которые думают иначе), и 37 % против 35 %, полагающих его не способным предложить качественный проект преобразований своей стране.

В то же время, среди сторонников социалистов мнения об обоих

претендентах оказались более благоприятными. 55 % из них считали тогда, что Руайяль была бы достойным президентом, 54 % придерживались подобного мнения в отношении Делано. Большинство из них склонялись к тому, что как одна, так и другой способны реформировать страну, отдавая в заочном соревновании между ними небольшое преимущество Руайяль (56 % против 54 % у Делано). Наконец, по мнению французов, Сеголен Руайяль превосходила тогда Бертрана Делано в таких качествах, как смелость (85 %) и динамизм (77%).

Но при этом мэр Парижа виделся им более симпатичным (76%), способным объединить людей (59 %) и компетентным (68 %) ³⁰.

Однако отрицательный результат, бесспорно — тоже результат. Так или иначе, Сеголен Руайяль и Бертран Делано снова оказались в центре политической арены.

Будучи вовлеченными в весьма противоречивую по своим результатам недавнюю кампанию муниципальных выборов, за четыре года до новой президентской кампании, они поспешили обнародовать свое видение будущей стратегии Соцпартии.

Действующий мэр Парижа первым заявил о своих политических амбициях в книге со знаковым названием «Закат», где его кандидатура на пост лидера партии неизменно присутствует между строк. Одновременно наш герой был тогда замечен в толпе среди своих друзей (включая Лионеля Жоспена) на митинге, воспользовался возможностью обратить внимание заинтересованной публики на наиболее шокирующий параграф своей книги, где он провозгласил себя «либералом» и побуждал левых вернуть себе понятие, незаконно узурпированное «правыми». «Социалисты 2010 годов должны быть борцами за свободу» и за расширение прав человека, что и составляет в конечном итоге политический либерализм — пояснял Делано ³¹.

Сеголен Руайяль, оставаясь верной взятой на себя ноше «морального лидера партии», поспешила ответить на подобный эскапад Делано в сторону идеологической платформы партии. Невозможно «одновременно быть либералом и социалистом, это несовместимые вещи» — ответ, который весьма странно прозвучал в ее устах, если вспомнить активное заимствование ею многих либеральных по своей сути лозунгов в период избирательной кампании-2007 года. Тем более, что еще несколько месяцев до этого мадам Руайяль публично озвучивала вполне либеральные по духу тезисы.

С другой стороны, можно задаться вопросом о том, не было ли столь

³⁰ Ni Royal ni Delanoë ne ferait un bon président // Publié le Dimanche 25 mai 2008 dans Soir en Ligne.

³¹ Commentaire: de l'audace au Parti socialiste ? chiche // Publié le Lundi 26 mai 2008 dans Soir en Ligne.

блистательное «жонглирование» идеями со стороны парижского мэра простым тактическим позиционированием в преддверии внеочередного передела власти в партии? Все подталкивает именно к такому выводу.

В то же время не исключено, сам Бертран Делано вознамеревался тогда создать в рядах социалистов новое движение на основе «шокирующей» политической формулы. Однако утверждение последней в «социалистической» партийной среде очевидно не обходится без изрядной доли «шипов».

Будучи вынужденным публично отвечать своим критикам, Делано пытался отбиваться от них путем провозглашения идеи «современности». При этом парижскому мэру необходимо было четко отличаться от всех предшествующих «социалистических» кандидатов.

При этом ни в экономической, ни в социальной, ни в политической областях он не имеет от своих предшественников сколько-нибудь заметных отличий. Подобные «отличия» можно было обнаружить в весьма туманной области «метода» (когда Делано критикует издержки партиципаторной демократии) и стратегии поиска союзников (Руайаль склонялась к сближению с «центристами», и прежде всего со сторонниками Франсуа Байру, что позволяло обвинить ее в излишней «конъюнктурности»).

Однако все эти маневры вызвали серьезное раздражение в рядах самой Социалистической партии. Как полагали тогда некоторые близкие к партии, в подобной ситуации один из левых кандидатов-аутсайдеров должен был попытаться найти собственный «политический путь» и имидж, активно склоняя на свою сторону партийное большинство.

Последний, по замыслу, должен был включать в себя «юный профиль» (подобно Пьеру Московичи, Жюльену Дрелю или Мануэлю Вальсу) либо образ «преуспевающего тяжеловеса». Не исключено, однако, и активное проявление «фактора феминизации». Так, «оседлав волну» в результате случившегося незадолго до этого успеха на местных выборах в Лилле, напористая Мартина Обри продолжала набирать политическую силу. Помимо нее, в партии из числа перспективных претендентов на президентство тогда присутствовали ее действующий председатель Франсуа Олланд и делавший весьма неплохую карьеру функционера в МВФ Доминик Строс-Кан, которые тогда еще не сказали своего последнего слова с точки зрения перспектив участия в президентской гонке 2012 года³².

Но для того, чтобы все эти и иные амбициозные планы социалистических лидеров обрели плоть и кровь, требовалась комплексная и сложная программа, способная превзойти не слишком умелые экспромты «нового правого» Николя Саркози на платформе экономиче-

32 Ségolène Royal réplique à Bertrand Delanoë : Les socialistes à couteaux tirés // Le Soir. – 2008. – 27 mai.

ского либерализма и идеологического неоконсерватизма.

Как бы там не было, будущему социалистическому лидеру предстояло приложить немало усилий для того, чтобы завоевать расколотую и уставшую от умножающихся разочарований страну.

Будущему претенденту от социалистов следовало помнить, что сила Николя Саркози прежде всего состояла в его способности объединить вокруг себя всех «правых» (как шираковцев, так и «лепеновцев»). В итоге ставилась политическая задача, которая в случае «левых» все более напоминала игру «миссия невыполнима». Подтверждением чему является целая череда недавних внутрипартийных событий.

Что же происходило в это время в рядах социалистов?

27 мая 2008 г. депутаты-социалисты в Национальном собрании решили голосовать в первом чтении против предложенного президентом Саркози проекта конституционной реформы, нацеленной на изменение порядка функционирования всей системы государственной власти. Однако собственной сколько-нибудь внятной позиции по этому вопросу, не говоря уже об альтернативном конституционном проекте, социалисты тогда не предложили.

Неясность партийной позиции проявилась не только по программным вопросам. Так, в партийных рядах существовала мнение о необходимости не вмешиваться в уже де-факто начавшуюся избирательную кампанию 2012 года. Свидетельствовало ли это об общей слабости партии либо о неопределенности в вопросах стратегии — осталось неясным, но сам по себе симптом был более чем характерным.

В то же время, именно тогда ключевым для социалистов стал вопрос о том, кто возглавит партию на переходный период, и какая линия — «левая», «квазилиберальная» или условно «центристская» — станет определяющей для нее на это время.

Многим в Соцпартии именно первый секретарь Франсуа Олланд представлялся тогда обладателем наибольшего политического капитала³³. Однако после того, как он уступил в 2007 году в борьбе за право быть «партийным кандидатом» на выборах президента страны своей бывшей гражданской жене Сеголен Руайяль, ему все так и не удается обрести «устойчивую политическую поступь», что побуждает его строго «бдить за конкурентами».

И неслучайно, что именно первый секретарь Соцпартии заявил накануне внутрипартийных дебатов 2008 года о неприемлемости идеи о персональных амбициях. Ф. Олланд решил не оставлять «площадки для действия» С. Руайяль и Б. Делано, попутно призвав партию перейти в «идеологическое наступление»³⁴ — правда, не сформулировав при

33 См.: Le Monde. – 29 mai/ Constance Baudry.

34 M.Hollande : dix conditions pour sortir le PS de ses querelles // Le Monde. – 2008. - 30 mai.

этом достаточно ясно, что конкретно он имел в виду.

Достаточно близко к «идеологической площадке», С. Руайаль и Б. Делано развернули соревнование слов и жестов с целью завоевания «идеологической инициативы» в Соцпартии³⁵.

В итоге, по заключению некоторых из обозревателей, наблюдая парад претендентов на пост лидера Соцпартии, можно было поверить в возможность возвращения Улисса, героя «Илиады» и «Одиссеи», который явился бы для того, чтобы ввести в известные рамки чехарду, возникшую в партийных рядах вследствие затянувшегося безвластия.

В то же время попытки вмешаться в спор «партийных олигархов» о будущем партии, предпринимавшиеся в течение 2008 года некоторыми из идеологизированных групп внутри партии, пока не приводят к успеху.

Так, мощное левое течение (NPS) в составе Соцпартии презентовало 28 мая 2008 свой собственный проект партийной программы, и сумело обсудить его в серии форумов, организованных по всей стране. Однако партийные «верхи» практически проигнорировали данную дискуссию, наглядно продемонстрировав характер собственных планов, весьма далекий от сферы идеологии.

Последнее, по мнению авторов, позволяет заключить, что конкуренция 2007-2008 годов внутри Соцпартии представляла собой не борьбу идей и платформ, а соревнование нескольких конъюнктурных групп за лучшее приспособление к изменяющимся условиям.

С одной стороны, в числе соискателей партийного «пирога» продолжала заявлять о себе «новое лицо» Соцпартии — Сеголен Руайаль, сочетавшая в рамках своей эклектичной платформы популистские лозунги, и явно делавшая ставку на неудачи «правых» как главный фактор роста собственного политического рейтинга. Мало отличался от нее и Бертран Делано, также стремившийся «плыть по течению», несмотря на некоторое количество активно вброшенных им в политическое сообщество «новых» идей.

С другой стороны внутрипартийного «ринга» находились тогда приверженцы отвергнутого мадам Руайаль гражданского мужа и председателя Соцпартии Франсуа Олланда, сделавшего своей главной целью персональный моральный и политический реванш – в чем они в конечном итоге и преуспели в 2012 году.

Национальный фронт и кризис Пятой республики

Одной из политических сил Франции, выступающих против базовых институтов и ценностей Пятой республики (особенно в их последней, либеральной и мультикультуралистской модификации) является Наци-

³⁵ Normand J.-M. Le Parti socialiste se gagnera plus à droite qu'à gauche // Le Monde. – 2008. – 27 mai.

ональный Фронт «великого и ужасного» Жана-Мари Ле Пена. Его успех на президентских выборах 2002 года, когда он сумел выйти во второй тур, сенсационно победив лидера Соцпартии Лионеля Жоспена, может быть объяснен не столько популярностью «крайне правых идей», сколько одиозностью жоспеновской «социалистической бюрократии», поддерживать которую тогда «отказался» традиционный левый электорат.

При этом во втором туре выборов 2002 г. президент Ж. Ширак сумел, консолидировав право- и (частично) левоцентристский электорат и, используя антифашистскую риторику, нанести Ле Пену едва ли не сокрушительное поражение. Однако уже 2006 год был отмечен целым рядом важных событий, прежде всего — выступлением французских студентов против непопулярных изменений в трудовом законодательстве, а также восстанием пригородных «гарлемов» против административно-полицейской системы Франции (а фактически — против ее правовой и политической системы). Все это, казалось бы, должно было изменить ситуацию и дать шанс тем, кто предлагал более радикальные способы борьбы за французскую идентичность, культуру и политическую систему.

Могли ли «фронтисты» артикулировать существующие тогда во французском обществе потребности в укреплении государства, — а также недовольство одиозными «шираковской» и «социалистической» бюрократиями, — в политические лозунги, понятные большинству французского общества? Иными словами, мог ли Ле Пен рассчитывать тогда на создание действительно «общенародной» правой партии, и преуспеть на выборах, как это сделали незадолго до этого Сильвио Берлускони в Италии и Хосе-Марии Аснару в Испании?

Ситуация вокруг Национального фронта до последнего времени оставалась достаточно беспокойной. Его бессменный лидер Ж.-М. Ле Пен вынужден был прилагать колоссальные усилия, чтобы добиться признания своей лидирующей роли в партии, чтобы повысить свои шансы на президентских выборах 2007 года. Именно из-за опасений по поводу успеха в этой кампании, Ле Пен собрал незадолго до ее старта около 2500 своих сторонников на съезд в Лилле с целью обнародовать свои программу и «послание к нации».

Существовала и еще одна причина столь спешной мобилизации: уровень поддержки «фронтистов» находился в начале 2007 года на спаде вследствие «натиска Франсуа Байру», центристского кандидата, превосходившего по популярности Ле Пена по данным проведенных в феврале зондажей общественного мнения. Неслучайным оказался и выбор в качестве места проведения партийного форума именно Лилля — столицы Севера как региона, выделяющегося в глазах активистов Фронта своей «социальной безнадежностью», где, по

словам верного лепэновского «лейтенанта» Карла Ланга, «многие жители региона чувствуют себя брошенными всеми другими партиями и преданными политическим классом». Именно здесь, в двух департаментах Севера Франции, Ле Пен показал в первом туре президентских выборов 2002 года электоральный результат, превосходящий его средний показатель по стране (16,86 %) — 19,42 % на Севере и 18,41 % в Па-де-Кале. Кроме того, на последних выборах в региональные легислатуры в половине округов Севера кандидаты-фронтисты преодолели 15-процентный барьер уже в первом туре.

В своем выступлении на партийном форуме 25 февраля 2007 года лидер Национального Фронта стремился развеять все возникшие сомнения, демонстрируя обновленный имидж партии и ее кандидата на президентский пост. Ле Пен заявил о себе как о «народном» кандидате для Франции, которой, по его мнению, угрожает «всеобщее обнищание», и одновременно как кандидат «жизни» перед лицом экологических угроз, существующих на планете. В своей программной речи лидер Фронта в весьма экспрессивном стиле поведал о многочисленных «зримых» и «незримых» угрозах, которым подвергаются страна и планета.

«Пробудитесь, поскольку все мы присутствуем на сцене мирового театра, где занавес трагедии уже поднят», — бросил в начале своего доклада Ле Пен в зал, где собрались его сторонники, представляя им в качестве альтернативы свою «национальную, социальную и популярную программу».

Форуму в Лилле предшествовала достаточно активная пропагандистская кампания, проведенная лидером Фронта. Президент ФН тщательно подготовил свое выступление в популярной телепрограмме «Судить — Вам», чтобы показать готовность своей партии управлять страной. Выходя с эфира передачи «У меня к Вам вопрос» на канале TF1, в понедельник 12 февраля, Ле Пен выглядел весьма удовлетворенным своей презентацией: «Я опасался «маленьких вопросов» персонального характера, но в итоге общение было галантным, и я сумел привлечь значительное внимание публики».

Важными составляющими пропагандистской кампании Ле Пэна в итоге стали генерирование политического оптимизма и критические атаки на конкурентов. Будучи приглашенным 8 февраля в прямой эфир телеканала France 2, лидер национального фронта продемонстрировал уверенность в собственных шансах на прохождение во второй тур президентских выборов. Одновременно он иронизировал над своими политическими противниками, утверждая, что Николя Саркози скорее является «наследником Эдуарда Балладюра» и утверждал, что Жак Ширак «мог бы быть кандидатом в президенты в случае, если

возникнет острый международный кризис». В отношении социалистов Ле Пен отметил, что новые идеи у них воплощаются с помощью старых фигур, имея в виду участие в предвыборной кампании Сеголен Руайаль ветеранов Соцпартии Л. Жоспена и Л. Фабиуса.

Вместе с тем, уже тогда в риторике Ле Пена проявилась и известная политическая гибкость, а также готовность «играть на поле конкурентов», поддерживая их конструктивные лозунги, и одновременно демонстрируя электорату последних несостоятельность авторов лозунгов при проведении их в жизнь. Ле Пен, в частности, солидаризировался тогда с политической стратегией Николя Саркози, заявив: «он (Саркози) пытается работать на моей площадке, но именно я разбрасывал на ней семена и именно я буду собирать с нее урожай. Люди всегда предпочитали оригинал копии. Поскольку я больше сделал в этой области, я предпочитаю оставить ее себе». В итоге Ле Пен позиционировал себя в 2007 году как единственную альтернативу «Саркози, Руайаль, Байру, картелю министров и экс-министров правительств, которые сменяли друг друга у власти в течение 30 лет» и несут ответственность за «происходящую катастрофу».

При этом критике подверглись не только персоналии, но и стиль пропагандистской кампании конкурентов, когда Ле Пен публично объявил, что Николя Саркози и Сеголен Руайаль «являются жертвами излишне активного позиционирования в СМИ», что призвано отменить в сознании избирателей политический имидж самого Ле Пена.

Единственным масштабным «шипом» для кампании Национального Фронта со стороны его противников стал сюжет, связанный с давлением, якобы оказанным на мэров городов, обещавших ему предоставить необходимые для выдвижения на пост Президента подписи. Сам Ж.-М. Ле Пен объявил тогда о своем намерении подать жалобу, осуждающую давление на глав ряда муниципалитетов, которые обещали ему свои подписи. «Мы проведем расследование и подадим жалобу, у нас есть возможности для проведения расследования, которые позволяют сделать достоянием общественности все обращения в нашу поддержку», — добавил он, не уточняя число подписей в поддержку его кандидатуры, собранных на сегодняшний день. В последний понедельник лидер ФН заявил, что располагает «от 460 до 500 обещанных подписей».

Однако наиболее пристального внимания заслуживают конкретные пункты программы Ле Пена, который, достаточно умело оседлав конька правого «общенародного» популизма, стремится привлечь на свою самые широкие «протестные группы».

Традиционной для программы лидера Национального Фронта осталась антииммиграционная риторика, в которой он, однако, не выхо-

дил за известные пределы. Будучи приглашенным на эфир уже упомянутой программы «У меня к Вам вопрос» кандидат от ФН не согласился с тем, что является расистом или ксенофобом, подчеркивая при этом опасность «разрастания» населения Франции вследствие эмиграции. В своей программной речи в Лилле именно иммиграцию Ле Пен объявил главным источником проблем страны, наряду с влиянием Объединенной Европы и Брюсселя. По его словам, Национальный Фронт намерен «развернуть миграционный поток» и прекратить практику предоставления социальной помощи, которой пользуются сегодня мигранты, и уменьшить с 10 до 3 лет срок действия миграционной карты.

Вместе с тем, лидер Фронта сделал определенные шаги по привлечению на свою сторону части протестного электората, имеющего «иммигрантское происхождение». Возможно, именно этим объяснялось посещение им 16 февраля 2007 года китайского кладбища Нуайель-сюр-Мер в Сомме. Кладбище, о существовании которого знают немногие французы, содержит захоронения 838 китайских «кули», рекрутированных в британскую армию между 1917 и 1919 годами в качестве «вспомогательной силы».

Типично популистским приемом, заимствованным из арсенала «французским левых», является заявленное тогда Ле Пенем намерение в случае успеха на выборах прибегнуть к референдумам для решения всех ключевых вопросов национальной политики с целью вернуть государственной власти «утраченную легитимность» (а на деле — ослабить позиции шираковской и «социалистической» бюрократии, изрядно оторвавшихся от нужд рядовых избирателей).

Сравнительно новой «осью» пропагандистской кампании лидера «фронтистов» стала тема борьбы с бедностью, с помощью которой он рассчитывает вторгнуться на «электоральное поле» Соцпартии и ФКП. Заявив на партийном форуме в Лилле о нарастающей пауперизации страны, Ле Пен привел на совещании цифру в 7 миллионов бедных. По мнению Ле Пена, эти данные являются свидетельством того, что «левые» потерпели неудачу в социальной сфере, социальный разрыв остается реальностью, и именно Национальный Фронт готов предложить решение этой проблемы, поскольку является партией социального прогресса. Мы опираемся на народный электорат, который становится все более многочисленным».

Благодаря подобным «пропагандистским установкам» лидер Национального Фронта рассчитывал завоевать голоса новых избирателей в сельской местности и в малых городах, а также пытается привлечь на свою сторону французов-иммигрантов, которые также причисляются им к жертвам «социального бедствия». «Мы не должны обвинять одних только эмигрантов в проводящейся политике, ответственными за которую

являются исключительно французские политики, Союз за народное движение, ЮДФ, Компартия, Соцпартия, представленные сегодня кандидатами Руайяль, Саркози, Байру», — заявил тогда по этому поводу Ле Пен.

Достаточно ново и неожиданно в устах вождя «крайне правых» звучали обещание «аграрной революции» и глобальные инициативы. Так, в число пропагандистских обещаний лидера Национального Фронта вошли тогда «план Маршалла для деревни» и «фискальная революция», что лишний раз подтвердило эклектичный характер его социально-экономических взглядов. Являясь приверженцем «чистого капитализма», он, тем не менее, осудил «глобальный финансовый капитал», состоящий, по его словам, из «нескольких тысяч хищников, преследующих только одну цель: огромный процент от прибылей». Таким образом Ж.-М. Ле Пен ответил на призыв своего соратника Жана-Клода Мартинеса, предложившего лидерам Фронта изложить «собственное видение глобальных процессов».

Наиболее же экзотично прозвучали в устах лидера Фронта заявленные на партийном форуме его «альтерглобалистские инициативы». Ж.-М. Ле Пен обещал, что, став Президентом, он уже в сентябре 2007 г. обратится к Генеральной Ассамблее ООН со «смелым» предложением ввести совместное управление четырьмя частями «общепланетарной собственности»: водой, продовольствием, ключевыми медикаментами и образованием. По мнению Ле Пена, данная инициатива будет означать «возвращение Франции на мировую арену».

Новшества в избирательной программе с заявками на консолидацию вокруг Фронта всего протестного электората подкреплялись контактами Ле Пена с представителями других частей «идеологического спектра Франции». Так, например, Национальный Фронт, представленный своим генеральным секретарем Луи Алиотом, организовал 6 февраля 2007 пресс-конференцию с Аленом Соралем, писателем-полемистом, ветераном Компартии, сторонником Ж.-П. Шевенемана на президентских выборах 2002 года, поддержавшим тогда Ж.-М. Ле Пена в рамках «Патриотического союза».

Сближение Алена Сорала с «фронтистами» происходило не одномоментно. Писатель активно включился в инициированную штабом Ле Пена кампанию против покинувшего ряды Национального Фронта после личного конфликта Бруно Мегре, который, по мнению Сорала, пытался использовать союз патриотов с целью подчинить его себе самому. Именно Сораль убедил тогда Ле Пена в существовании «революционных голосов» в его пользу в пригородах французских городов, что до известной степени сблизило лидера «крайне правых» со знаменитым чернокожим комиком Дьедоннэ, известным своими яркими сатирами.

Каковы же были промежуточные итоги начавшегося тогда избирательного марафона? Согласно данным опросов, проведенным незадолго до первого тура выборов 2007 года социологической службой CSA для телеканалов Le Parisien et I-Télé, за кандидата Соцпартии С. Руайяль в первом туре были намерены голосовать 29%, за кандидата от «умеренных правых» Н. Саркози — 51% (что позволяло предполагать его победу во втором туре), за «центриста» из ЮДФ Франсуа Байру — 17 %, а за лидера ФН Ж.-М. Ле Пена — только 14%.

Как следствие, в активно проводимой избирательной кампании лидера «крайне правых» некоторые его оппоненты усмотрели не что иное, как возвращение «пугала по имени Ле Пен», призванного побудить избирателей «голосовать разумом». Таким образом, по мнению Франсуа Байру, Народное движение за республику и Соцпартия реагировали на повышение уровня поддержки центристского кандидата, стремясь скорректировать все более явно проявляющуюся тенденцию.

Так или иначе, несмотря на весьма активные усилия лидера «крайне правых» превратить свою партию в «народную оппозицию» и изменить свой имидж с целью привлечения протестных голосов как «справа», так и «слева», Ле Пену так и не удалось выйти за рамки электоральной «ниши», которую отвели ему «системные» политики правого, левого и «центристского» толка, — «левые» и «правые» бюрократы, сторонники весьма условного «лево-правого консенсуса», с большим трудом поддерживавшего «на плаву» Пятую республику.

Национальный Фронт так и не смог превратиться из «партии-хватай-всех-подряд» в сильную «общенародную», подлинно национально-консервативную партию, способную адекватно реагировать на вызовы современности и предложить Франции конструктивную стратегию выхода из кризиса. Гениальный синтез, который имел место в ранней версии идеологии «голлизма», объединившей вокруг идеи «государства-нации» как основы величия Франции идеологов и политиков умеренно-правового и умеренно-левого толка, а также представленный большинством общества условный политический «центр», едва ли был возможен в условиях постмодерна. В итоге политическая система Пятой республики была обречена подвергнуться натиску «антисистемных сил» вплоть до своей радикальной трансформации или распада вследствие очередного масштабного кризиса. Таким образом, «системные» политики, подобные Саркози или Руайяль, едва ли были способны модернизировать политическую систему Франции вследствие ее колоссальной инерционности и отрыва государства от общества, а «антисистемные» лидеры, подобные Ле Пену, оказались способны лишь извлекать известные дивиденды из процесса распада «голлистского проекта».

**«Правоцентристы» начинают и выигрывают:
Франция накануне президентских выборов 2007 года**

Франция, пережившая немало потрясений в течение последних десятилетий — в числе которых были «студенческая революция» 2006 года в связи с так называемыми новациями в трудовом законодательстве, выступление жителей парижского и других французских «гарлемов» против существующей административно-полицейской системы (а фактически — против французского государства, его правовой системы и пока еще господствующей политической культуры) — снова попыталась найти свой «ответ на вызов истории». И поиски эти активно велись как в правой, так и в правой частях французского политического спектра.

В качестве нестандартных политических решений, призванных обновить как французскую «левую», так и французскую «правую», на взгляд автора, можно было рассматривать выдвижение в 2007 году в качестве основных кандидатов на пост президента Франции таких «не вполне традиционных» для право- и левоцентристского спектров Франции политиков, как Николя Саркози и Сеголен Руайяль. Избитость традиционных политических фигур и идеологем, одновременная радикализация правого и левого электоратов стали тогда серьезным вызовом для всей французской политической системы, грозя окончательным сломом «республиканского консенсуса» и лежащей в его основе идеи «единства французской нации».

Усталость левого электората от «партийно-идеологического догматизма», обусловившая провал на президентских выборах 2002 года тогдашнего социалистического премьера Лионеля Жоспена, даже не вышедшего во второй тур, требовала новых лиц и новых идей. Равно как и постепенное «сползание» на «либерально-попустительские» позиции наследников де Голля и Жискара д'Эстена, ставшее особенно явным в правление Ширака, потребовало обновления в правом лагере.

При этом выдвижение кандидата от правящих ныне «правоцентристов» оказалось весьма проблематичным. Тогдашнего главу МВД Николя Саркози начиная с 2005 года называли самым вероятным претендентом на президентское кресло, но сам политик избегал фальстартов, держал тактическую паузу. И только 14 января 2007 года Союз за народное движение, возглавляемый действующим президентом Жаком Шираком, официально выдвинул главу МВД кандидатом в президенты страны после четырех лет упорной борьбы последнего за лидерство в партии (едва ли не до последнего момента основным претендентом на роль кандидата от «правоцентристов» считалась тогдашняя глава оборонного ведомства страны Мишель Элиот-Мари). Кандидатура «полицейского министра» не случайно долгое время не была

бесспорной в глазах партийной элиты. Саркози, известный своим популизмом, долгое время вызывал раздражение как у президента Жака Ширака, так и у премьер-министра Доминика де Вильпена, что даже породило в партийных верхах неформальное движение «Остановить Сарка» (Сарк — таким было тогда неформальное прозвище г-на Саркози), которому, как утверждали, негласно покровительствовали первые лица правящей партии и государства³⁶. В результате утверждения Саркози в качестве официального претендента на президентский пост, его главный конкурент за лидерство в партии, долгое время являвшийся претендентом на участие в президентских выборах, Николя Дюпон-Эгнан, покинул партию, демонстративно «хлопнув дверью», а депутат Национального собрания Л'Эссонэ обвинил Саркози в намерении «подавить в партии всякие дискуссии»³⁷. Однако политический спрос на «сильные фигуры» от «правоцентристов» в конце концов пришел в соответствие с «политическим предложением», и Саркози официально стал фигурой, призванной консолидировать «правоцентристов». В итоге, для 51-летнего Саркози, прочно связанного в общественном сознании с имиджем «защитника порядка» (для правоцентристских избирателей) и «душителя свободы» (для недовольных статус-кво протестных групп, и, прежде всего, «левого» студенчества и граждан Франции арабского и африканского происхождения)³⁸ главной проблемой тогда стало преодоление раскола в правом лагере.

При этом выдвижение Саркози означало для «правоцентристского» Союза известную смену идеологических «вех». Так, если в 2002 году «правоцентрист» Ширак во втором туре президентских выборов в борьбе с лидером Национального Фронта Ле Пенем выступал едва ли не как защитник «мультикультурализма», то Саркози уже с начала своей кампании заметно сдвинулся «правее» традиционной для «генерации Ширака» политкорректности. Характерным в этом отношении было заявление Саркози по проблеме, которая касается присутствия во Франции мигрантов и их интеграции во французское общество: «Моя Франция открытая и гостеприимная страна, родина прав человека. Это она сделала меня тем, кем я являюсь. Я страстно люблю страну, которая меня родила. Я считаю недопустимым, чтобы кто-то жил во Франции, не уважая и не любя ее, чтобы кто-то жил во Франции, не дав себе труда говорить и писать на французском языке. Чтобы жить во Франции, нужно уважать ценности и права этой республики». Тем самым на пропагандистском уровне отчетливо проявилось стремление вернуться к голлистской идее политического и правового единства Французской

36 Villepin et Sarkozy taisent leurs divergences // LeFigaro. – 2006. - 5 octobre.

37 Nicolas Dupont-Aignan quitte l'UMP // Le Monde. – 2007. - 13 janvier.

38 Dray J. La droite violente française revient au galop // Le Monde. – 2007. - 15 janvier.

республики, от которой все эти годы шираковцы де-факто отходили.

В то же время, было очевидно, что Николя Саркози предстояла сложная предвыборная кампания. Он собирался совершить множество поездок по стране и был готов приступить к этому буквально со следующего дня после официального выдвижения партией. Формально, Саркози, будучи фаворитом в предвыборной гонке, был вынужден первым «бросить перчатку» кандидату от левых Сеголен Руаяль. Включившись в публичную полемику с социалистами, он напомнил им, что Соцпартия не имеет больше в своих рядах фигур, подобных Леону Блюму или Жану Жоресу, и давно оторвалась от нужд трудящихся. В то время как именно «правые» постепенно становились подлинно «общенародной силой» и носителями таких традиционно считавшихся «левыми» ценностей, как «труд, занятость, прогресс»³⁹.

В русле своего уже сложившегося «силового» имиджа, Саркози пообещал избирателям «навести порядок на стадионах» и предложил проект нового закона о полиции, расширяющий ее полномочия по наведению обещанного им «порядка»⁴⁰, высказал собственные соображения о возможности внесения корректив в закон об иммиграции, нацеленных на его разумное ужесточение. Но, вместе с тем, с целью обновления своего имиджа и расширения электоральной поддержки, «правоцентристский» кандидат также затронул в своих выступлениях проблемы образования (пообещав, в частности, предоставить автономии университетам, что призвано ослабить его имидж «душителя свободолюбивого французского студенчества»), обратился к преподавателям высших учебных заведений, обещая улучшить условия труда, поднять заработную плату и повысить социальный статус представителей этой профессии⁴¹, что призвано улучшить его имидж среди французского интеллектуального сообщества.

Конкурент Саркози, Сеголен Руаяль стала кандидатом социалистов на президентских выборах 2007 года с большим запасом времени и с более очевидной поддержкой внутри своей партии. О «феномене Сеголен» говорили задолго до этого — все социологические опросы, проведенные на рубеже 2006–2007 годов, указывали на то, что бывшая министр по защите окружающей среды значительно опережала по популярности своего главного «внутрипартийного» соперника Лорана Фабиуса.

При этом, в отличие от давно «засвеченного» в «большой политике» Саркози, 52-летняя мать четверых детей (рожденных ею от своего гражданского мужа, лидера все той же Социалистической партии Франсуа Олланда), мадам Руайаль ворвалась в политическую жизнь

39 Campagne de Nicolas Sarkozy: un lancement russi? // Le Monde. – 2007. - 15 janvier.

40 Sarkozy promet une nouvelle loi aux policiers // Le Figaro. – 2006. - 16 novembre.

41 Nicolas Sarkozy veut revaloriser le statut des enseignants // Le Monde. – 2007. - 2 février.

Франции, словно метеор. Еще за полгода до выборов ее имя мало кто знал. Однако уже в начале 2007 года она активно претендовала на то, чтобы стать первой в истории своей страны женщиной-президентом.

И для этого существовали определенные основания. «Мадам кандидат» обладала заслуживающим внимания и признания политическим опытом. Она являлась депутатом Национальной Ассамблеи, возглавляет один из французских департаментов — регион Пуату-Шарант, а ранее трижды занимала министерские посты и была советником президента Франсуа Миттерана. Будучи карьерно связанной предшествующей карьерой со знаковой для французских социалистов фигурой Миттерана, она стремится выглядеть наследницей его традиций и опыта⁴².

В целом, политическая карьера Сеголен Руаяль, при известной неординарности ее имиджа, была достаточно традиционной для представительницы Соцпартии. У нее присутствовал практически полный набор «значимых заслуг» — социалистическая партийная принадлежность, постоянные занятия спортом и активный образ жизни. С целью демонстрации эффекта преемственности Руаяль подчеркивала тогда, что имеет со своим мужем Олландом (называвшим ее «королевой, которая временно замещает короля») общую программу⁴³.

Прошедшие «праймериз» показали, что популярность Руаяль среди сторонников социалистов была в начале 2007 года достаточно высокой. «Новое лицо» Соцпартии с энтузиазмом поддерживали самые широкие партийные массы. За нее отдали голоса 64% участников партийного референдума, проведенного тогда социалистами во всех департаментах Франции. Не меньшую роль сыграли личное обаяние (Руаяль вошла в 2007 году в десятку самых красивых людей Франции по версии мужского журнала «FHM») претендентки и хорошо организованная сторонниками кампания в ее поддержку. Когда стало окончательно ясно, что Руаяль будет участвовать в выборах президента, ее рейтинг поднялся до 52 процентов.

Достаточно быстро определились и стратегические установки обоих заявивших о себе претендентов. Саркози стремился дать адекватный ответ на запросы, которые выдвигает умеренно правый электорат: защита республиканских ценностей, конституции и законности, французской политической и культурной идентичности против атакующих их антисистемных элементов и радикалов. Используя имидж «защитника порядка и республики», он имел возможность одновременно апеллировать как к традиционным «правоцентристам», так и к части «правого» электората, поддерживающего Ле Пен и Национальный фронт. Благодаря этому одновременно мог позиционировать себя

42 Chemin A. Segolene Royal Du bon usage de Mitterrand // Le Monde. – 2007. – 9 janvier.

43 Royal et Hollande, le programme commun // Le Monde. – 2007. – 22 janvier.

в качестве противовеса экстремизму как справа, так и слева, что способствовало увеличению его электората. При этом последовательно формировавшийся Саркози имидж «разумно сильного политика» оказался достаточно устойчивым. Предпринятая конкурентами попытка снизить в глазах избирателя Саркози путем распространения блога «Настоящий Саркози», где видный политик посредством искусного телемонтажа был показан в одиозно-зловещем ключе, не принесла им сколько-нибудь значительного успеха⁴⁴ и получила вполне адекватный ответ в лице блогеров «Союза за народное движение», агитпродукт которых был озаглавлен «Саркози и я»⁴⁵.

Характерно, что кампания Руайяль началась с резких атак против своего конкурента, которого она в своем интервью телекомпании TF1 21 января отнесла к тем, кто «обещает сегодня все, но завтра не стремится сдержать ни одного своего обещания», добавив при этом, что Франция не нуждается в лидерах провиденциалистского типа⁴⁶.

При этом ее апелляции к традиционному электорату «левых» были вполне традиционны и предсказуемы. Так, во время своего визита в Гваделупу она сделала знаковое заявление, гласящее, что «именно левые в 2001 году поддержали закон, признавший рабство преступлением против человечества», и именно левые «реализовали в 1981 году на практике социальное равноправие для заморских провинций».

Руайяль стремилась максимально разнообразить формы работы с избирателями. Приняв 1 февраля 2007 года участие в тематических дебатах в Гренобле, посвященных проблемам образования. Так, она поучаствовала в тематическом форуме, посвященном спорту (второй запланирован на конец зимы и будет посвящен проблемам культуры), предпочтя данную форму агитации использованию традиционных комитетов поддержки, которые перестали себя оправдывать.

Выдвинутый мадам Руайяль лозунг «больше политики» призван мобилизовать пассивных до этого сторонников «левой идеи». Идя навстречу недовольным, она предлагала определенный набор умеренно-левых мер, и в том числе обещания приблизить власть к гражданам, перераспределить полномочия между ее различными ветвями, содействовать экономическому росту и принятию более гибкого Трудового кодекса. Однако последние, будучи чуждыми для сдвигающихся вправо и не желающих идти на уступки «правоцентристов», едва ли удовлетворили радикализирующийся левый электорат и протестные

44 Les blogs UMP ripostent dans la guerre des images autour du «Vrai Sarkozy» // Le Monde. – 2007. – 10 janvier.

45 Wakim N. Le congrès de l'UMP a mobilisé la blogosphère politique // Le Monde. – 2007. – 15 janvier.

46 Madame Royal : «La France n'a pas besoin d'un homme providentiel» // Le Monde. – 2007. – 21 janvier.

группы. Еще менее продуманной выглядело обращение Руайяль к значимым для консерваторов «традиционным ценностям», ее призывы «сочетать права семьи с развитием нравов», неприемлемые для «лево-радикалов» и не вызывающие особого доверия в устах «левого кандидата» у «правоцентристов».

Уже первый серьезный зондаж предпочтений французского электората, проведенный изданием «Le Parisien Dimanche/Aujourd'hui en France» и обнародованный 28 января 2007 года показал, что кампания Николя Саркози оценивалась избирателями лучше, нежели компания, проводимая Руайяль. Согласно данным опроса, Саркози лучше вошел тогда в избирательную компанию, в отличие от Руайяль, которая умножала ошибочные шаги, и использовала не вполне убедительные методы агитации. В итоге, 57 % полагали, что компания Саркози более «основательна» и 45 % — что она вызывает большее доверие, нежели кампания, проводимая Руайяль; лишь 25 % опрошенных придерживались противоположной точки зрения. При этом 52 % опрошенных полагали кампанию Саркози более «точной» (против 23 %, оценивших подобным образом кампанию Руайяль), 45 % находили ее «заслуживающей доверия» (31 % полагали таковой кампанию Руайяль), 39 % оценивали программу Саркози как «содержащую новые идеи» (33 % находят их у его соперницы).

Однако при этом кандидат-социалист выглядела «более близкой» к заботам рядовых граждан (мнение 40 % респондентов против 38 % оценивающих сходным образом программные заявления Саркози), и 42 % находили ее «более современной» (при 38 %) у Саркози⁴⁷.

По мнению известного политолога Паскаля Перрино, «послужной список» Саркози в качестве главы МВД воспринимался тогда общественным мнением Франции скорее позитивно. Показатели уровня «беспокойства», связанного с его фигурой, были довольно низки, что создавало ему устойчивый имидж «эффективного министра» — то есть политической фигуры того типа, которая была востребована общественным мнением Франции еще на президентских выборах 2002 года⁴⁸.

В итоге, по утверждению Стефана Розе, директора отдела изучения общественного мнения института CSA, исходя из вторичных предпочтений, можно было заключить следующее: если бы выборы состоялись в конце января, Саркози победил бы во втором туре с 52 % против 48 % у Руайяль (в то время как в первом туре Руайяль уступила бы ему 5 %).

Таким образом, уже промежуточные итоги говорили о незначительном перевесе «правоцентристов» над левыми. Данный результат,

47 Sondage: la campagne de Nicolas Sarkozy jugue meilleure que celle de Segolene Royal // Le Monde. – 2007. - 2 fevrier.

48 Candidature Sarkozy: quelles forces, quelles faiblesses? // Le Monde. – 2007. - 13 janvier.

который мог еще измениться (например, за счет активизации «лево-радикального» и «праворадикального» электората), при любом исходе означал для Франции сохранение — в большей или меньшей степени — идейно-политического раскола. Последний мог быть смягчен лишь в результате консенсуса различных «сегментов» политической элиты уже по итогам выборов, возможность чего подтверждал пример «большой коалиции» в Германии, сложившейся после досрочных парламентских выборов 2005 года. Ибо ни одна из остро стоящих французских проблем в принципе не могла быть решена без такого согласия. И основным тогда являлся «вечный» для Франции вопрос о степени политической зрелости французской элиты и ее готовности к компромиссу, единственно способному укрепить переживающую кризис Пятую республику и ее базовые институты. Однако ответ на него в рамках предвыборной кампании так и не был получен.

Французский «сдвиг вправо» (победа Н. Саркози в первом туре президентских выборов 2007 года)

По итогам первого тура президентских выборов 2007 года во Франции кандидат от правящей партии «Союз за народное движение» Николя Саркози получил 31,11% голосов, а его главный конкурент — представительница оппозиционной Социалистической партии Сеголен Руаяль — 25,84%. Явка в день голосования оказалась рекордной — почти 85%. Это свидетельствовало не только о глубокой вовлеченности большинства французов в текущий политический процесс, но и о желании участвовать в определении судьбы своего отечества на ближайший период истории.

Примечательно, что Саркози уже с начала своей кампании заметно сдвинулся «правее» традиционной для «генерации Ширака» политкорректности. Характерным в этом плане было отношение Саркози к проблеме мигрантов и их интеграции во французское общество, в чем проявилось тогда стремление вернуться к голлистской идее политического и правового единства Французской республики, от которой все эти годы Ширак и его соратники по партии де-факто отходили.

Саркози в конечном итоге удалось то, чего он активно добивался перед первым туром выборов, — он получил расположение избирателей, симпатизирующих крайне правому Жан-Мари Ле Пену. Лидер Национального фронта набрал в первом туре лишь около 11% голосов – Саркози же, напротив, показал наилучший результат, какой когда-либо демонстрировал кандидат от правого «Союза за народное движение» начиная с 1974 года.

Однако не только этим определялась новизна и креативность изби-

рательной кампании экс-главы МВД Франции в 2007 году. Саркози пошел тогда ва-банк, заявив избирателям, что «так дальше жить нельзя», и перечислив конкретные реформы, которые собирался осуществить. В подтверждение обещаний он не без удовольствия для себя критиковал «правоцентристские» правительства недавних времен, в которые и сам входил при своем бывшем политическом «патроне» Жаке Шираке, который ушел с президентского поста в том же 2007 году.

Но главное, все же, заключалось в том, что Саркози уже в первом туре президентских выборов 2007 года удалось дать адекватный ответ на запросы, которые выдвигал умеренно правый электорат: защиту республиканских ценностей, конституции и законности, французской политической и культурной идентичности от все активнее атакующих их антисистемных элементов и радикалов. Используя имидж «защитника порядка и республики», он успешно апеллировал как к традиционным «правоцентристам», так и к части «правого» электората, поддерживающего Ле Пена и Национальный фронт. Благодаря своему гибкому лавированию, он сумел позиционировать себя в качестве противовеса экстремизму как справа, так и слева, что ощутило расширило его электорат.

Выдвинутый тогда же второй фавориткой избирательной компании Сеголен Руайяль лозунг «больше политики» был призван мобилизовать пассивных до этого симпатизантов «левой идеи». Идя навстречу недовольным, она предложила определенный набор умеренно-левых мер, и в том числе обещала «приблизить власть к гражданам», перераспределить полномочия между ее различными ветвями, содействовать экономическому росту и принятию более гибкого Трудового кодекса.

Что касается «гендерного измерения» участия Руайяль в выборах, то поначалу французских избирателей заинтриговала особенность президентской кампании 2007 года, имевшая прямую параллель с американской: Руайяль — первая женщина, которая всерьез претендует на кресло президента Франции. Однако неумелое ведение кампании перед первым туром привело к тому, что новизна фигуры Руайяль потускнела, а лейтмотивом стала не ее половая принадлежность, а способность справиться с ролью президента.

Руайяль, однако, не желала тогда столь же четко высказаться о том, какие экономические реформы были необходимы Франции — если они были необходимы вообще. Не готова оказалась она и к столь резкому разрыву с прошлым. Следует помнить, что она была ближайшей помощницей Франсуа Миттерана, приход которого в Елисейский дворец в 1981 году знаменовал начало длительного периода «идеологической амбивалентности», от которой Франция пыталась освободиться в 2007 году.

Вместе с тем, выборы показали, что именно с Руайяль левый электорат Франции связывал тогда обновление имиджа и самого содержания политики левых сил, потерпевших болезненную неудачу на президентских выборах 2002 года. В любом случае, успех «мадам кандидата», безусловно, означал бы известное политическое возрождение французской Соцпартии, превращающейся в главного «хранителя» и «толкователя» левой идеи на фоне «увядания» других левых партий.

В свою очередь, центристу Франсуа Байру, ставшему одним из главных открытий избирательной кампании, не удалось опередить Руайяль, но результат в 18,5 % (почти в два раза выше показателя 2002 года) можно было назвать исключительным. Однако принципиально важным было то, на чьей стороне окажутся эти голоса. Согласно результатам опроса Ipsos, проведенного после закрытия избирательных участков и представленного на телеканале France2, избиратели «Союза за французскую демократию» разделились бы на две равные части при голосовании за двух претендентов, в то время как голосовавшие за «Национальный фронт» планировали голосовать за Саркози, что должно принести ему победу с примерно 54 % голосов (что в итоге и реализовалось с небольшой «погрешностью»).

При этом из избирательного марафона выбыли остальные 9 кандидатов — представители ультралевых и ультраправых, поэтому именно наследники де Голля и Миттерана будут определять, какими рамками должны ограничиваться перемены во Франции. Заодно противники коснутся личных недостатков и слабостей друг друга.

Наиболее пристального внимания в этом отношении заслуживала неудача лидера Национального фронта Жан-Мари Ле Пена, для которого 10 % на этих выборах фактически означали окончание политической карьеры. И, что было особенно драматичным, Ле Пен был обыгран на его собственном электоральном поле в момент, когда его многолетнее идеологическое кредо оказалось объективно востребовано французским обществом. Весьма умелый «перехват» его лозунгов «силовиком-функционалом» Саркози и (в гораздо меньшей степени и с заметно меньшим успехом) приверженкой «республиканского патриотизма» Руайяль привели «крайне правых» к весьма драматичному поражению, поставившем вопрос об их дальнейшем политическом будущем.

В конечном итоге, несмотря на весьма активное стремление лидера «крайне правых» превратить свою партию в «народную оппозицию» и изменить свой имидж с целью привлечения протестных голосов как «справа», так и «слева», Ле Пена так не удалось в 2007 году выйти за рамки электоральной «ниши», которую отвели ему «системные» политики «правого», «левого» и «центристского» толков, сторонники

весьма условного «лево-правого консенсуса», с большим трудом поддерживающего «на плаву» Пятую республику.

Обобщенно, можно выделить следующие основные черты избирательной кампании 2007 года во Франции:

1. Значительная часть французского общества продемонстрировала в 2007 году свою обеспокоенность проблемами «национальной идентичности» и общих символов нации, причем как в правополитической (апелляция к важным элементам «голлистского наследия» у Саркози), так и в левополитической (обращение к «республиканско-демократической идентичности» у Руаяль) частях электората.

2. Сохранило свое значение разделение идеологического спектра на условно «правый» и условно «левый» его сегменты, с частичным исчерпанием потенциала как «леворадикальной», так и «праворадикальной» идеологией, элементы которых успешно заимствовались и «ассимилировались» соответственно лево- и правополитическими силами.

3. Появление тенденций ко взаимообогащению и частичному «смешению» постулатов «правой» и «левой» идеологий, наблюдавшихся в рамках избирательных кампаний всех основных претендентов на президентское кресло в 2007 году, что оставляло возможности для подобного «идеологического синтеза» в будущем.

4. Формирование во французском обществе значительного запроса на «прагматический центризм» (прежде всего, среди электората Франсуа Байру, основу которого составляют квалифицированные и образованные представители среднего класса страны), приверженцы которого настороженно относились к известной идеологической «одержимости» право- и левополитиков, и потому тяготели к фигуре технократа-центриста.

5. Ни одна из исповедуемых французским «политическим классом» идеологий и программ не содержала комплексного подхода к вопросу о путях и средствах сохранения и модернизации проекта «Пятой республики» и не предлагала политической модели, которая бы могла успешно заменить последнюю.

И кто бы из двух главных фаворитов не одержал в конечном итоге победу, помимо мощной волны энтузиазма и политических надежд среди собственных сторонников, он сталкивался с неприятием у идейных оппонентов и конкурентов в «своей» части политического спектра.

В то же время, кризисы политической системы, политической культуры и идентичности, деградация государственной бюрократии, нарастающие социально-экономические проблемы Франции требовали адекватного и соразмерного ответа от ее «правлящего класса» уже в 2007 году.

Перечисленные кризисы могли быть урегулированы лишь в результате «пакта» различных «сегментов» политической элиты уже по итогам выборов. Ибо ни одна из остро стоящих французских проблем в принципе не могла быть решена без согласия основных элитных групп на выработку общей антикризисной стратегии, без согласованной работы сложного и громоздкого республиканского механизма.

Вопрос тогда стоял о степени политической зрелости французской элиты и ее готовности к подобному компромиссу, единственно способному укрепить либо модернизировать переживающую кризис Пятую республику и ее базовые институты. Однако в 2007 году такой «стратегический пакт» так и не был заключен, что способствовало углублению политического кризиса общенационального масштаба.

Победа Саркози: час выбора для французской элиты

Второй тур президентских выборов во Франции завершил избирательную кампанию, которую в стране многие назвали самой интересной за последние десятилетия.

Как и предполагалось, французские избиратели, выразив незначительное предпочтение Николя Саркози, отказалась сделать новый «шаг влево». Инстинкт «политического самосохранения» подсказал им в 2007 году движение в «умеренно-консервативном» направлении, тогда как «лево-либеральные» рецепты Сеголен Руайяль (пусть даже приправленные «левым патриотизмом»), несмотря на достаточно эффективную форму их подачи, не вызвали доверия у большинства французов.

Однако «правоцентристам» из Союза за народное движение и их кандидату-победителю не стоило обольщаться, поскольку «кредит доверия» был выдан избирателями не партии и не кандидату, а политическим идеям «свободы и порядка», реализовать которые на практике в условиях раскола элиты, когда их левые оппоненты показали свою способность к обновлению и мобилизации, было весьма непросто.

Прошедшие выборы оказались действительно примечательными. По уровню поляризации политических идей и электората кампания напомнила президентские выборы 1981 года. В то же время по масштабам заимствований участниками избирательной гонки чужих лозунгов компания, пожалуй, не имела равных себе в новейшей политической истории Франции.

Выборы подчеркнули жесткое идеологическое «сегментирование» французского электората на «правоцентристов», «праворадикалов», собственно «центристов», «левоцентристов» и «леворадикалов», которое сделало затруднительным плавное перетекание голосов «поддержки» между близкими электоральными «лагерьями».

Еще до окончания второго тура президентских выборов стало ясно, что как традиционные «правые» (Союз за народное движение), так и традиционные «левые» (Соцпартия) подошли к «потолку» своей электоральной поддержки, и никакие пропагандистские приемы уже не способны помочь им укрепить свои позиции. Для этого очевидно требовался пересмотр базовых идеологем и политической стратегии – к чему «большие» партии Франции оказались в 2007 году просто не готовы.

В этом отношении весьма характерной оказалась фигура Франсуа Байру, преуспевшего на выборах и создающего свою собственную партию, намереваясь расширить базу своей поддержки за счет электората «голлистов» и социалистов.

При этом Саркози-победитель неизбежно был вынужден действовать в рамках весьма узкого «окна возможностей», принимая во внимание интересы изначально не поддерживающих его категорий избирателей.

Перед новым обладателем президентского кресла независимо от его «партийной окраски» объективно вставали такие задачи, как обеспечение занятости, повышение уровня жизни французских граждан, социально-профессиональная адаптация молодежи, решение проблем миграции, укрепление государственных и правовых институтов, продолжение процесса евроинтеграции.

При этом традиционные смягчающие «механизмы» Пятой республики (например, возможность сосуществования «правого» президента и «левого» премьера, «перетасовка» президентом Республики фигур глав кабинетов) едва ли могли быть достаточно эффективными в условиях складывающейся политической поляризации и кризиса основных политических институтов Пятой республики.

Попытка проведения «правоцентристским» кандидатом последовательной политики в различных областях общественной жизни неизбежно наталкивалась в этой ситуации на противодействие как внутрипартийной оппозиции (еще незадолго до выборов выступавшей под лозунгом «Остановить Сарка!») и оппозиционных «голлистам» сегментов элиты, так и недовольных им социально-профессиональных групп, причем протест этот мог углубляться и расширяться вплоть до возникновения широкомасштабного кризиса власти, что ранее показали «бунт пригородов» и массовые выступления студенчества против «закона о первом найме» в 2006 году.

Реализация любой последовательной политики в подобных условиях была крайне затруднена, но в то же время отказ Саркози от выполнения заявленных им обещаний стал бы тождественен «политической смерти» его самого и морально-политическому «обвалу» всех, кто его поддерживает.

Тем более, что Саркози вплоть до момента своего избрания не рассматривался как полноценный член «французского политбюро» — в нем скорее видят «парвеню» из эмигрантской среды и «нежеланного наследника» Ширака. В 2007 году он все еще воспринимался многими в качестве «функционала»-силовика, призванного обеспечить «техническое» решение проблемы «обеспечения порядка». Вместе с тем Франция в условиях «блокированного» расколотого общества требовала эффективного публичного политика, способного согласовать и выразить интересы самых разных слоев французского общества.

Было очевидно, что для решения стоящих перед страной проблем Саркози неизбежно придется ревизовать политическое наследие Ширака и Ко, который за годы своего президентства существенно сдвинулся «влево» от традиционного «голлизма», сделав ряд уступок меньшинствам и радикалам, активность которых ослабила фундамент Пятой республики.

Лучшее, что мог сделать в существующей ситуации французский «правоцентристский» истеблишмент — создать своего рода интеллектуальный штаб из видных политиков из правой части спектра в поддержку Саркози, содействующий ему в разработке текущих политических решений и помогающий новому президенту утвердиться в публичной политике.

Возможно, также имело смысл прибегнуть к идее коалиционного правительства, готового вместить в себя не только победивших «голистов», но также «центристов» Франсуа Байру и даже (при определенных условиях) отдельных прагматически настроенных представителей Социалистической партии. Возможностей для создания «технических кабинетов» в 2007 году не существовало, ибо Франция востребовала «правительство прорыва», способное предложить стране ясную и последовательную стратегию во всех областях политики. Однако подобное правительство едва ли могло способным эффективно функционировать без надежного «политического фундамента».

В условиях отсутствия ярких общенациональных лидеров и объединяющих нацию идей французской элите был необходим собственный «пакт Монклоа», поддержанный основными политическими силами (Союз за народное движение, ЮДФ, Соцпартия с присоединением других) страны, касающийся ключевых вопросов политической повестки дня, без которого не удастся провести в жизнь ни одно политическое решение.

Подобный пакт мог бы включать в себя следующие принципиальные позиции:

1. Укрепление национальной идентичности, государственной и правовой системы на основе широкого общественного-политического

диалога и использования механизмов консенсуса.

2. Реформа государственной власти и системы государственного управления (в направлении дальнейшей децентрализации) на базе согласованной платформы с участием основных политических сил страны.

3. Реализация комплексной программы интеграции мигрантов во французское общество при условии лояльности и социальной ответственности последних вкупе с ужесточением государственного контроля за самим процессом миграции.

4. Решение проблем бедности за счет выработки комплексной программы модернизации экономики и системы социального обеспечения.

5. Решение проблем различных социально-профессиональных категорий на базе модели «трипартизма» с одновременным отказом «правых» от «рыночного фундаментализма» и «левых» — от социального популизма.

6. Решение проблем молодежи на основе комплексной программы, учитывающей рекомендации и пожелания основных политических сил страны.

7. Продолжение участия Франции в процессах евроинтеграции без ущерба для национальных интересов и суверенитета, на основе более сбалансированной модели.

Способность к заключению подобного пакта — своеобразный тест для французской политической элиты, которая в течение долгого времени своим политиканством либо имитацией «большой политики» целенаправленно подводила к кризису Пятую республику и ее институты. Час выбора для французской элиты настал.

Однако, как показало будущее, все эти возможности будут с «успехом» упущены Саркози и его сторонниками. Стратегический консенсус как необходимая предпосылка реформ так и не был достигнут.

«Похвальное слово Николя Саркози»: Саркози и русофобы во французском политическом истеблишменте

Значение Николя Саркози с точки зрения «смысловой» и «символической» политики заключалось в том, что последний не был другом России, но заявил себя в качестве оппонента тех, кто является источником европейской русофобии

В этой связи возникал закономерный вопрос, в чем состоят достоинства и достижения политического деятеля, которого в самой Франции считают *parvenu*, человеком, чуждым традициям и изысканному политическому стилю V Республики. «Этот правый, который не любит Францию» — весьма распространенное к моменту его избрания во Франции определение.

Саркози оказался грубоват, неутончен, не обладая изысканным политическим стилем в отличие от того же Ширака. Праздновать победу на президентских выборах он отправился не на Площадь Согласия, а в дорогой парижский ресторан, демонстративно порвав с свойственной французскому политическому истеблишменту привычке играть в демократию.

Он заявил себя либералом-монетаристом à la Тэтчер, что не импонировало многим сторонникам европейской модели социального государства.

Он был настроен слишком проамерикански (вспомним его недавнюю сервильную речь в американском Сенате), что не может нравиться многим. Разрыв с политической традицией «самодостаточной Францией», заложенной великим президентом де Голлем, слишком уж очевиден.

С самого начала недальновидно испортил отношения с Германией из односторонней и излишне амбициозной позиции в деле спасения от смертной казни болгарских медсестер в Ливии, чем снизил ставки и перспективы Франции в процессе евроинтеграции.

В то же время Саркози, порвав с «изящным стилем» эпохи поздней V Республики, совершил попытку вернуться к реальной политике и реальным проблемам, нерешенность которых все дальше заводи́ла в тупик Францию.

Поняв, что изящная стилизация наползающего на страну политического хаоса исчерпала себя, он решительно и даже авантюрно ввязался в бой против «антисистемных элементов», ослабляющих страну.

В качестве министра полиции и далее Президента он активно действовал против либеральных радикалов из числа студенчества, желающих продлить свое блаженно-анархическое состояние до бесконечности за счет государства, не желая при этом отдавать и минимальный долг обществу.

Он направил свою активность против непропорционально укрепившихся за годы «французского социализма» профсоюзов, готовых ради торжества корпоративных интересов вести войну с государством и эксплуатировать массовый социальный инфантилизм, выходя за рамки экономического и просто здравого смысла.

Против уроженцев Магриба и бывшей французской Африки, которые, получив от Франции весь набор благ и социальный статус, не желали платить новообретенной Родине минимальной лояльностью и уважением.

По признанию самого Саркози, последние избрали тактику уличного шантажа, приобретающего все более криминальный и все чаще откровенно террористический оттенок. Ибо выступления в парижских пригородах, случившиеся в 2006 году после действительно трагического инцидента (полицейская машина сбила во время патрулирования двух темнокожих подростков) — не рядовой инцидент. Их инициаторы и участники, не удовлетворившись официальными из-

винениями главы МВД, воспользовавшись благоприятным поводом, попытались в очередной раз проверить французское государство, его политическую и правовую систему на прочность. И, в конце концов, совершили символическое действо — сожгли в одном из пригородов библиотеку. И это, по мнению автора, уже не просто конфликт с государством, но начало наступления на французскую культуру, идентичность, цивилизацию. И ее внутренние враги не остановятся сами, если французское государство само не остановит их при поддержке здорового большинства общества, отдавшего весной этого года свои голоса Саркози как «меньшему из зол».

И, наконец, Саркози выступил против лево- и праволиберальной интеллигенции, в процессе борьбы за «гуманитарные ценности» готовой разрушить «несущие» опоры французского общества и государства.

Против всех этих сил пытался действовать президент Саркози, отказавшись от многолетней политики имитаций и полумер, проводившейся поочередно как подобными Шираку неоголлистами, так и социалистами. Саркози действительно углубил идеологический раскол французского общества, но способствовал выделению и консолидации право-консервативного ядра, стремящегося сохранить традиционную и здоровую Францию. Собственно, он лишь актуализировал давно наметившиеся линии раскола, отбросив миф о Belle France как отживший своё.

И главное — своей политикой Саркози давал хотя и слабый, но шанс для консолидации национально мыслящей, уважающей свои корни и традиции Франции. Франции великих королей, де Голля, «Почетного легиона».

Саркози с самого начала своего президентского срока не был другом России, но объективно противодействовал тем силам, которые генерировали и генерируют нынешнюю французскую русофобию. Последняя давно уже стала «брендом» как для «консервативной» «Фигаро», и для «левой» «Либерасьон». Причем речь в данном случае шла не о критике современных российских реалий, но именно о русофобии, имеющей философско-антропологическую основу, суть которой — в рассмотрении России как «варварской страны».

В этой связи следует учесть, что французские левые (исключая малопопулярных сегодня ФКП и троцкистов) давно не испытывают сколько-нибудь заметных симпатий к России. Да и любили они, собственно говоря, не историческую Россию, а ее некоторый условный «идеологический образ».

В этой связи попытка Саркози вернуться к некоторым «консервативным основаниям» французской политики. Подобная рефлексия

имела шанс оказаться достаточно продуктивной. Возвращаясь к самой себе, Франция постепенно осознала, что только в тесном сотрудничестве с Германией она может стать действительно значимой в Европе. Однако для понимания этих «простых истин» требовалось время.

Тернии модернизации: Франция накануне «реформ Саркози»

Не являются большим откровением утверждения о глубоком сходстве траекторий политического развития России и Франции.

Данная общность распространяется на характер и содержание модернизационного процесса в обеих странах, для которого традиционно были свойственны известная запоздалость, ставка на проведение его силами государства, распространение инноваций из «центра» на «периферию», неравномерность и непоследовательность, а также неизбежно сопровождающий «глубокие реформы» раскол общества.

Именно поэтому, осознавая условность всех возможных сопоставлений, мы можем провести некоторое сравнение между модернизационным проектом, заявленным в 2008 году избранным на пост Президента России Д. Медведевым и преобразованиями, уже реализуемыми во Франции избранным в прошлом году президентом Республики Н. Саркози.

Прежде всего, бросается в глаза амбициозность как российского, так и французского проектов «национальной модернизации».

Так, «План 2020» предполагал, что объем российской экономики к указанному году должен был вырасти в почти четыре раза — до 5 триллионов долларов, вследствие чего Россия должна войти в пятерку крупнейших экономических держав мира по целому ряду важнейших показателей, наравне с Китаем, США, Индией и Японией и выйти на передовые позиции в Европе. Планировалось также в несколько раз увеличить ВВП, значительно повысить производительность труда и эффективность использования природных и финансовых ресурсов вследствие смены нынешнего экспортносырьевого на инновационный.

Согласно инновационному сценарию, к 2020 году доля высокотехнологических отраслей в ВВП должна была вдвое превысить долю нефтегазового сектора, а Россия — стать инновационной державой, одним из лидеров глобальной экономики.

Предполагалось также, к 2020 году ВВП на душу населения должен был вырасти до \$30000, а реальные доходы населения — повыситься на 140 %. Более половины россиян должны были стать «средним классом» и зарабатывать \$1100-1400 в месяц, средняя зарплата вырастет в 2,5 раза до \$1000.

Для этого российская экономика, согласно расчетам, должна были

прибавлять по 6,6 % в год даже на фоне снижения численности трудоспособного населения: с 89,8 млн. в 2007 г. до 77,2 млн. в 2020 году.

В свою очередь, Николя Саркози, баллотируясь в 2007 году на пост президента Республики, одновременно выступил как политический наследник политики Ширака и в то же время — как своего рода «политический мессия», призванный вывести Францию из многолетнего политического и социально-экономического кризиса.

Однако, если в России новая модернизационная стратегия Д. Медведева рассматривалась как естественное продолжение «плана Путина», то формирование идеологии «нового модернизационного курса» во Франции протекает куда более проблемно и неоднозначно.

Так, достаточно спонтанные попытки президента Саркози обновить Францию с помощью серии «прорывных инициатив», среди которых наиболее заметным стали объявление «политики цивилизации», ставка на повышение «покупательной способности», идея «морализации финансового капитализма». Все перечисленное, вкупе с шокировавшими партнеров Франции по ЕС геополитическими инициативами не создавали образа «целостной картины преобразований».

Но наиболее ощутимым шоком для политического и интеллектуальных сообществ Франции стала публикация в конце 2007 года «300 предложений по изменению Франции», представленных как результат долгой и кропотливой работы так называемой «комиссии по стимулированию экономического роста» под руководством известного апологета глобализма («мондиализации») Жака Аттали, которая работала над своим итоговым продуктом в течение шести месяцев, начиная с 30 августа 2007 года.

Представленная ею разработка стала одним из наиболее глубоких аналитических документов, появившихся в течение тридцати лет — начиная с классического труда Малинво-Карре Дюбуа «Экономический рост во Франции» (1972) до знаменитого доклада Мишеля Камдессю в 2004 году.

Для подготовки столь масштабного аналитического доклада давний сторонник президента Митеррана, известный своей приверженностью глобализму Ж. Аттали окружил себя 42 персонами, представлявшими интеллектуальную, политическую и экономическую элиты Франции и Европы, среди которых были президент Французской Ассоциации крупных предприятий Анн Ловержон (Areva), вице-президент Мирового банка испанка Ана Паласио, президент университета миланского Бокони Марио Монти, профессор экономики Гарвардского университета Филипп Ажион, видный британский экономист Теодор Зелдин, журналист «Монд» Эрик Буше и другие видные интеллектуалы.

Подобный широкий круг экспертов из разных областей позволил, по мнению самого Аттали, охватить в аналитическом докладе все ключевые аспекты социальноэкономической и политической жизни современной Франции.

Диагноз для весьма амбициозных французов получился весьма неутешительным⁴⁹.

Так, вводная часть к докладу «комиссии Аттали» признавала значительное отставание Франции от других стран-членов ЕС в деле контроля за публичными расходами, модернизации системы управления и создании современной инфраструктуры.

По мнению авторов доклада, Франция все еще оставалась «обществом привилегий», а публичные расходы в ней выше, чем в любой другой из развитых стран. Французская система образования, по заключению комиссии, давно понизила свое качество и перестала быть эталонной в мировом масштабе.

Вследствие указанных причин, по мнению Аттали и его коллег, французское общество утратило необходимую для современных условий социальную динамику, а годовые темпы экономического роста упали за последние 40 лет с 5 до 1,7 %.

Средний француз, по заключению комиссии, производя в час все еще на 5 % больше, чем средний американец, в течение своей активной жизни в конечном производил на 35 % меньше. Будучи ограниченным в своей деятельности разнообразными корпоративными «перегородками» и бюрократическими нормами, и имея гарантированную государством 35-часовую рабочую неделю в увязке с весомым «социальным пакетом», рядовой француз был явно не склонен к инновациям и мобильности, что приводит к упадку все основные сферы жизни Франции.

Все это, по мнению членов комиссии, требует проведения либеральных реформ, преследующих «восемь амбициозных целей»:

1.Подготовить молодежь к экономике, основанной на современных знаниях и готовности к риску.

2.Стать активным субъектом «мирового экономического роста» и стать «чемпионом» «нового роста».

3.Повысить конкурентноспособность французских предприятий, и прежде всего предприятий высокотехнологичного сектора.

4.Построить общество «полной занятости».

5.Отказаться от психологии рантье, уменьшить привилегии и всемерно способствовать повышению общественной мобильности.

6.Создать новую систему государственной и общественной безопасности в условиях нарастающих угроз.

⁴⁹ Le rapport Attali veut accélérer la mutation de la France // Le Monde. — 2008. — 21 janvier.

7. Создать качественно новую систему управления, всемерно способствующую целям роста.

8. Не жертвовать интересами будущих поколений ради поддержания современного уровня благосостояния.

Будучи либеральным по своей сути документом, доклад комиссии Аттали заимствовал ряд положений из идейной платформы и политической практики скандинавской социал-демократии - как, например, создание агентств по оказанию публичных услуг (из опыта Швеции) или использование практики персональных вознаграждения потенциального работника на период поиска «рабочего места» (из датского опыта).

Наряду с этим, предвосхищая неизбежно жесткий характер трансформации существующей во Франции системы «государственного социализма», комиссия Аттали делала ряд «реверансов» в сторону слоев, являющихся жертвами «современного консерватизма» и «наиболее нуждающихся в росте» — малоимущих, безработных, молодежь, всех бедных и исключенных из рынка труда, и в более широкой перспективе — французский «средний класс», живущий сегодня только на свои «трудовые доходы».

При этом, обращаясь к французским властям как к потенциальным заказчикам вышеописанной программы, члены комиссии Аттали заранее оговаривали, что представленная ими разработка не представляет собой «ни простой перечень мер, часть которых правительство могло бы использовать в своей деятельности, ни конкурс оригинальных идей, обреченных остаться на периферии политики» - но, напротив, являет собой «взаимосвязанный ансамбль, где каждая часть артикулирована с другой, и каждый элемент имеет ключевое значение для успеха всего предприятия».

Квинтэссенцией программных разработок Аттали и коллег являлись следующие «знаковые» предложения:

- уменьшение стоимости труда;
- открытие для механизмов рыночной конкуренции прежде закрытых профессий;
- налогообложение части расходов, направляемых на социальные цели;
- снижение публичных расходов со снижением финансового участия государства;
- уменьшение финансирования публичных коллективов.

Среди других более частных мер пристальное внимание на себя обращали такие инициативы комиссии, как

- переоценка знаний учеников с учетом факторов рынка и глобализации;

- новые формы контроля уровня подготовки преподавателей учебных заведений;
- упразднение «школьной карты» (что позволит родителям учащихся «свободно выбрать место обучения для ребенка»);
- введение новых механизмов аттестации университетов;
- развитие частного сектора в образовании;
- новый порядок аттестации публичных служб;
- упразднение коммерческих судов и ниш в налоговом законодательстве.

Французская система «государственного социализма» и «публично-корпоративная модель» до этого момента ни разу не сталкивались с таким мощным идеологическим и политическим вызовами. Ибо никогда за весь указанный период времени французское общество не востребовало так явно умеренно-консервативную программу, и никогда еще не были так слабы в идейном и политическом смысле ее главные оппоненты — французские социалисты.

Однако как мощные традиции «левого мышления», так и глубокие «укорененность» и инерционность французских политической и социально-экономической систем создавали ощутимые препятствия для реализации столь глубоких и масштабных преобразований.

Отнюдь не случайно, что предложения комиссии Аттали были обнародованы в тот момент, когда во Франции достаточно явно проявились сомнения в эффективности первой части мер правительства, направленных на перевод на рыночные «рельсы» системы образования и сокращение числа занятых в публичных службах, а президент Саркози захотел как можно быстрее перейти к осуществлению второй фазы преобразований, для чего ему было необходимо мощное «идеологическое обеспечение».

Тем более, что уже целый ряд мер, предпринятых правительством Фийона вполне выдержаны в духе экономического либерализма «а ля Аттали» и означают фактический конец существующей модели «французского социализма». Среди них:

- либерализация системы распределения;
- дерегулирование экономической деятельности муниципалитетов;
- перевод на «рыночные рельсы» системы образования (законодательство об университетской автономии, фактически лишаящее университеты финансовой опеки государства, а их преподавателей — статуса государственных служащих);
- запланированное сокращение публичных расходов.

Вместе с тем, реализация ряда других мер, заложенных в программе комиссии Аттали, неизбежно ставила избранного в 2007 году Сар-

кози перед неизбежностью политического противодействия со стороны различных групп общества.

В числе этих «небесспорных» положений — тезисы Аттали и его коллег о необходимости демонтажа французской модели корпоративизма, упразднении департаментов и **облегчении процесса иммиграции во Францию** (при уже существующих в этой сфере проблемах).

В конечном счете, итоговый выбор курса и судьба программных наработок Аттали и его коллег оставались в руках французских президента и правительства, которые могли использовать программу Аттали не только и не столько как «руководство к действию», сколько как идеологическое прикрытие реализуемых мер.

В этой связи возникал вопрос о том, были ли готовы ли французское общество и французская политическая элита воспринять модернизационные импульсы, и осуществить весьма амбициозные, но при этом и весьма болезненные реформы? И какие условия, по мнению автора, были необходимы для этого в 2007-2008 годах?

Во-первых, высокий уровень эффективности государства как ключевого инструмента проводимых преобразований

Во-вторых, консолидация элиты как «авангардного» политического класса, способного стать генератором реформ.

В-третьих, высокий уровень консолидации нации на ценностно-идеологической основе, что будет обеспечивать проводимость реализуемых автором политических и социальноэкономических инноваций.

В-четвертых, наличие у власти действительно масштабного плана преобразований, затрагивающего все основные сферы жизни общества, и главное — отвечающего насущным социальным интересам самых разных слоев и пользующегося поддержкой общества.

На взгляд автора, все вышеназванные условия как таковые отсутствовали во Франции к моменту избрания Николя Саркози президентом Республики.

Так, кризис государства и в целом политической системы Пятой республики, построенной на принципах «неделимой республики» и «административного централизма», к 2007 году проявился публично и достаточно явно. Наряду с этим, раскол правящей элиты был очевиден как по идеологической линии «правые-левые», так и внутри самой «партии Саркози». Помимо этого, к моменту избрания Саркози Франция переживала острейший со времен де Голля кризис общенациональной политической идентичности, связанной не только с противостоянием, но и с исчерпанностью традиционных версий «правой» и «левой» идеологий.

В итоге политическое «торжество» «правых» в 2007 году вкупе с их

твердым намерением в корне изменить сам образ жизни страны было чревато расколами, по сравнению с которыми выступления студенчества и жителей парижских пригородов в 2006 году могли показаться легким «политическим тестом» перед основными «социальными битвами».

Таким образом, к началу 2008 года Франция, как и Россия, имела масштабные и амбициозные планы развития на обозримый политический период. В то же время реалистичность французских проектов и их реализуемость как таковая оставались под большим вопросом - в силу непроработанности либо практического отсутствия механизмов их реализации, а также в связи с отсутствием у элиты страны ясного образа будущего.

Таким образом, анализ политической ситуации во Франции накануне модернизационного рывка, от которого зависела судьба французского государства и нации, показал, насколько были трудны реформы в условиях «неконсолидированного» характера элиты и глубокого идеологического раскола в обществе, где сложилась устойчивая традиция инициированных «сверху» преобразований.

Наконец, анализ французского опыта неизбежно ставил под сомнение саму возможность последовательной реализации либеральной стратегии в странах, имеющих глубокие государственнические и «левые» политические традиции.

Так или иначе, Франция в период президентства Саркози пыталась осуществить масштабную политическую и социально-экономическую модернизацию, предоставив российским политикам и реформаторам богатую почву для размышлений.

Французский опыт преобразований еще раз напомнил, что итоговые решения относительно перспективной стратегии модернизации должны приниматься исходя из национальной политической традиции. Ибо процесс национальной модернизации, как известно, всегда уникален по своему содержанию и не допускает механического заимствования чужого опыта.

Франция-2012: президентские выборы, терроризм и торжество «общества спектакля»

Французские граждане, неизменно чутко прислушивающиеся и привыкшие доверять своим СМИ, незадолго до президентских выборов 2012 года в очередной раз получили подтверждение того, что живут в «обществе спектакля». Причем в его наиболее циничной постмодернистской разновидности, отставляющей мало надежд на преодоление «информационного морока», организованного властью и ангажированными ею масс-медиа.

«Общество спектакля» (фр. *La Société du spectacle*) — книга, написанная политическим философом Ги Дебором в 1967 году и посвященная анализу современного западного общества с леворадикальных позиций. Суть «мутаций» общественного сознания, вызванных т.н. «обществом спектакля», Ги Дебор определяет как утрату непосредственности: «всё, что раньше переживалось непосредственно, отныне оттеснено в представление». Термин «спектакль», таким образом, означает «самостоятельное движение неживого» или «общественные отношения, опосредованные образами». Ключевую роль в становлении общества спектакля играют СМИ, представляющие собой новшество, которое «обернулось настоящим Троянским конём» и сформировало подлинную «реальность кошмара».

Сообщения французских СМИ о терактах, совершенных весной 2012 года в Тулузе и Монтобана, снова погрузили французов в «пространство кошмара» и сделали невольными актерами в развивающемся спектакле «театра абсурда». Настолько ирреальными и разрушающими здравый смысл (вполне в духе постмодернистской «деструкции смысла») выглядела сама логика известий, приходящих с новостной ленты.

Напомним, что чуть более недели назад неизвестный (позднее успешно идентифицированный как Мохамед Мера) устроил стрельбу рядом с одним из еврейских учебных заведений во французском городе Тулуза. Неизвестный мужчина подъехал на мотоллоллере ко входу в колледж перед началом занятий, где учатся около 200 детей, открыл стрельбу и скрылся. В результате погибли четыре человека, трое из них — дети. Стало известно, что убийца использовал оружие того же калибра, что и при убийстве военнослужащих. Ранее 11 и 15 марта он же на мотоллоллере застрелил военнослужащего в штатском в Тулузе и двоих военных в форме в городе Монтобан.

Убийца из Тулузы оказался молодым человеком 24 лет, гражданином Франции алжирского происхождения, он заявил о себе как о члене Аль-Каиды. Он совершил семь убийств в Тулузе и Монтобана (военнослужащие и еврейская школа). Он несколько раз был в Афганистане и Пакистане. Однако куда более значимыми являлись версии причин произошедшего.

Известный блоггер и афро-французский политический эксперт А. Жюль следующую версию в этом отношении: «Это либо расистские преступления, либо сведение счетов. Расизм может заключаться в том, что белые, под влиянием определенной тошнотворной политической пропаганды, перешли к делу. Но это может быть и сведением счетов, например, мстью за убитых талибов или афганцев, потому что не

только талибы жгуче ненавидят Запад, но и все афганцы, и недавнее убийство там военнослужащих НАТО это доказывает».

Так или иначе, первой реакцией официальных французских СМИ, «измученных необходимостью» соблюдать известные стандарты политкорректности, стали глубокие прострации и шок. Традиционно, при таких тяжелых обстоятельствах пресса никогда не стесняется раскрыть национальность погибших. Однако на этот раз последовало полное молчание. Все четыре убитых солдата были иностранного происхождения, как это принято говорить во Франции (трое – выходцы из Марокко, четвертый – с Антильских островов). Но, в то же время, убийца на мотороллере сам являлся представителем французов арабского происхождения и мусульманского вероисповедания. Когнитивный диссонанс был в данном случае очевиден. Столкнувшись с серией «резонансных убийств», французская пресса некоторое время отказывалась от содержательных комментариев произошедшего.

Примечательно также, что сами убийства, совершенные Мера, сопровождалась определенного рода «демонстрационными эффектами», призванными усилить «шоковый эффект» от происходящего. 15 марта в Монтобане после расстрела военных убийца уехал с криком «Аллах Акбар!». Впоследствии обнаружилось, что Мера делал видеозаписи совершаемых им убийств, сопровождая их для усиления эффекта своеобразными «боевыми песнопениями».

Как сообщил позднее прокурор Парижа Франсуа Моленс, «Тулузский стрелок», убитый накануне в результате штурма его квартиры снимал на видео все три совершенных им расстрела военных и детей в Тулузе и Монтобане и выкладывал их в Интернете. По словам Моленса, преступник размещал все снятое на камеру в Сети. Параллельно выяснилось, что Мера закреплял камеру на себе и снимал на нее все убийства, за которые взял на себя ответственность. 11 марта на встрече с продавцом мотоцикла он застрелил его двумя пулями, сказав при этом: «Ты убиваешь моих братьев, я убью тебя».

Еще более ирреальной и иррациональной выглядела полицейская операция по обезвреживанию террориста. Согласно данным французских СМИ, провести операцию изначально было решено в 23 часа. Украденный скутер помог полиции выйти на след Мера, который после всего совершенного им не бежал, но продолжал находиться в своем доме в Тулузе.

Молодой человек открыл огонь по полиции, которая пыталась арестовать его дома. Переговоры еще не закончились. Его мать также находилась рядом, чтобы попытаться склонить его к сдаче, однако уговоры ни к чему не привели.

Мухаммед Мера, согласно официальной версии, был застрелен, когда выпрыгнул из окна квартиры при попытке бегства. Об этом сообщил глава Министерства внутренних дел Франции Клод Геан. В итоге ощущение «инсценированности» всего происходящего осталось у многих французских (и не только французских) телезрителей.

Факты о личности Мера и его отношениях с системой государственной безопасности, выяснившиеся позднее, подчеркнули абсурд всего происходящего. Как выяснилось, задолго до совершенного им он являлся «объектом внимания» французских специальных служб и, если верить сообщениям CNN, в течение нескольких лет значился в «красных» списках французской разведки. В 2010 году за свою «специфическую активность» он был задержан в Афганистане и интернирован во Францию.

Однако уже спустя год, в августе 2011-го, Мера снова отправился в район Вазиристана (малодоступная территория между Пакистаном и Афганистаном, известная в числе прочего тем, что там находятся тренировочные лагеря Аль-Каиды). По возвращении домой в ноябре того же года он подвергся допросу в одной из французских служб безопасности о цели его визита на Средний Восток. Удивительно, но Мохамед Мера смог убедить сотрудников, что он ездил за границу в качестве «туриста», и даже продемонстрировал им фотографии, сделанные во время поездки.

Еще более примечательно то, что Мохамед Мера достаточно давно был известен полиции своим неадекватным поведением. Так, два года назад будущий убийца насильно удерживал в своей квартире 15-летнего мальчика и заставлял его смотреть видео, на которых члены группировки «Аль-Каида» обезглавливали людей. Когда мать мальчика попыталась забрать своего сына, Мера ударил ее так сильно, что ей пришлось лечь в больницу. Женщина подала заявление в полицию, но там на него не отреагировали. Любящий публичные эффекты террорист еще не раз проходил мимо дома женщины и мальчика с криками «Я - «Аль-Каида»!».

Вместе с тем, нежелание Мера «дружить с законом» за последние годы приобрело откровенно навязчивый характер. За последние годы Мера не раз привлекался за административные правонарушения и даже заработал несколько тюремных сроков. Стало известно, что убийца в течение некоторого времени находился в списке людей, которые не могут пересекать на самолете границы США. Официальные лица объяснили, что Мера стал невъездным, как человек, представляющий потенциальную угрозу авиации.

Вдобавок к этому, Мера и его старший брат Абделькадер были хорошо известны полиции в связи с участием в группе салафитов в Тулузе.

А в 2007 году разведка Франции предупредила своих коллег в Испании о том, что Мера собирается туда лететь. В результате обнародования этих данных остается твердое впечатление об «игре с отложенным эффектом», которую в непонятных до конца целях вели структуры, отвечающие за безопасность французского государства и его граждан.

Поэтому, как только стали известны новые детали о личности убийцы, общественность задалась вопросом, можно ли было предотвратить убийство семерых человек в Тулузе и Монтанбана, раз за ним давно следила разведка, и почему спецслужбы не обратили внимания на то количество оружия, которое он покупал за последнее время.

При этом объяснения причин произошедшего представителями официальных французских властей выглядели еще более шокирующими и лишь подчеркивали абсурдность всего происходящего.

Так, за французскую разведку и службу по предотвращению терактов, считающиеся одними из лучших в Европе, сразу же вступился глава МВД Франции Клод Геан. «Разведка следит за многими людьми, вовлеченными в исламистский радикализм. Но выражение радикальных идей и идеологии салафитов недостаточно, чтобы за это привлечь к ответственности», — заявил он.

Коллегу поддержал и глава французского МИДа Ален Жюппе. «Я понимаю, что возникает вопрос, это ошибка спецслужб или нет. Я пока не знаю, было ли это недостатком их работы, но мы должны выяснить это», — сказал министр.

Как выяснилось в итоге, при очевидном обилии «компрометирующих материалов» и реальных поводов у французской полиции не было «оснований» для задержания исламского экстремиста Мохаммеда Мера до того, как он совершил серию убийств в марте 2012 года. Об этом сообщило Agence France-Presse со ссылкой на заявление премьер-министра Франции Франсуа Фийона в эфире одной из местных радиостанций.

Завершил «круг» этих странных высказываний тогдашний Президент Республики Николя Саркози, который признал, что изначально заданная цель операции в Тулузе не достигнута, поскольку цель была взять террориста Мохамеда Мера живым. Кроме того, он заявил, что между погибшим французским алжирцем с его мотивами и мусульманской общиной Франции нет ничего общего (что выглядит по меньшей мере спорно для большинства французов). Таким образом, были публично подтверждены слабость и недееспособность французского государства в деле борьбы с терроризмом.

Одновременно, усиливая впечатление абсурдности всего происходящего, Саркози решил занять преследованием террористов в Интернете, пригрозив посетителям «экстремистских сайтов» уголовным пресле-

дованием. «Любой, кто будет регулярно посещать сайты о терроризме, ненависти или жестокости, окажется за решеткой», — сказал Саркози. Одновременно Саркози уточнил, что речь будет идти об уголовном преследовании. Таким образом, решено лечить не причины тяжелой общественной болезни, но ее некоторые «поверхностные» симптомы.

Затем, следуя этой абсурдной логике, Администрация социальной сети Facebook удовлетворила требование министерства внутренних дел Франции и закрыла одну из страниц на своем ресурсе, которая была посвящена «тулузскому стрелку» и называлась «Почтение Мохаммеду Мера». Страница была создана вскоре после сообщений СМИ о ликвидации террориста полицией.

Характерно, что в спектакле «театра абсурда» пожелал поучаствовать и главный конкурент Саркози на президентских выборах Франсуа Олланд, потребовав вскрыть ошибки в деле «тулузского стрелка», допущенные спецслужбами, что выглядело своеобразным «подыгрывшем» Саркози, бравирующему сегодня образом «крутого силовика» и лозунгом о «сильной Франции». «Франция должна быть беспощадной» — заявил по этому поводу Олланд, едва ли не дословно воспроизводя риторику своего главного конкурента.

В связи с произошедшими событиями, а равно и в связи с весьма специфическим их освещением официальными СМИ и еще более «странной» реакцией на них французских властей, возникают весьма «нелицеприятные» вопросы. Кому и зачем нужно формировать этот многомерный когнитивный диссонанс, подчеркивающий слабость французского государства перед лицом «исламского терроризма» и одновременно навязывающей Саркози французам как «единственно возможного спасителя»

Как это не цинично звучит, трагические события оказались непосредственно увязанными с логикой электоральной борьбы во Франции. И прежде всего — с кампанией ныне действующего президента Николя Саркози.

Вследствие неоднозначных результатов инициированных им реформ и изменений в политическом курсе страны, Саркози оказался в глубоком кризисе, столкнувшись с сопротивлением общественного мнения Франции. С тем, что принято сегодня называть «гражданским обществом» и «публичной сферой».

Это сопротивление опустило его рейтинг до критической отметки, и поправить его не удалось не активно начатыми реформами «во имя роста и развития» (программа модернизации «от Саркози» реализовалась в усеченном виде)

Дискуссия о «французской идентичности» и ее новом «содержа-

тельном наполнении» оказалась бесплодной. Консолидация с отсылкой к «традициям голлизма» также потерпела неудачу.

«Сильная Франция», сотворение которой началось посредством возвращения в военную структуру НАТО, оказалась на деле фантомом, проект «Средиземноморского союза» – политическим блефом. Наведение порядка «полицейскими мерами» не принесло ожидаемых эффектов, ибо французская «мультикультурная улица» не спешила поддаваться давлению власти.

Военная авантюра 2011 года в Ливии не принесла ожидаемых дивидендов, но лишь усугубила «миграционную проблему» благодаря новым потокам мигрантов.

Благодаря произошедшим событиям (кто бы не являлся их подлинным «инициатором») и весьма специфической реакции на них французских властей французскому обществу посылается мессидж – «мультикультурализм» закончился, прежний политический консенсус окончательно «треснул», и единственным гарантом относительного порядка в этих условиях может быть только «сильный и решительный президент» (в предвыборной ситуации именно так позиционировал себя Николя Саркози, а его конкурент Франсуа Олланд стремился не отстать от конкурента).

Так или иначе, благодаря терактам и «странной» реакции на них властей общественному мнению активно внушалась мысль о том, что Франции именно сегодня необходим сильный лидер, готовый и обязанный осуществить «чрезвычайные меры», когда традиционные политические и «силовые» механизмы уже не работают должным образом (и будут функционировать «еще хуже»).

Таким образом, смысл «политического спектакля», устроенного сегодня представителями французского истеблишмента – создать в общественном сознании ощущение «чрезвычайной ситуации», которая бы «взламывала» традиционные французские политические ценности и стереотипы, и прежде всего приверженность «мультикультурализму», чтобы сохраниться на волне чрезвычайных настроений у власти (активно эксплуатируя антимигрантскую риторику). «Сильная Франция» обернулась на деле Францией «чрезвычайного положения», позволяющей политической элите манипулировать обществом в своих интересах. Сложно прогнозировать в этой связи, насколько глубокими окажутся кризис и возможные «трансформации» французской политической системы. Однако в случае выбора «стратегии чрезвычайных мер» Франция рискует надолго «провалиться» в политическое безвременье, сопровождаемое распадом «традиционного политикума» и превращением «блокированного общества» во «фрагментированное» – продолжив тем самым драматический путь к «потере самой себя».

Президентские выборы-2012 во Франции:

«тупик альтернатив»

Первый тур президентских выборов во Франции состоялся 22 апреля 2012 года. Итоговый результат в целом соответствует ожиданиям. Задолго до этого многочисленные аналитики предсказывали, что явного фаворита в этой президентской гонке нет и итогового победителя определит только второй тур. Как и показывали предвыборные опросы, лидером первого тура с небольшим отрывом стал кандидат от социалистов Франсуа Олланд, набрав 28,61 % голосов. Немного отстал от него и уверенно прошедший во второй тур Николя Саркози с 27,8 % проголосовавших. Таким образом, предвыборная ситуация по ряду параметров схожа с той, что была пять лет назад. «Крайне правые» снова выступили в роли своеобразного «спин-доктора» партии власти, а «крайне левые» - для социалистов.

Вместе с тем, обнаружились и определенные внешние отличия. В 2007 году основная борьба шла между находившемся на гребне популярности «силовик» Саркози и новое «гламурное лицо» Социалистической партии С. Руайяль (ныне – «выдающийся партийный бюрократ» Ф. Олланд. И если в 2007 году «катализатором» на левом фланге был троцкист О. Безансено, то ныне в этой роли выступил не менее радикальный А. Меланшон.

Формально, выбор у французского избирателя был велик, и е сводился к соревнованию между кандидатами от «умеренно правых» и Социалистической партии. Однако оставался традиционный вопрос о его «качестве».

На правом фланге вызов Николя Саркози бросила лидер «Национального фронта» Марин Ле Пен. Эти выборы стали для нового лидера «крайне правых» определенным прорывом – она набрала 18,06%, побив рекорд своего отца Жан-Мари Ле Пена. Этот результат подтверждает растущую популярность Фронта и позволяет «фронтистам» надеяться на преодоление своего маргинального статуса в рамках французского политикума. Показательна на этом фоне неудача куда менее популярного политика, пытавшегося конкурировать с Саркози на поле «системной правой»: результат лидера движения «Вставай, республика» Николя Дюпон-Эньяна оказался в пределах «статистической погрешности».

В свою очередь, конкурентами социалиста Франсуа Олланда на «левом фланге» выступили лидер «Левого фронта» Жан-Люк Меланшон, привлекий к себе внимание некоторой части «традиционно» левого электората обещаниями национализировать крупные энергетические предприятия, вывести страну из НАТО и из Лиссабонского договора. Это принесло определенный электоральный результат,

но не позволило бросить вызов традиционным фаворитам: вопреки первоначальным «авансам», Меланшон добился результата в 11,1%, что заметно хуже результата его «идеологического антипода» Марин Ле Пен. Левые идеалы также пытались отстаивать участвовавшие в первом туре лидер партии «Европа Экология — Зеленые» Ева Жоли (2,27%) и лидер крайне левой «Новой антикапиталистической партии» и поклонник идей Парижской Коммуны автомеханик Филипп Путу (1,15%). Выделявшаяся среди «леворадикалов» председатель троцкистской коммунистической партии «Рабочая борьба» Натали Арто, позиционировавшая себя в качестве единственного кандидата-коммуниста и предрекавшая «новую революцию труда против капитала» с последующим построением «бесклассового общества», не смогла добиться и такого скромного результата. Таким образом, французские «внесистемные левые» так и не смогли избавиться от имиджа «политических маргиналов», оставшись «таскателями каштанов» для более respectable кандидата от Соцпартии.

Позиции в «центре» политического спектра представляли председатель «Демократического движения» (MoDem) Франсуа Байру, вошедший в тройку лидеров на выборах 2007 года. Байру добился достойного для себя результата, (9,11%), но финишировал на этот раз лишь пятым, продемонстрировав ограниченность политических возможностей «центра» в условиях «поляризации» и радикализации французского электората.

И совсем не преуспел на этом фоне мало известный публике основатель партии «Солидарность и прогресс» Жак Шеминад, больше прославившийся благодаря своими масштабными планами по освоению космоса. Со свойственной ему настойчивостью Шеминад составил и активно продвигал программу под названием «Мир без Сити и Уолл-Стрит», которая, однако, не нашла поддержки и понимания скольконибудь значительного числа французских избирателей.

«Политическая поляризация» французского общества достигла степени, когда активно вымывались все «альтернативные» и «внесистемные» кандидаты с обоих идеологических «флангов», что до известной степени облегчило мобилизацию голосов инкубентом Саркози и кандидатом от социалистов Олландом.

При этом тенденции опросов относительно итогов решающего тура оказались для Саркози неутешительными — все без исключения опросы предрекают победу Олланда с результатом 53–57%. Политический обозреватель канала BFMTV О. Мазроль прокомментировал соотношение сил перед вторым туром следующим образом: «Возможно, так все и закончится. Есть множество политических причин, кото-

рые позволяют говорить, что у Олланда есть шансы на победу. Сейчас кризис, Саркози может расплатиться, как и все, кто правил во время кризиса. Необязательно смотреть на опросы, чтобы понять: французы могут выбрать противоположный лагерь».

В этой связи характерно, что за Олланда, согласно прогнозам, должны были голосовать не только идейные сторонники социалистов, но и просто противники второго президентского срока Саркози, не принимающие его политику. Правда, пока еще есть резерв в виде неопределившихся - которых как обычно, немало - чуть ли не 30 процентов электората. Однако неясно, кто из них пойдет на выборы, а главное то, что в своих предпочтениях они колеблются примерно в тех же пропорциях, что и определившиеся.

При всей сохраняющейся «электоральной неопределенности» в преддверии второго решающего тура президентских выборов можно было зафиксировать один вполне определенный результат «электоральных баталий». Проходящие выборы практически не изменили качество французской политики. Франция продолжала и продолжает жить в эпохе «постголлизма», и пока не может добиться политической консолидации, минимально необходимого для преодоления политического кризиса.

Практически все основные участвовавшие и участвующие в президентских выборах кандидаты символизировали «линии разлома», существующие во французском обществе: «правые» - «левые», «традиционные» французские ценности - мультикультурализм, «труд-капитал» (в постмодернистской интерпретации), экономическая эффективность - социальная справедливость, модернизация - сохранение социальной стабильности.

Перечисленные особенности предопределили стратегии основных участников «избирательной гонки». Саркози пытался с помощью право-популистских приемов встать над «линией разломов», но не преуспел в этом, так не сумев консолидировать вокруг себя условное «консервативное большинство». Действующий глава государства призвал тогда своих сторонников мобилизоваться и выбрать «сильную Францию». В то же время, его стремление сделать Францию «сильной» в последнее время все чаще принимало у Саркози форму «чрезвычайных мер» (например, в виде обещания временно выйти из Шенгенских соглашений ради «ограничения» «миграционного потока»), либо даже «маленькой победоносной войны» (что имело место в Ливии). На фоне глубоких политического и экономического кризисов, а равно и масштабных «вызовов извне» Саркози стремился предстать в роли «защитника нации», оберегающего ее от новых потрясений и стремящегося несмотря ни на что двигать страну вперед: «Настал решающий

момент, момент сопоставления идей и выбора личностей. Предстоит определить, кто будет нести ответственность за нашу страну и защищать французов в течение ближайших пяти лет», — заявил Саркози на последнем митинге своих сторонников в Париже.

Саркози выражал интересы французского сегмента «корпоратократии», заинтересованного в модернизации и повышении международного «веса» Франции и собственных позиций в международной политике. Реализуя эти планы, он неизбежно столкнулся с сопротивлением «левой Франции», заряженной антиэтатистки, привыкшей к социальному патернализму и не желающих реформ. По словам Саркози, он понимал при этом «социальные страхи», связанные с вопросами защиты национальных границ, привлечения иностранной рабочей силы, стоимости труда, проблемами иммиграции и безопасности. В результате относительное большинство эмансипированного и политически активного французского социума так и не согласилось с подобной «политической опекой», что и подтвердили итоговые результаты президентских выборов.

Главный соперник Саркози Олланд, стремившийся на основе «левого популизма» и пропаганды социалистического мультикультурализма расширить электорат Соцпартии, пообещал проводить в случае победы традиционную «левую политику». Кандидат социалистов - классический западноевропейский «розовый», стремящийся «канализировать» широко распространившиеся во французском обществе чувства недовольства и неуверенности. Олланд представил избирателям масштабную программу, предполагающую «коренные изменения», пообещав «восстановить нашу страну, обуздать финансы, вернуть экономический рост и рабочие места, способствовать продвижению ценностей республики и подготовить переход к другому типу энергетики».

Первый и крайне важный элемент его программы - перераспределение налогов. Последнее означало введение 75% налога на доходы, превышающие миллион евро в год, и вслед за ним – неизбежное бегство капиталов из страны.

Сегодня практически общепризнано, что для современной Франции являются слишком низкие темпы модернизации и внедрения инновационных моделей и технологий. И неслучайно, что именно Олланд подчеркивал во время своей кампании необходимость стимулирования экономического роста, а не строгих мер экономии для решения финансовых проблем страны (при этом до конца так и неясно, как можно решить первую названную проблему, не оптимизируя состояние финансов и инвестиционного климата в стране). Следуя заявленной им логике, Олланд критиковал жесткую монетарную политику

Саркози, которая снижала покупательную способность граждан, тем самым подвигая к стагнации французскую экономику. Однако у лидера социалистов так и не обнаружилось ответа на вопрос о том, будет ли способствовать обеспечению экономического роста инфляционное стимулирование потребительского спроса, которого не боятся французские социалисты. Тем более, что сам Олланд отдавал себе отчет в том, что жесткие финансовые меры на данном этапе неизбежны - однако выход видел именно в модернизации французской промышленности, а не в дальнейшем ужесточении монетарного курса. Однако проводить активную промышленную политику вкупе с сохранением государственного патернализма, как показывал опыт многих переживающих кризисные явления стран, едва ли представляется возможным.

Второй «базовый элемент» программы Олланда - реформа образования. Французское образование уже давно вызывает не просто нарекания, а крайнюю обеспокоенность и общества, и власти, и бизнеса. Дефицит специалистов и «утечка мозгов» за океан становятся все более острой проблемой для страны. Реформа образования, согласно Олланду, должна начаться с существенного повышения заработной платы школьных учителей плюс в не менее масштабное наращивание их численности - на 60 тысяч человек. При этом вопрос об изменении «качественных параметров» французской системы образования остается у Олланда открытым.

Третий компонентом программы кандидата от Социалистической партии был внешнеполитический. Олланд выражает твердое стремление левой французской элиты войти в европейский и глобальный истеблишмент - чем и объясняется поддержка им и другими лидерами Соцпартии «гуманитарной интервенции» в Ливии, равно как и «стабилизационного плана» Меркель-Саркози, которому они, однако, намерены придать более ярко выраженное «социальное содержание».

Характерным в этой связи было заявление, сделанное Олландом по каналу Европа-1 относительно ситуации, складывавшейся весной 2012 года вокруг Сирии. Олланд публично заявил тогда, что в случае своего избрания, если Совет Безопасности ООН примет резолюцию в пользу военной интервенции в Сирию, он предоставит в его распоряжение французскую армию. Лидер социалистов, таким образом, очевидно пытался опередить развитие событий. Его идеологический оппонент Ален Жюппе объяснил эти устремления так: «Проблема с Франсуа Олландом в том, что его внешняя политика отстаёт от реальностей. Уже много лет известна позиция Франции: мы участвуем в военных операциях лишь только в рамках мандата ООН (имеется ввиду, что одной резолюции ООН для этого мало)».

В свою очередь, в рамках «европейской перспективы» Олланд рассчитывал на то, что Франция и Германия сумеют перезапустить промышленный мотор Европы без краха Евросоюза. Однако зарубежные эксперты не столь оптимистичны в этом отношении. По мнению М. Чэндлера, главы валютной стратегии Brown Brothers Harriman, предстоящие годы положат конец существовавшим долгое время заблуждениям о том, что Франция и Германия по сути равны. Собственно экономические интересы Франции и Германии расходятся, и больше не удастся скрывать с помощью простой пропаганды солидарности стран еврозоны. Масштабные социально-экономические реформы, которые с переменным успехом пытался проводить Саркози, не являются легкой задачей, а долго откладываемая борьба за осуществление реформы рынка труда во Франции не сделает евро более привлекательным в глазах инвесторов.

«Независимо от результатов президентских выборов во Франции, нет пути назад к паритету Парижа и Берлина, и существует риск того, что нестабильность и неопределенность в Европе в будущем усилятся», - отметил по этому поводу Чэндлер.

Для таких суждений существовали определенные основания. Углубляющиеся расхождения между Германией и Францией в области экономической политики действительно означали ослабление евро, кто бы ни победил на выборах во Франции. Как следствие, итоговое крушение «лево-мондиалистских» и «лево-евроинтеграционных» надежд французских социалистов в обозримой перспективе представляется неизбежным.

В конечном итоге, сопоставление программ Саркози и Олланда наглядно продемонстрировали, в состоянии какого глубокого ценностно-интеллектуального кризиса находятся сегодня традиционные французские «левая» и «правая».

Главная же проблема накануне второго тура президентских выборов состояла в том, что никто из вышедших в него претендентов на Елисейский дворец – ни Саркози, ни Олланд – не имели комплексной стратегии и ресурсов, необходимых для модернизации французского общества, государства и экономики.

В итоге Франсуа Олланд одержал победу во втором туре президентских выборов во Франции, опередив инкумбента Николя Саркози. Оппозиционный кандидат получил 51,13% голосов, в то время как действующий лидер Франции - 48,87%. Вряд ли можно считать это сенсацией. Еще за два дня до выборов результаты опросов показывали, что разрыв между кандидатами составит четыре пункта. Само объявление итогов выборов прошло несколько буднично и без лишней помпы, поскольку

Николя Саркози еще до окончания подсчета голосов признал победу своего конкурента, пожелал ему удачи и призвал сограждан его уважать. Тем более, что и сам «победный отрыв» с трудом превысил пределы «арифметической погрешности». Сам победитель, выступая перед своими сторонниками, прокомментировал итоги голосования так: «Французы, избравшие меня 6 мая, сделали выбор в пользу перемен».

Некоторые наблюдатели усмотрели в победе Олланда известные реминисценции с успехом «великого левого» Франсуа Миттерана, пришедшего к власти 31 год назад. Ведь именно в мае 1981 года сторонники Франсуа Миттерана – президента-социалиста – отмечали его победу на президентских выборах. В то же время, если к моменту прихода к власти Миттерана «французская левая» находилась на подъеме, то сегодня она пребывает в состоянии глубокого идейно-политического кризиса, а относительный успех Олланда может стать ее «пирровой победой».

Программа Франсуа Олланда – «рафинированная» версия современного «левого популизма». Он не предложил своим избирателям ничего нового – повысить налогообложение богатых, уменьшить безработицу, создав тысячи рабочих мест. Что из этого останется популистскими заявлениям, а что удастся реально сделать – остается неясным. На все это у Олланда есть пять лет. В то же время, по мнению Марин Ле Пен, отказавшей в поддержке обоим участникам второго тура выборов, Олланд не готов реализовать по-настоящему глубокие реформы и потому быстро разочарует избирателей.

Как показали последние президентские выборы, французы все менее удовлетворены ложной и навязанной им альтернативой между «правыми» и «левыми» глобалистами, не способными преодолеть острейший внутривнутриполитический кризис. И неслучайно, что 2 миллиона голосовавших во втором туре президентских выборов испортили свои бюллетени, а 18 % отдали свои голоса «праворадикальной» Марин Ле Пен, с первой попытки заметно превзошедшей высшее «электоральное достижение» своего отца в 2002 году. В результате «Национальный фронт» фактически перестал быть «маргинальным игроком» во французской политике.

Практически все «заинтересованные стороны» сегодня понимают, что новый президент Франсуа Олланд в самое ближайшее время столкнется с рядом проблем, которые будут последовательно обостряться. Жак Аттали был безусловно прав в том, что современной Франции нужен сильный человек, чтобы противостоять будущим событиям. Сумеет ли Олланд удержать бразды правления сложнейшей политической машиной, переживающей глубокий кризис? Его личные качества и биография не позволяют ответить на этот вопрос утвердительно.

Миссия Франсуа Олланда, таким образом – довести политический и социально-экономический кризис до конца, ибо управлять в условиях кризиса он и его партия, будучи весьма щедрыми в социальных обещаниях, едва ли способны.

Результаты также подтверждают известный «потолок» электорального потенциала, которого на сегодня достигли французские «крайне левые» и «крайне правые». С поражением и уходом с президентского поста Саркози практически исчерпал свой конструктивный потенциал «правоцентризм», а также рассеялись иллюзии относительно самой возможности «неоголлизма». Вместе с пятилетним правлением Олланда, как можно предположить, закончится эра французской «системной левой» - равно как и рассеются окончательно иллюзии, порожденные «эпохой Миттерана».

Суть же основных французских проблем и противоречий, по мнению авторов, сводится сегодня к следующему:

- Модернизация экономики и социальной сферы фактически заблокирована сложившимися институтами социального государства и тесно связанными с ним традициями политической культуры;

- Перед Францией сегодня стоит жесткая альтернатива: либо структурная перестройка экономики с очевидными социальными издержками, либо прогрессивное снижение конкурентноспособности страны в мировой и европейской экономике.

- Без улучшения инвестиционного климата и снижения стоимости рабочей силы невозможен запуск механизмов экономического роста; последнее однако, требует непопулярных реформ, проведению которых активно препятствует укоренившаяся во Франции «левая субкультура» и поддерживающая ее часть политического спектра.

- В обозримой перспективе стратегической альтернативой для Франции является выбор между последовательным укреплением государства на правовой основе - и дальнейшим сползанием страны в хаос, который будет все сложнее прикрывать идеологическими лозунгами любого толка.

- Одновременно Франция стоит сегодня перед другим «судьбоносным выбором»: либо продолжение глубокой реформы образования, здравоохранения и социального обеспечения либо прогрессирующая деградация всех этих систем с соответствующими издержками для французских граждан.

Главная же современной Франции, на взгляд авторов, заключается в том, что в ней отсутствует консолидированная политическая сила либо коалиция политических сил, пользующаяся устойчивой общественной поддержкой и способная провести эти преобразования в

жизнь, осознавая всю «неоднозначность» их возможных социальных последствий. Поэтому любой победитель «президентского марафона» неизбежно оказывается в этой ситуации «хромой уткой». Благодаря этому, прошедшие президентские выборы не позволили французам выбрать качественную политическую альтернативу. Это, в свою очередь, означает, что затянувшийся кризис Пятой Республики в ближайшие годы будет продолжаться с неопределенными перспективами.

Бернар-Анри Леви и демонтаж французской публичной политики

Постыдная колониальная война в Ливии, где международное сообщество (в лице все еще сохраняющейся здравомыслящей его части) столкнулось с неприкрытой агрессией против суверенной страны, завершившееся фактической ликвидацией отказавшегося капитулировать национального лидера и разгромом государства и его институтов, требует комплексной политической и правовой оценки. Равно как и требует своей оценки роль лидеров государств, напрямую причастных к организации и осуществлению военной агрессии против Ливии, лицемерно прикрытой не соблюдавшейся с самого начала резолюцией Совбеза ООН № 1973, должна, как представляется, получить свою оценку с позицией все еще действующего международного права. При этом не следует забывать и об идейных вдохновителях агрессии, выступавших под надуманными и очевидно неправовыми мотивами в духе популярного ныне в известных кругах «гуманитарного интервенционизма», которые также должны нести ответственность за идеологическое обоснование войны и военной агрессии. Сам тот факт, что они являются при этом признанными публичными интеллектуалами, не должен гарантировать им неприкосновенности в этом отношении – ведь предстали же перед судьями Нюрнбергского трибунала по весьма сходным по сути обвинениям никак не менее видные интеллектуалы XX века, как отец «классической» немецкой геополитики Карл Хаусхофер (покончивший жизнь самоубийством еще до окончания процесса и вынесения приговора) и один из теоретиков «консервативной революции» Карл Шмитт (который все же был в конечном итоге оправдан).

На субъективный взгляд автора, не меньшего внимания в связи с войной против Ливии заслуживает видный французский публичный интеллектуал, представитель направления «новых философов» Бернар-Анри Леви, «теневого министр иностранных дел» Франции и «ментор» для теперь уже бывшего президента Франции Николя Саркози – собственно, и вдохновивший последнего на трагическую по своим последствиям «ливийскую авантюру».

Биография данного персонажа является более чем выразительной и показательной.

Как и многие видные французские интеллектуалы и политики, Леви является уроженцем Алжира. Он родился в алжирском городе Бени-Саф в еврейской семье. Отец Бернара-Анри был владельцем крупной лесопромышленной компании La Vescob. В 1954 году семья переехала во Францию в пригород Парижа Нёйи-сюр-Сен, сравнительно скоро избавившись от того, что называется «провинциальными комплексами». В 1968 году Бернар-Анри поступил в «Эколь нормаль» – элитное учебное заведение, в котором пестуется гуманитарная элита Франции. Преобладавшие в это время в «гнездовище» французской интеллектуальной элиты левые настроения не обошли стороной и Леви, постепенно превратившегося в их твердого адепта и одного из «левых интеллектуальных гуру» Франции.

Характерна идеологическая эволюция Бернара Леви, последовательно перемещавшегося в рамках идеологического спектра «слева направо».

Начинал он как левый радикал и пацифист. Журналистскую деятельность начал, работая в газете Combat. В 1971 ездил в Индию, освещая войну за независимость Бангладеш от Пакистана. С 1973 года Леви — редактор издательства Grasset, в котором впоследствии выходили его книги. Написал более 20 книг, в основном на злободневные политические темы. Большинство трудов Леви представляют собой причудливую смесь из публицистики, философских и квазиморалистических сентенций, которую изначально и принципиально нельзя свести в какую-либо систему. Главные черты это стиля – эклектизм и навязчивая публичность. Его наиболее знаменитые приверженцы из числа «новых философов» - Андре Глюксманн и Бернар Анри-Леви - это интеллектуалы, превосходно чувствующие себя на площадке СМИ. Бернар Анри-Леви и его друг Глюксман (как он ласково его называет), готовы на все, чтобы их показали по телевизору. Высшим достижением здесь, конечно же, считается получить приглашение на какую-нибудь официальную передачу, занимающуюся «благомыслием», к Тьерри Ардисону на программу «Об этом говорят все» на канале France 2, например. Ну а если не получится, Андре Глюксману хватит и полосы в газете «Liberation», «Le Monde» или любого другого либерально или радикального издания, готового развенчивать очередного врага «прогресса» или «общественности».

На философской «ниве» Леви известен как один из основателей школы «Новой Философии», критик современного марксизма (книга «Варварство с Человеческим Лицом», 1977). Данное философское направление изначально имело постмодернистский характер, последова-

тельно разрушая традиционные ценностные иерархии и представления, и характеризуясь приверженностью определенной тотальности и навязчивым фатализмом. В замысловатых философских построениях Леви чувствуется влияние Ф. Ницше, А. Камю, структурализма (главным образом М. Фуко, Ж. Лакана) и Р. Барта. Целью своих философских построений Леви определил создание «новой онтологии власти», где власть и социальная действительность фактически совпадают, а онтология выступает в качестве теории, исследующей политические структуры мира; познание также приобретает черты политической эпистемологии, философия принимает формы и образы политики. Центральный онтологический вопрос: «что есть бытие?» искусно подменяется вопросом: «что есть власть и чем она отличается от всего прочего?». Власть отождествляется с самим обществом, с его организмом, превращаясь в некий нематериальный принцип: власть закладывает основы общества, упорядочивает его, руководит им. При этом власть не может быть локализована, она целиком заполняет весь мир, она «место всех мест», и не может существовать никакой контр-власти, а следовательно, и никакой реальной борьбы с властью. Бытие власти, таким образом, сходно с бытием языка, который в процессе своего развития все больше приближается к властной функции, и тот, кто владеет языком во всех его возможных смыслах и способах существования, является властителем. Структуры власти, запечатлеваемые в языке, требуют полной нивелировки индивидуально-личностного начала и ведут к нескончаемому увеличению отчуждения и зла: люди всегда говорят языком своих властителей. Согласно Леви, только ценности иудейско-христианской традиции способны противостоять всепроникающей «патологии власти». В итоге власть и публичное пространство фактически оказываются «по ту сторону добра и зла», побуждая индивида принимать навязываемые «тотальностью» «правила игры». Свободному интеллектуалу в рамках подобного «неблагоприятного контекста» остается весьма ограниченный выбор – либо продолжать отстаивать те самые иудео-христианские ценности (в самом разном их прочтении), либо, не видя для себя иной альтернативы, начать прагматично обслуживать «тотальную» (читай – «глобальную») власть, делая на этом неплохой гешефт. Последний вариант оказался итоговым выбором многих прежних «левых интеллектуалов», пожелавших стать королями сложившегося на наших глазах глобального «общества спектакля». Однако обо всем по порядку.

Так, достаточно рано Леви заявил о себе как о приверженце «мультикультурализма» и поборнике «толерантности», хотя весьма избирательном и своеобразном. Так, в 1984 году он участвовал в создании

общественной организации «SOS racism» предназначенной для того, чтобы привлекать голоса черных и арабских избирателей для Социалистической партии Франции и её лидера Франсуа Миттерана. В 1986 году ездил в Эфиопию, демонстрируя широту своих взглядов и убеждений.

Но «мировой социализм» пал, левое движение в Европе пошло на спад - и Леви начал тонко улавливать и обслуживать интересы формирующегося «мирового порядка» - что, впрочем, было характерно для многих прежних «леворадикалов». И уже тогда проявилась его «идеологическая ангажированность», готовность участвовать в демонизации тех, против кого была направлены интересы и устремления творцов «дивного нового мира».

В начале 1990-ых «новый философ» освещал конфликт в бывшей Югославии, выступая в защиту боснийских мусульман, и вместе с Глюксманном участвуя в демонизации сербов, подаваемых им исключительно как представителей «рабовладельческого стиля». После событий 2011 года Леви, как «прогрессивный глобалист», активно поддерживал войну с терроризмом в Афганистане. В то же время обнаружилось, что Анри-Леви все же высказывался против нападения на иракский народ, начавшегося в марте 2003 г., но эту информацию нужно воспринимать осторожно, поскольку все его публичные позиции двусмысленны и крайне изменчивы.

Одновременно с этим Леви заявил о себе как о пламенном борце с мусульманским фундаментализмом. В 2005 он вместе с Салманом Рушди выступил с манифестом «Вместе против нового тоталитаризма» в котором подверг критике карикатурный скандал 2005—2006 годов и попытки распространения мусульманского образа жизни на Европу, непрерывно сравнивая «наступающий исламизм» с «тоталитарным коммунизмом» и параллельно давая широкой общественности уроки «политкорректного антифашизма». В то же время «воинствующий анти-исламизм» не помешал Леви поддержать в Ливии активистов ПНС многие из которых были видными исламистами и даже членами «Аль-Каиды».

Во время войны в Южной Осетии в 2008 году вел репортажи из Грузии, брал интервью у президента Михаила Саакашвили. Естественно, что уже тогда присущие «глобальному интервенционисту» широта и избирательность взгляда не позволили заметить преступлений, совершенных грузинскими военными против мирного осетинского населения в Цхинвали.

Не мешает Леви отставивать «прогрессивно-глобалистские убеждения» и его еврейское происхождение. В мае 2010 года подписал петицию группы «JCall» в Европарламент, призывающую, в том числе, оказать давление на Израиль. Петиция вызвала разноречивые отклики

в Израиле, и в целом по миру – что, однако, не смутило «политически влиятельного» интеллектуала.

В марте 2011 года участвовал в переговорах с ливийскими «повстанцами» в Бенгази и публично продвигал международное признание недавно созданного Национального переходного совета. Позднее в том же месяце он вместе с Николя Саркози продвигал инициативу по военному вмешательству в Ливии, упирая на односторонне истолкованные «гуманитарные ценности» и «демократические идеалы». Примечательно, что разрыв во времени между замыслом и действием оказался весьма незначительным: 11 марта 2011 года «воспитанников» Леви («новых Масудов») приняли в Елисейском дворце и назвали «легитимными представителями ливийского народа», а уже 19 марта французские бомбардировщики отбомбились по ливийским аэродромам и системам ПВО.

Уже потом, в совсем недавно вышедшей своей новой публицистической книге «Нелюбимая война» Леви признает, что в Бенгази он имел дело с горсткой мятежников, которая без поддержки извне практически не имела шансов на успех. При этом Леви как последовательный «постмодернистский философ» остался весьма доволен организованным им «грандиозным хэппенингом», не взирая на вызванные вторжением в Ливию жертвы среди мирного населения, разрушение страны и победу исламистов как закономерный итог кампании.

При всей кажущейся противоречивости и взаимоисключающего характера поступков Леви все совершенное им на поприще идеологической пропаганды неудивительно. На взгляд автора, на наших глазах произошла практически постмодернистская трансформация бывшего «идейного левого» и нонконформиста в обслуживающего «новый мировой порядок» квазимыслителя и «публичного идеолога», умело использующего эффекты «общества спектакля» и рождающего один за другим «идеологические симулякры», неизменно разущающиеся при столкновении с реальностью (что, впрочем, мало кого волнует после успешного продвижения очередного «идеологического продукта»). Современные засилье подобных «публичных гуру» - свидетельство общей болезни европейской и в частности французской философской и политической мысли, более не способной рождать по-настоящему великих мыслителей, но выносящей «наверх» теоретиков, трансформирующих свои искаженные представления о мире в «катастрофическую политику». Впрочем, подобное «преображение» - тот самый «многих славных путь», по которому следуют целый ряд прежних лидеров «поколения нонконформистов» 1960-80-х годов прошлого столетия. Достаточно вспомнить в этой связи сходную по смыслу «идейную эво-

люцию» бывшего лидера «красного мая» в Париже и «грозу де Голля», а ныне убежденного сторонника «европейской интеграции» и лидера фракции «зеленых» в Европарламенте Даниэля Кон-Бендита, теперь уже бывшего главы организации «Врачи без границ» Бернара Кушнера, ставшего в итоге единомышленником «американских неоконгов», а равно и бывшего сталиниста и впоследствии также «нового философа» Андре Глюксманна, также ставшего сегодня адептом «новых ценностей». Но никакая «постмодернистская идейная эволюция» не должна освобождать от ответственности за обоснованные и совершенные преступления. Мыслящей и способной действовать части человечества, если оно хочет выжить, необходимо прекратить ведущуюся на его глазах «игру в бисер» постмодернистских «квазиинтеллектуалов от политики», вернувшись из мира «пропагандистских симулякров» в мир подлинных ценностей, справедливости и права, доступ в который ему пытаются сегодня перекрыть гламурные «идеологические жонглеры» - фактические проводники стратегии дегуманизации, приверженцы «гуманитарного интервенционизма», нацеленного на демонтаж международного права, национальных суверенитетов и механизмов демократии. Поистине, следует поторопиться, пока Бернар Анри-Леви и подобные ему не сделали самые мрачные антиутопии XX века «навязчивой явью».

Феноменальный успех Леви знаменует собой фактически произошедшее разрушение французской публичной политики – того самого механизма, который обеспечивал политическую субъектность французской нации, а также подтверждает глубоко дисфункциональный характер системы французских масс-медиа. Социальная атомизация и распад институтов гражданского общества, которым несколько не мешают, но способствуют новые сетевые коммуникации – становятся явью для Франции. Единственный выход из этой ситуации – восстановление механизмов публичной политики, и прежде всего – реального суверенитета французского народа, узурпированного политическими манипуляторами.

В этом контексте особую значимость приобретает произошедшее в мае этого года «философское» самоубийство видного идеолога французских «внесистемных правых», писателя Доминика Веннера. Последнее, являющееся неприемлемым с точки зрения христианской сотериологии, рушит многие из симулякров, созданные французским «обществом спектакля», и ставит под сомнение сам этот феномен, поскольку отбрасывает главный его принцип – имитацию подлинной жизни и трагедии. Отчаянный поступок Веннера обращен к находящемуся под спудом «консервативному большинству» Франции, способному генерировать не симулякры, а подлинные политические цели и смыслы.

Доминик Веннер и тупики французского республиканизма

Самоубийство Доминика Веннера, с христианской точки зрения – добровольный отказ от Благодати и Вечной Жизни, какими бы «высокими» мотивами это не аргументировалось. И страстное обращение некоторых единомышленников Веннера к покровительствующему ему католическому святому Доминику, боюсь, едва ли изменит участь, на которую обрек себя французский интеллигент.

Согласно сухому полицейскому отчету, Доминик Веннер совершил акт суицида 21 мая 2013 года в полдень, в Соборе Парижской Богоматери, в возрасте 78 лет. Он вошел в хоры Собора, встав рядом с алтарем. Он положил свое письмо в алтарь и выстрелил себе в рот. Его смерть была мгновенной.

Самоубийство Веннера – пожалуй, последняя попытка защитить некоторый условный «дух республики» от торжества распада и разложения, от духа декаданса, который торжествует сегодня в лице идейных наследников «Красного мая» 1968 года. Закон Тирбо, продвинутый французскими социалистами, планомерно разрушает французские государство и общество, в перспективе окончательно превращая французов в постмодернистских «мух на столе». Президент Франсуа Олланд, успешно проваливший все обещания своей избирательной кампании 2012 года и заработавший рекордный «антирейтинг» в 74 %, на наших глазах творит злобную карикатуру на республику, французский социализм и сам институт президентства. Собственно, программа уничтожения остатков «исторической Франции» уже была публично заявлена социалистами. Мадам Доминика Бертинотти, представитель министерства по семейным вопросам, отвечая перед голосованием в Сенате на претензии противников скандального закона, сформулировала свое видение ситуации следующим образом: «Что вызывает настоящие проблемы — так это, прежде всего, идеализированный, предпочтительно белый, гетеро-партиархальный образ семьи». Таким образом, государство-Левиафан, оседланное «левыми» нигилистами, решило окончательно уничтожить и без того заметно ослабленный во Франции институт семьи, пока еще способный хоть как-то поддерживать существование того, что принято называть «гражданским обществом».

Французское государство – наследник «революционного меньшинства», сосредоточенного в Париже, которое в итоге покорило «консервативное большинство», сосредоточенное в провинции, предварительно его атомизировав и раздробив. Поэтому главным и наиболее парадоксальным результатом того, что принято называть «Великой Французской революцией», стало заметное ограничение свободы общества, лишенного «неписанных» прав, сословных перегородок и

различных автономных статусов, перед лицом ставшего всесильным государства. Помимо непримиримых критиков революции Жозефа де Местра и Луи де Бональда, этот феномен государственного всевластия над атомизированным и ослабленным обществом достаточно подробно описал в своей книге «Старый порядок и революция» исследователь французского послереволюционного развития Алексис де Токвиль⁵⁰. Как результат, французская революционная государственность, принявшая после целой ряда революционных потрясений и неудачных попыток реставрации форму Республики, изначально не могла опираться на консервативные ценности, которые бы могли связать ее с «консервативным большинством» (чем, к примеру, с самого начала, характеризовался американский республиканизм). Волей своих создателей она была обречена творить и опираться на идеологию и смыслы, по большей части враждебные установкам и ценностям этого до поры «молчаливого большинства». Поневоле значительная часть французов была вынуждена жить в «обществе спектакля», когда политическая и интеллектуальная элиты постоянно создавали некоторые идеологические симулякры, призванные вытеснить традиционные (католические, монархические, аристократические, патриархальные) и обеспечить условную легитимность республиканского проекта. На определенное время было возможно заключение компромисса, когда Республика апеллировала к «консервативному большинству» и его ценностям (проект «Великой Франции» Шарля де Голля, условно примиривший две антагонистических традиции и положенный в основу «Пятой Республики»). Однако подобное примирение могло быть лишь временным и ни в коем случае не означало реставрации и тем более реванша Франции «традиционной». Рубеж XX-XXI веков ознаменовался торжеством «политических симулякров», когда синтез «старой» и «новой» политических традиций был практически невозможен, и восторжествовало манипулятивное «общество спектакля», разрушающее с помощью государственных механизмов остатки традиционной морали, этики и семьи. Инициированный французскими социалистами пересмотр традиционной концепции семьи и брака – лишь неизбежное следствие подобных трендов, ставшее глубокой личной катастрофой для тех, кто до последнего верил в возможность соединить Республику с «традиционными» французскими ценностями.

В подобной ситуации своим отчаянным поступком в соборе Нотр-Дам Доминик Веннер попытался нарушить саму логику французского «общества спектакля», в котором ключевые публичные события постепенно перестают оказывать сколько-нибудь существенное влияние

50 Токвиль А. Старый порядок и революция. - М., 1997. - Гл. 8.

на реальную политику – которая уже достаточно давно формируется узким элитарным слоем, руководствующимся своими корпоративными интересами. При этом вне контекста вызванных его самоубийством дискуссий остается один весьма существенный вопрос. Собственно, стоит ли защищать республику в ее современном виде и какие фундаментальные ценности несет она в себе? Ведь речь идет о той самой республике, которая хотела на заре своего существования уничтожить христианскую религию и церковь (введя якобинский криптокульт «Высшего существа»), а потом заставила католических священников присягать себе на верность? Та самая республика, которая лишь в 2008 году решила ввести в национальный образовательный стандарт предмет «История религии», ограничиваясь до этого лишь аморфной «Этикой»? И даже робкая попытка экс-президента Николя Саркози в начале срока его полномочий поднять вопрос о католической идентичности Франции и заявление о желательности того, чтобы «как можно больше граждан Республики верили в Бога» натолкнулись на жесткий ответ защитников «республиканского лаицизма» и «автономии публичного пространства».

Между тем, история Франции знает два основных типа защитников Республики – по крайней мере в том ее виде, в котором она сложилась после Второй Мировой войны. Первый из них может быть условно определен как *deus ex machina*. Воплощением этого типа «лидера-спасателя» стал генерал Шарль де Голль, спасший национальное достоинство Франции после бездарной капитуляции 1940 года, и вдохнул в ослабленный постоянными кризисами республиканский проект новую жизнь уже в 1950-е годы. Однако и выпускнику иезуитского коллежа, дважды спасшему достоинство нации, не удалось в свое время выстоять под натиском адептов левого радикализма в 1968 году, что означало конец заявленного им проекта по возрождению былой славы и величия Франции.

Другой вид защитников республиканских ценностей – трагические герои-одиночки, в античном стиле противопоставляющие духу упадка свое *virtu*. Подобные герои до определенного момента стоят в стороне от дел и политического «шума», но потом своим самопожертвованием приходят ей на помощь. При этом они желают спасти не саму республику, но определенные высокие принципы, которые они изначально с ней связывали. Самопожертвование для таких людей – это не христианское «жизнь за други своя» - но трагический индивидуализм в античном духе, дополненный своеобразной «эстетикой смерти», которая выступает как своего рода «возмещение» за «недостойство» жизни. Таким был выдающийся французский антрополог, экс-губернатор

Алжира, а впоследствии - создатель ОАС и пламенный противник де Голля Жак Сустель, не простивший ему «сдачи» этой территории. Таким был и пламенный «ультраправый» комбаттант Доминик Веннер.

Веннер – сравнительно мало известный доселе широкой публике «солдат» французской «крайне правой», который в 19 лет ушедший добровольцем воевать за «французский Алжир». Его влияние в среде французских «крайне правых». В 1954 году он основал «Молодую нацию» с целью борьбы за «французский Алжир». Участники этой организации впоследствии присоединились к ОАС Жака Сустеля, а в конечном итоге Веннер и его ближайший сподвижник Сидо попали в тюремное заключение. Выйдя из тюрьмы в 1963 году, Веннер основал движение «Европа – действие», который оказал влияние на создание «Союза националистической молодежи», одним из символов которого предложил сделать спартанский воинский шлем. Именно в это время Веннер заявил о необходимости создать новый «революционный» национализм, который бы «перевернул страницу колониальной эпохи и завоевал Европу». Однако, не получив значительной общественной поддержки, Веннер в итоге отказался от публичной активности еще в середине 1970-х годов, сохраняя свое влияние в качестве идеолога. В течение нескольких десятилетий Веннер являлся редактором «Нового исторического журнала» (*La Nouvelle Revue d'Histoire*).

Не менее интересным является и собственное литературное творчество «правого интеллектуала». В одном из своих последних сочинений «Шок истории» (2011) Веннер сам определил себя как «медитирующий историк». Он неоднократно признавался в своих симпатиях к таким фигурам, как Анри Монтерлян, Пьер Дрие ля Рошель или Юко Мисима – то есть к публичным деятелям, совершившим в свое время «громкие» самоубийства. Сам Веннер, как сказано в его письме, рассматривал свое запланированное самоубийство как «протест против унижения, которому подвергается страна».

Примечательно, что сама тема самоубийства затрагивалась Веннером во многих из последних произведений «крайне правого» интеллектуала. Совершенный им в Соборе Парижской Богоматери акт суицида вписывается в логику «политической жертвы», которую он отстаивал на протяжении многих лет. Если верить еще одному письму, оставленному Веннером в редакции *Radio Courtoise*, которое он завещал вскрыть после своей смерти, он рассматривал самоубийство не как метафизическое, в духе героев Достоевского, но как сугубо публичное «резонансное» явление. В этом письме, в частности, говорится: «Я люблю жизнь и не вижу ничего за ее пределами, помимо вечности моей расы и моего духа... Я считаю необходимым пожертвовать

собой, чтобы разорвать летаргию, которая нас охватила... Я выбрал весьма символическое место, которое я уважаю и которым я восхищаюсь. Мой жест воплощает этику воли. Я предаю себя смерти с целью разбудить убаюканное сознание».

Свое политическое кредо Веннер сформулировал в упомянутом письме следующим образом: «Поскольку я защищаю идентичность всех народов, живущих на своей земле, я восстаю против преступления, нацеленного на замещение нашего населения» - имея ввиду набирающую обороты миграцию.

Говоря о проекте по легализации гомосексуальных браков, Веннер отмечает, что он восстает «против яда души и захватывающих индивида желаний, которые разрушают наши идентитарные скрепы». Он также полагал, что участники массовых протестов против гомосексуальных браков не могут не принимать во внимание «реальность афромагрибинской миграции».

Особого внимания в этой связи заслуживает отношение Веннера к христианству (и прежде всего в его католической версии). «Крайне правый» интеллектуал полагал, что по своему духу «христианство является не идентитарной, но универсальной религией». Главная проблема, по Веннеру, была связана с тем, что христианство не ставило проблему «европейского доминирования в мире». Характерно в этой связи, что один из последних трудов Веннера назывался «Самурай Запада». В нем он, в частности, написал: «До середины XX века они (европейцы – прим. авт.) доминировали... Однако накануне этих испытаний универсальная религия не обеспечила им никакой коллективной поддержки». Подобная «неудовлетворенность» христианством и привела Веннера в конечном итоге к подобному «трагическому самопожертвованию».

В связи с трагическим поступком Веннера весьма важным выглядит вопрос, что именно собираются защищать в современных условиях французские «правые», весьма далеко расходящиеся в своих программных установках? «Новые правые», окончательно разочаровавшись в проекте европейского Модерна, хотят возродить Европу на основе античного и неоязыческого мироощущения, вернув античные по своему смыслу гражданские и воинские добродетели. Однако и в эпоху Древнего Рима также существовали герои и весьма достойные граждане и полководцы, готовые жертвовать собой, но и они не спасли Империю от заката и распада.

В свою очередь, «Национальный фронт» отца и дочери Ле Пенов заявляет о необходимости создания «Шестой Республики» вместо «Пятой» - что является, по сути, «перезагрузкой» все того же политическо-

го проекта без новых ценностных оснований. Однако позволительно ли забывать о том, что брутальный национализм в условиях Постмодерна – не более чем симулякр?

Наконец, «Союз за народное движение» (UMP), партия бывшего президента Николя Саркози, скорее по инерции претендующая на «наследие» де Голля, пытается сегодня найти некую среднюю линию между глобализмом и «остаточными» элементами консерватизма. Однако подобное устремление, как показали результаты последних выборов, все менее убеждает французских избирателей. Как, собственно, и недавняя попытка парижского отделения «Союза» возглавить общественный протест против закона о легализации гомосексуальных браков, не принесяшая активистам UMP никаких серьезных политических дивидендов.

Однако возможна ли в принципе конструктивная альтернатива в условиях современной «Объединенной Европы», идеологи которой отказались в своих программных проектах даже от простого указания на христианские «корни» европейской «цивилизации» и идентичности, введя себя в рамки «дурной бесконечности», из которой ее едва ли смогут вывести герои-одиночки? Современная Французская республика, обнажив сегодня свои якобинские корни, лишь продемонстрировала свою несовместимость с «исторической Францией», некогда считавшейся «старшей дочерью католической церкви». Усиливающееся государственное давление на религиозные конфессии и общины, о реальной автономии которых говорить сегодня не приходится, равно как и его разрушительное воздействие на семью через механизмы ювенальной юстиции – подлинное торжество не признающего никаких ограничений «лаицистского этатизма», руководствующегося абстрактной руссоистской «волей народа», воплощенной в институтах Республики.

В этой ситуации определенную надежду для Франции представляет движение «Католики в походе» - влиятельная гражданская организация, сыгравшая ключевую роль в организации недавних массовых протестов против скандального закона, беспардонно продвигаемого французским и общеевропейским «гомосексуальным лобби». Определив в качестве своих противников, с одной стороны, агрессивный лаицизм, а с другой – набирающий силу исламизм (специфическую политизированную версию ислама), «Католики в походе» заявляют о своей готовности совершить прежде всего «духовную и идейную контрреволюцию». Выступление католических активистов, долгое время существовавших под «спудом» этатистского лаицизма, представляет собой весьма примечательное для Франции явление. Впервые за долгое время консервативное гражданское общество восстало против государственного принуждения и насилия в духовной и нравственной сфере,

соглашаясь отдать Кесарю кесарево, но не желая при этом уступить ему то, что принадлежит к сфере Духа⁵¹. Не имея своей целью спасти идущую к распаду «Пятую республику», католические активисты пытаются сохранить семью и общество от угрозы необратимого распада – хорошо понимая при этом, что дальнейшая экспансия нигилистов от политики заставит общину французских католиков, по примеру их нидерландских единоверцев, перейти к «осадному» положению и «катакомбному» существованию в своей собственной стране. Спасая в первую очередь страну и ее живые силы, они оставляют Франции пусть и весьма условную, но надежду на будущее, следуя знаменитому евангельскому «Не убойся, малое стадо!» (Евангелие от Луки, 12:32).

И даже принимая во внимание многовековой антагонизм между Православием и католицизмом, остается лишь пожелать французским католикам успеха в борьбе против носителей глобальной Смуты и распада – поскольку именно они являются сегодня массовым движением, способным заявить подлинную альтернативу происходящему.

Франсуа Олланд: миссия (не)выполнима?

Посредническая миссия президента Франции Франсуа Олланда по урегулированию конфликта между Россией и ЕС, вдохновленная визитом в Астану к президенту Казахстана Н. Назарбаеву и завершившаяся переговорами с президентом России В. Путиным на территории аэропорта Внуково, закончилась также быстро и внезапно, как и началась. Причиной тому – расстрел мусульманскими радикалами из подпольной «сети» редакции скандального французского издания «Шарли Эбдо», опубликовавшего оскорбительные карикатуры на пророка Мухаммеда. Эти события, подчеркнувшие уязвимость Франции перед вызовами изнутри и извне, и последующая акция единения с жертвами теракта в Париже, в которой приняли участие лидеры основных стран мира – по факту привела к концу посреднической миссии Франсуа Олланда, и стало символом нового сплочения Запада в борьбе против терроризма – новой «ценностной» коалиции, в которую никто не спешит приглашать Россию.

Французам же было ясно дано понять, что пребывающая в кризисе Пятая Республика не в состоянии защитить ни свободу прессы, ни саму жизнь и безопасность французских граждан. Ибо дух республики разрушен до основания эффектами «блокированного общества» по Мишелю Крозье⁵² – и имеет место ситуация, когда государство руководствуется собственной «автономной» логикой, общественные про-

51 Ревель Ю. Уничтожение европейской цивилизации и предпосылки ее возрождения // Завтра. – 2013. – 6 июня.

52 Crozier M. La société bloquée. – Paris: Editions du Seuil, 1970.

блемы копятся и не решаются, что выливается в социальное напряжение, конфликты и аномию.

В свою очередь, конфликту вокруг «Шарли Эбдо» способствовало сложившееся во Франции квази-шизофреническое понимание природы толерантности, когда в страну активно привлекались носители иных культурных, национальных и религиозных традиций без должных гарантий уважения к их мировоззрению и ценностям со стороны государства. Последнее сделало возможным формирование потенциальных очагов террора в рамках социального пространства страны, с превращением граждан инорасового и инонационального происхождения в постоянный источник опасности для общества и государства. Этатистский лаицизм и освобождение публичной сферы от любых иных, помимо общегражданских, ценностей, поставили Республику на грань войны с любыми придерживающимися традиционных ценностей сообществами – причем не только мусульманским; достаточно вспомнить недавние многотысячные протесты католиков против узаконения гомосексуальных браков, а равно и непосредственно связанное с ними самоубийство известного праворадикального политика Доминика Виннера, совершенное в стенах Собора Парижской Богоматери. Перечисленные события, как и целый ряд других кризисных явлений, подтвердили уязвимость «французской модели» перед четырьмя основными вызовами, заявившими о себе еще в начале 1990-х годов: распространением либеральных идей, глобализацией, общим снижением качества политической элиты и децентрализацией⁵³.

Бывший лидер Национального Фронта Жан-Мари Ле Пен, скандально прославившийся своей ультраправой и антимигрантской риторикой, выразил свое неприятие ситуации, связанной со стремлением склонить общественное мнение Запада в сторону однозначной поддержки погибших от рук террористов французских журналистов: «Я не Шарли Эбдо. Эта анархистская газетенка была прямым врагом нашей партии «Национальный фронт», и несколько лет назад ее журналисты собирали подписи под петицией с требованием закрыть нас. А все эти политики, которые вышли на демонстрацию, - это не Шарли, а Шарло! ... Да, и во Франции проживают от 15 до 20 миллионов мусульман. Все французские правительства, левые или правые, допускали иммиграцию и даже поощряли ее. Каждый год прибывает триста тысяч человек и отнюдь не в поисках работы. На социальные пособия во Франции живут от 6 до 8 миллионов человек, что говорит о том, что эта иммиграция — не гастарбайтерская, рабочая, а завоевательная. Это результат общего христианского и европейского декаданса. Евро-

⁵³ Gauchon P. *Géopolitique de la France*. Plaidoyer pour la puissance. – Paris: PUF, 2012. – P.54.

па запретила границы внутри ЕС. И теперь с юга, который никто не защищает, к нам во Францию просачиваются сотни тысяч человек. Это выглядит как внутри-европейское предательство»⁵⁴.

Но мог ли Франсуа Олланд изначально стать «спасителем Республики» и эффективным арбитром в отношениях России и Запада по поводу «украинского кризиса»? Едва ли можно дать однозначный положительный ответ на этот вопрос.

Напомним, что Франсуа Олланд официально объявлен президентом Франции, одержав победу во втором туре президентских выборов во Франции и опередив действующего президента Николя Саркози. Оппозиционный кандидат набирал 51,13% голосов, в то время как действующий лидер Франции получил 48,87%. Перевес оказался практически минимальным - однако вряд ли можно было считать это сенсацией. Еще за два дня до выборов результаты опросов говорили, что разрыв между кандидатами составит четыре пункта. Само объявление итогов выборов прошло несколько буднично и без лишней помпы, поскольку Николя Саркози еще до окончания подсчета голосов признал победу своего конкурента, пожелал ему удачи и призвал сограждан его уважать. Тем более, что и сам «победный отрыв» с трудом превысил пределы «арифметической погрешности». Сам победитель, выступая перед своими сторонниками, прокомментировал итоги голосования так: «Французы, избравшие меня 6 мая, сделали выбор в пользу перемен».

Выразив «респект» своим избирателям, народу Франции и уходящему президенту Саркози, Олланд продемонстрировал свою готовность «активно взяться за работу»: «Сегодня перед вами я обещаю служить своей стране со всей верностью и преданностью, которых требует этот пост. Я осознаю всю ответственность и отдаю должное Николя Саркози, который возглавлял Францию пять лет и заслуживает нашего уважения. Я выражаю глубокую благодарность всем тем, кто своими голосами сделал эту победу возможной». Характерно, что Олланд не обольщается, понимая, что принесшие ему победу французские избиратели голосовали не столько за него, сколько выражали свое «твердое нежелание» снова видеть Николя Саркози в Елисейском дворце. В то же время, определенный круг «пламенных поклонников» существует и у Олланда. Ближе к полуночи после напряженного дня выборов на площади Бастилии собрались те, кого можно назвать его твердыми приверженцами: иммигранты — он им обещал право голоса на муниципальных выборах. Были среди них и те, кто поддержал в первом туре, например, центриста Байру и коммуниста Меланшона.

Некоторые наблюдатели усматривают в победе Олланда известные

54 Ж.-М. Ле Пен. Нам нужна единая Европа от Парижа до Владивостока. Или мы станем колонией США // Комсомольская правда. – 2015. – 16-17 января. – С. 10-11.

реминисценции с успехом «великого левого» Франсуа Миттерана, пришедшего к власти 34 года назад. Ведь именно в мае 1981 года сторонники Франсуа Миттерана – президента-социалиста – отмечали его победу. В то же время, если к моменту прихода к власти Миттерана «французская левая» находилась на подъеме, то сегодня она пребывает в состоянии глубокого идейно-политического кризиса, то относительный успех Олланда двухлетней давности может стать ее «пирровой победой».

Программа Олланда – «рафинированная» версия современного «левого популизма». Он не предложил своим избирателям ничего нового – обложить богатых налогом, одолеть безработицу, создать тысячи рабочих мест. Что из этого останется популистскими заявлениям, что удастся сделать, а на что из обещанного у Франции просто не хватит денег? На все это у Олланда есть пять лет. В то же время, по мнению Марин Ле Пен, отказавшей в поддержке обоим участникам второго тура выборов, Олланд не готов реализовать реформы и потому быстро разочарует избирателей.

Повод для подобных не слишком оптимистичных оценок перспектив Франсуа Олланда дает сама биография нынешнего «триумфатора». Франсуа Жерар Жорж Олланд родился 12 августа 1954 года в Руане на севере Франции в семье врача-отоларинголога Жоржа Олланда и социального работника Николь Трибер. Детство провел в руанском пригороде Буа-Гийом, несколько лет учился в католической школе, играл на позиции форварда в детской футбольной команде при FC Rouen.

В 1968 году семья переехала в Нейи-сюр-Сен, престижный западный пригород Парижа. Карьера юного Франсуа, между тем, развивалась как по накатанной. Олланд окончил лицей, поступил в бизнес-школу HEC Paris и одновременно слушал лекции в Институте политических исследований Sciences Po. Путь к карьере «эталонного» партийного бюрократа был, таким образом, открыт. В 1980 году Олланд получил диплом элитной Национальной школы управления (ENA), которую принято называть французской кузницей кадров, поскольку из ее стен вышло большинство известных политиков, общественных деятелей, министров и чиновников высшего звена. В итоге Олланд, став по результатам учебы восьмым на курсе, поступил на должность аудитора в Счетной палате.

В качестве перспективного «карьерного лифта» Олланд выбрал находившихся в конце 1970-х годов на подъеме социалистов. В итоге еще в 1979 году, еще будучи студентом, вступил в Социалистическую партию Франции. Сделанная им «политическая ставка» достаточно скоро оправдала себя. На президентских выборах 1981 года Олланд был одним из экономических советников и доверенным лицом кандидата

от социалистов Франсуа Миттерана, который одержал победу и стал президентом Франции.

Тогда же, в 1981 году Олланд и сам впервые попробовал себя в качестве участника избирательной гонки: молодой социалист был выдвинут кандидатом на выборах в Национальное собрание (нижнюю палату французского парламента) в департаменте Коррез — вотчине политического тяжеловеса, экс-премьера, мэра Парижа Жака Ширака. Последний первоначально не увидел в молодом социалисте достойного соперника и вообще политика. По свидетельству очевидцев, увидев незнакомого молодого человека на общественном собрании в городке Невик, Ширак поинтересовался у него: «Мсье, а вы, собственно, кто?». «Я тот, кого вы ранее сравнили с лабрадором Миттерана», — гордо ответил Франсуа Олланд. Те выборы молодой социалист проиграл с сокрушительным разрывом уже в первом туре уступив Шираку (26% против 51% голосов). Однако набрался опыта, познакомился с людьми, а гостеприимный сельский регион при этом ему понравился.

В дальнейшем карьере Олланда строилась вокруг Соцпартии и ставшего для него вторым домом Корреза. В 1983 году он возглавил кабинет спикера правительства Макса Галло, затем работал в Счетной палате, а также получил назначение на должность муниципального советника округа Юссель. В июне 1988 года Олланд вновь принял участие в парламентских выборах, и на этот раз был избран депутатом Национального собрания от города Тюль (административный центр департамента Коррез). В нижней палате Олланд получил должность секретаря комитета по вопросам финансов и планирования и стал докладчиком по оборонному бюджету. Лучшего варианта карьеры для набирающего «политический вес» партийного бюрократа было трудно и представить!

Правда, иногда занудный бюрократический стиль мог давать и сбои. Спустя пять лет, на выборах 1993 года, Олланд лишился депутатского мандата. Позднее он признал, что не уделял должного внимания своим избирателям из-за активной работы в столице, потому и проиграл. Однако уже в 1994 после кратковременного занятия юридической практикой «перспективный социалист» возвращается в большую политику. Олланд занял тогда должность национального секретаря Социалистической партии по экономическим вопросам. В 1997 году по рекомендации премьера-социалиста Лионеля Жоспена Олланд был назначен первым секретарем и руководил Соцпартией в течение 11 лет. С 2001 по 2008 год Олланд также занимал пост мэра Тюля, а затем стал главой генерального совета департамента Коррез, сформировав там, как и полагается профессиональному партийному политику-

«патрону», свою персональную клиенту.

Характерно, что в течение большей части своей карьеры Олланд не стремился выйти за рамки устоявшихся шаблонов – касалось это собственно идеологического позиционирования либо стиля. На протяжении многих лет внешний облик и манеры безошибочно выдавали в этом человеке простого партийного функционера, *apparatchik*, как любят говорить французы, желающие щегольнуть этим необычным для них иностранным термином. Вместе с тем безлико-конформистский имидж, позволявший делать карьеру внутри партии и расширять свое влияние «на местах», не гарантировал результата на общенациональных выборах. Под руководством «профессионального аппаратчика» Олланда Соцпартия дважды терпела поражения на президентских и парламентских выборах. Зато, оставаясь в оппозиции на национальном уровне, социалисты активизировали работу на местах и смогли отвоевать у правых многие города и регионы, благодаря чему впоследствии впервые в истории Пятой республики получили большинство в Сенате (верхней палате парламента).

Настоящим провалом стал для социалистов 2002 год, когда Жоспен выбыл сразу в первом туре, уступив второе место лидеру крайне правого «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пену. На президентских выборах 2007 года кандидатом от Социалистической партии была выдвинута гражданская жена Олланда Сеголен Руаяль, обошедшая во внутрипартийной борьбе своего оставленного незадолго до этого гражданского же мужа.

Характерно, что Руаяль также сделала карьеру в Социалистической партии, однако, в отличие от него (Олланд никогда не был ни министром, ни даже заместителем), долго работала в правительстве, затем была избрана на пост главы регионального совета Пуату-Шаранта и по сей день возглавляет регион. Это обстоятельство не осталось незамеченным внутри Социалистической партии. В январе 2007 года, за несколько месяцев до выборов официальный представитель избирательного штаба Руаяль Арно Монтебур в эфире политического ток-шоу на телеканале Canal+ на вопрос ведущего о недостатках кандидата в президенты заявил: «У нее лишь один недостаток — ее компаньон» (впоследствии, правда, извинившийся за двусмысленную «шутку», которая стоила ему в итоге должности).

Так или иначе, все эти годы в глазах большинства Олланд оставался типичным партийным чинушей, обычным практически во всем, что выглядело немного провинциальным и даже комичным: среднего роста (174 сантиметра при «норме» 175,5 сантиметра для французов), полноватый, круглолицый, широколобый, с непослушными волосами

и проглядывающей на макушке лысиной. Игнорируя имиджевые стандарты, Олланд в течение многих лет продолжал носить мятый костюм, рубашки из магазина Celio, недорогую обувь, немодные круглые очки и предпочитал часы Swatch за 120 евро. Почти анекдотическими стали его слабость к антрекоту, шоколадному пирогу и коррезским блюдам, гордится трехколесным мотороллером Piaggio и любит сам делать покупки, особенно пройтись по воскресному продуктовому фермерскому рынку. «Мсье Нормаль» — одно из прозвищ, полученных Олландом то ли в средствах массовой информации, то ли в интернете за частые обещания оставаться таким же, как и все, даже на высшей государственной должности.

В то же время, вступая в президентскую гонку 2012 года, Франсуа Олланд радикально изменил имидж: похудел, стал лучше одеваться, держится более жестко и увереннее, однако по-прежнему старательно подчеркивает свою «обычность». В своей нашумевшей книге «Изменение судьбы» (*Changer de destin*), вышедшей в 2012 году, социалист пишет, что хочет, подобно Монтеню — «обычному человеку, писавшему уникальные книги», — на посту главы государства быть «обычным политиком, на котором лежит уникальная ответственность».

Именно этот «характерный политик» оказался во главе Социалистической партии и, в конечном итоге, Французской республики в ситуации глубочайшего политического, социально-экономического и ценностно-идеологического кризиса, переживаемых страной. Усугубляющаяся ситуация вынесла на «политический Олимп» то, что Л. Троцкий в свое время называл «выдающейся посредственностью». Однако способна ли современная европейская элита, воспитанная на конформистских, потребительских и «мультикультуралистских» ценностях, выдвинуть из своих рядов «наверх» действительно ярких и сильных лидеров – остается большим вопросом.

Так или иначе, победивший на последних президентских выборах Франсуа Олланд – один из самых слабых управленцев и публичных политиков даже в рядах Соцпартии; слабее его в качестве потенциального главы государства, вероятно, была лишь его бывшая спутница Сеголен Руайаль, выступления которой в 2007 году вызывали у немалого числа французских избирателей подлинный «когнитивный диссонанс», а звучащие масштабные обещания поистине могли повергнуть в ужас.

Сам же Олланд презентовал избирателям уникальную по своей сути программу, состоящую из уже известных по прежним кампаниям лозунгов. Сбережения французов, по его мнению, должны быть использованы для решения вопроса с государственным долгом страны, подобно любым другим инвестициям. Еще более оригинально обеща-

ние теперь уже бывшего кандидата от Соцпартии – добиться легализации всех мигрантов в обмен на расширение их прав (в частности, права участвовать в муниципальных выборах)

Характерным является и обещание Олланда скорректировать «план Меркель-Саркози» в сторону его большей «социальной направленности» – что означает продолжение все той же политики по сворачиванию механизмов социального государства. Сама же Франция вследствие этого постепенно теряет свою роль «привилегированного партнера» Германии и ощутимую часть своего «политического веса» в ЕС.

Важнее в этой связи реакция самого французского общества. Как показали последние президентские выборы, французы все менее удовлетворены ложной и навязанной им альтернативой между «правыми» и «левыми» глобалистами, не способными преодолеть острейший внутривнутриполитический кризис – неслучайно, что 2 миллиона голосовавших в прошедшее воскресенье испортили свои бюллетени, а 18 % отдали свои голоса «крайне правой» Марин Ле Пен, с первой попытки заметно превзошедшей высшее «электоральное достижение» своего отца в 2002 году. «Национальный фронт» фактически перестал быть «маргинальным игроком» во французской политике.

Практически все «заинтересованные стороны» сегодня понимают, что новый президент Франсуа Олланд в самое ближайшее время столкнется с рядом проблем, которые будут ухудшаться с каждым днем. Жак Аттали был безусловно прав том, что стране нужен сильный человек, чтобы противостоять будущим событиям. Сумеет ли он удержать бразды правления сложнейшей политической машиной, идущей вразнос? Его личные качества и биография не позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Миссия Франсуа Олланда, по всей видимости – довести политический и социально-экономический кризис до конца, ибо управлять в условиях кризиса он и его партия, будучи весьма щедрыми в популистских обещаниях, очевидно не способны.

С поражением и уходом с президентского поста Саркози исчерпал свой конструктивный потенциал «правоцентризм», закончился «ширакизм» и рассеялись иллюзии относительно самой возможности «неоголлизма». Вместе с пятилетним правлением Олланда, в свою очередь, закончится эра французской «системной левой» – равно как и рассеются окончательно иллюзии, порожденные «эпохой Миттерана». Закончится затянувшийся кризис Пятой Республики, и возникнут предпосылки для формирования на качественно новых основаниях «Шестой Республики». И неизбежно встанет вопрос об политической альтернативе и «третьей силе», которым еще предстоит сформироваться с целью реализации этого масштабного проекта.

Таким образом, закончится многолетнее чередование у власти во Франции «левых» и «правых» глобалистов, и появится шанс у Марины Ле Пен и ее партии. Главным пунктом ее программы является восстановление приоритета национальных интересов в противовес глобалистским трендам с выходом из системы доллар/евро и возвратом к национальной валюте. Эти идеи находят сегодня всё более глубокий отклик у французского общества. Однако появится такой шанс при условии, если Ле Пен и «Национальный фронт» привлечь на свою сторону прогрессивно «тающий» средний класс страны, сформировать вокруг себя дееспособную коалицию из числа «правых», «право-центристских» и даже «умеренно-левых» французских патриотов, способных нейтрализовать «проглобалистские» сегменты соответствующих частей идеологического спектра. В свете этой перспективы выглядит вполне оправданным ее публичный отказ поддержать во втором туре кого-либо из двух прошедших в него кандидатов.

Итоги первых двух лет президентства выглядят для Франсуа Олланда неутешительно. Катастрофически проигранные «правым» муниципальные выборы, обвальное падение персонального рейтинга главы государства, неспособность обеспечить экономический рост при ощутимом росте безработицы, неудавшаяся попытка укрепить свои позиции путем назначения на пост премьер-министра «силовика-харизматика» Мануэля Вальса, досрочно отправленного в отставку. В то же время, развитие кризиса в отношениях России и Запада в связи с ситуацией на Украине и на Донбассе предоставило французскому лидеру шанс компенсировать относительные внутривнутриполитические неудачи успешным осуществлением внешнеполитической посреднической миссией.

После неудачи своей первой посреднической миссии, президент Франции Франсуа Олланд в ходе пресс-конференции в четверг, 5 февраля 2015 года, заявил, что вместе с канцлером Германии Ангелой Меркель отправится во второй половине дня в Киев и в пятницу Москву с тем, чтобы предложить новое решение по урегулированию украинского конфликта. «В Украине война, – заявил президент Французской республики Франсуа Олланд. – Используется тяжелое вооружение, гибнет мирное население». Президент Франции отметил, что введенные в отношении российских чиновников и компаний санкции «не остановили военные действия». По словам Олланда, он вместе с канцлером Германии Ангелой Меркель выступят с новой инициативой, которая привела бы прекращению боевых действий между сепаратистами и украинскими силовиками на востоке страны. «Мы предложим новое решение для урегулирования конфликта. Оно будет основано на уважении территориальной целостности Украины. Мы поговорим

с президентом (Петром) Порошенко сегодня и в пятницу в Москве – с президентом России», – заявил Франсуа Олланд. Глава Пятой республики подчеркнул, что Париж и Берлин выступают скорее за дипломатическое решение, чем за то, чтобы поставлять Киеву вооружения для борьбы с пророссийскими сепаратистами. Помимо поставок Украине оружия, «есть другой путь, нет стопроцентной уверенности, что он будет успешным, но если мы не попытаемся, мы никогда не узнаем. Это путь дипломатии», – заявил Олланд. Но, по его словам, переговоры не могут «продолжаться бесконечно». Президент Олланд также подчеркнул, что «Франция хочет избежать войны в Украине»⁵⁵.

Источник «Интерфакса» в контактной группе по мирному регулированию в Донбассе сообщил, что Франсуа Олланд и Ангела Меркель могут предложить сторонам конфликта «приднестровский сценарий» урегулирования. «Скорее всего, Олланд и Меркель предложат наиболее простой, с точки зрения Европы, выход из сложившейся ситуации. По всей видимости, их план базируется на предоставлении Донбассу так называемого неопределенного статуса, то есть, скорее всего, Европа рассчитывает на приднестровский сценарий урегулирования. По сути, это заморозка конфликта», – заявил источник. Так или иначе, инициатива Меркель и Олланда означает попытку возрождения «нормандского формата» мирного урегулирования ситуации на Донбассе. От успеха этой миссии зависят не только перспективы умиротворения ситуации на Украине и на Донбассе, но и перспективы Франсуа Олланда как европейского политика и лидера своей страны.

Муниципальные и европейские выборы 2014 года во Франции: политическая развилка?

События во Франции, связанные с муниципальными выборами в марте 2014 года и их неожиданными для многих наблюдателей результатами, стали своеобразной политической «развилкой» для страны. Франция — одна из крупнейших европейских стран, и понятно, что результаты муниципальных выборов были весьма интересны на фоне выборов в Европарламент, назначенных на 25 мая того же года.

Первый тур прошёл 23 марта, второй — 30 марта. По итогам первого тура кандидаты от Социалистической партии не смогли получить большинство голосов, набрав 43 %, в то время, как кандидаты от Союза за народное движение получили 48 % голосов, а кандидаты от Национального фронта — 7%. По итогам второго кандидаты от Социалистической партии потеряли управление в 155 городах с населением от

⁵⁵ <http://ru.rfi.fr/ukraine/20150205-olland-i-merkel-vstretyatsya-s-poroshenko-i-putinyim>.

9 тысяч жителей, в том числе в десятке городов с населением больше 100 тысяч человек, что было расценено премьер-министром Эйро как болезненное поражение. Кандидаты от Союза за народное движение получили контроль над рядом ключевых городов, включая Тулузу, Кимпер, Лимож и Сент-Этьен. Но самый большой прорыв совершили кандидаты от Национального Фронта Марин Ле Пен, выигравшие в Безье, Фрежюсе, Тулузе, Сент-Этьене, Анже, Реймсе, Канне, Туре, Лиможе, Амьене, Аржантее и Сен-Поле (Режуньон), а также в седьмом округе Марселя – второго по величине и политической значимости города Франции.

Однако наибольшее значение возникший по итогам выборов прецедент имеет именно для французской политики общенационального уровня. Во Франции до сего дня не было случая, когда муниципальные выборы приводили к смене правительства. Впервые столь радикальные выводы, касающиеся национального уровня политики и управления, были сделаны по итогам голосования на местном уровне. Результаты голосования оказались весьма показательными. Так, если проанализировать уровень активности 788 коммун с числом жителей более 50000 человек (что соответствует 23% всего населения страны), можно увидеть, что абсентеизм достиг рекордного уровня в 58 % от числа жителей, имеющих право голоса. И проявился он главным образом, среди избирателей, два года назад солидарно голосовавших за Франсуа Олланда.

Главный же результат выборов заключается в том, что социалисты впервые за много лет уступили «правым» в тех муниципалитетах, которые традиционно причислялись к числу их электоральных «вотчин». В итоге многие из мэрий, традиционно занимаемых «левыми», перешли под контроль «правых» и, в частности, Союза за народное движение (UMP). С учетом того обстоятельства, что местная (и не только) политика во Франции имеет «клиентелистскую» природу, подобный результат означает настоящую «электоральную катастрофу». Последнее чревато для социалистов потерей значительной части электората и неудачами на следующих выборах.

Другой важный результат прошедших муниципальных выборов – подлинный «электоральный прорыв» крайне «правых» из Национального фронта Марин Ле Пен, которые достаточно успешно и последовательно освобождаются от многолетнего статуса «антисистемной» партии. На сегодняшний день «Национальный фронт» сумел преодолеть условный барьер, до сего времени сдерживавший их активность в масштабах всей страны. Его представители стали мэрами в 13 городах с населением больше 10 тыс. человек. Это беспрецедентный резуль-

тат, поскольку по итогам предыдущих выборов за «крайне правыми» было всего четыре города. На последних выборах показатели «Национального фронта» увеличились более, чем в три раза. Всего же на этих выборах, включая мелкие города и поселки, представители «Национального фронта» заняли 98 постов мэров. Весьма показательным стал завоеванный «крайне правыми» пост мэра в седьмом городском районе «знакового» для партии Марселя, где, как в Лионе и в Париже, где существует особая модель муниципальных выборов.

Таким образом, по итогам прошедших выборов «Национальный фронт» заметно усилили свою политическую субъектность. Более того, теперь у НФ насчитывается более 1,5 тыс. муниципальных депутатов по всей стране. Это означает, что на следующих президентских выборах НФ сможет непосредственно выдвинуть своего кандидата в президенты, не прибегая к коалициям и договорам.

Но главное - прошедшие муниципальные выборы во Франции привели к политическому кризису в стране. Несмотря на частичные успехи (Соцпартии удалось сохранить за собой Париж, мэром которого станет представитель партии Анн Идальго), представители правоцентристской партии «Союз за народное движение» и ультраправый «Национальный фронт» (НФ) с полным правом ощущают себя победителями в масштабах всей страны. Провал социалистов привел к отставке премьер-министра Франции Жана-Марка Эйро 31 марта 2014 года, провалившего заявленную ранее экономическую программу, которого сменил другой партийный выдвиженец, бывший министр внутренних дел Мануэль Вальс. В телеобращении, показанном на национальном телевидении, Олланд высказал надежду, что Вальс «сможет повести правительство в бой»⁵⁶.

8 апреля Национальное собрание парламента Франции выразила вотум доверия правительству Мануэля Вальса — 306 «за», 239 «против». Выступая перед парламентом Вальс призвал коллег «смотреть правде в глаза» и плотно взяться за решение проблем, назвав своей главной задачей «восстановление доверия французов» не только к нынешним властям, но и ко всей политической системе в целом». В свете всего произошедшего личность Вальса заслуживает отдельного рассмотрения.

Мануэль Вальс – правый среди левых, самый правый политик в рядах левой Социалистической партии. Подобную роль некоторое время назад в ней играл Жан-Пьер Шевенеман, известный в партийных рядах технократ, бывший министра обороны и внутренних дел. Кандидатура главы МВД Франции Мануэля Вальса на пост премьер-министра в этой связи очевидна, поскольку должность министра вну-

⁵⁶ Hollande nomme Valls à Matignon et promet des baisses d'impôts // Le Monde. – 2014 – 31 mars.

тренних дел является знаковой для страны. Спонтанное выдвижение Вальса напоминает возвышение Николя Саркози в рядах «умеренно правых» накануне президентских выборов 2007 года, открывшее последнему дорогу в Елисейский дворец. Характерно, что Саркози перед своим президентством занимал пост как раз главы МВД и отличился своей жесткой политикой именно в этой должности. Вальс, подобно Саркози, занимает жесткие позиции по миграционным вопросам, более жесткие, чем Соцпартия и французские «левые» в целом⁵⁷. Вальс обладает высоким рейтингом, и высоки шансы, что он может стать следующим президентом Франции. Его назначение на пост главы кабинета — это еще одно свидетельство поражения французских «левых».

Ставка правящих социалистов на министра МВД Мануэля Вальса — единственный шанс на спасение партийных позиций в ситуации «политического дефолта». Он — единственная фигура в составе Соцпартии, способная противостоять стремительно набирающим популярность евроскептикам и консерваторам. Выдвижение Вальса — проявление эффекта «*deus ex machina*», попытка партии остаться на плаву, выделив внутри себя правый (право-популистский) сегмент, который планируется сделать ядром консолидации для различных партийных фракций. Последнее означает идеологическую исчерпанность социалистов, и равно — острейший дефицит лидерства, проявляющийся в крайне малой популярности действующего президента Франсуа Олланда и большинства претендентов на пост главы партии; показательны в этом отношении уход на вторые роли еще недавно считавшихся «перспективными» Сеголен Руайяль и Бертрана Деланозе, а равно и забвение опального ныне Доминика Строс-Кана.

Социалистическая партия Франция, по всей видимости, окончательно размыла свою идеологию, не имеет новых идей и ярких лидеров и стремительно теряет свой электорат. Стратегия «социального популизма» в версии Олланда очевидно исчерпала себя за три года его президентства. Для ее проведения в жизнь просто отсутствуют необходимые ресурсы. Государственный социализм «по-французски» оказался банкротом.

Помимо этого, левый популизм (в связке с левым либертарианством) не позволяет французский Соцпартии вписаться в глобальный политический и элитарный формат, где ныне господствуют неолиберальные тренды.

Единственный шанс для «левых» устоят и влиться в глобальную элиту — совершить тот самый разворот «вправо». Однако для этого была необходима популярная фигура. Для этой цели социалистам и

57 Бадковский Д. Социалисты Франции сознательно делают ставку на Вальса // Известия. — 2014. — 1 апреля.

понадобился условно «правый» популист- харизматик Мануэль Вальс. Он воплощает собой образ силовика и неидеологизированного прагматика-управленца, с которым связываются надежды на сохранение и укрепление пребывающей в глубоком кризисе Пятой Республики.

Между тем, прогнозы относительно перспектив и возможных свершений недавно сформированного кабинета пока неутешительны. В складывающейся ситуации Вальс, по всей видимости, отдаст приоритет внешним обязательствам перед внутренними интересами и социальными приоритетами социалистов.

Он, по всей видимости, продолжит курс Саркози на укрепление военно-силовой составляющей внешнеполитической мощи Франции, проведение либеральных реформ в экономике, консолидацию остаточного государственного ресурса и политико-административного персонала, ссылаясь на ситуацию «кризиса». Это будет означать разрыв со многими прежде традиционными приоритетами социалистов.

Подтверждение намечающейся «ревизии» – заявленные Вальсом приоритеты политики нового кабинета министров. В своей речи во время церемонии торжественного вступления в должность в Национальном Собрании Франции 8 апреля Мануэль Вальс добросовестно перечислил директивы президента Олланда: «пакт об ответственности» с Движением французских предпринимателей (Medef), «энергетический переходный период» для зелёных и «социальный договор» для народных масс». Все эти меры направлены только на то, чтобы удовлетворить разные группы своих избирателей, и, по мнению Тьерри Мейсана, не представляют собой единый политический курс⁵⁸.

Таким образом, смена правительства, по мнению французского политолога, не является ответом на голосование французов на муниципальных выборах – она соответствует личной стратегии Франсуа Олланда, который постепенно выдаёт свои истинные политические устремления – возобновление колониальной политики и защита интересов Французского Движения предпринимателей (Medef). Последнее выражает интересы крупного капитала (только пятая часть самых крупных предприятий входит в состав этого синдиката). Правый популизм, помноженный на социальную риторику с целью закамуфлировать реализацию «корпоративных» интересов – очевидный «стержень» политики кабинета Мануэля Вальса.

В конечном итоге, французские социалисты после своего очередного прихода к власти фактически завершают процесс демонтажа французского национального суверенитета и самой Пятой Республики при формальном сохранении ее институтов. Очередной цикл политической истории Франции завершается, а способность фран-

⁵⁸ Мейсан Т. Франсуа Олланд раскрылся // <http://www.voltairenet.org/article183219.html>.

цузских граждан влиять на определение своей политической судьбы будет прогрессивно уменьшаться. Политический «декаданс», длившийся в течение нескольких последних десятилетий, придет к своему логическому завершению.

В то же время, серьезным вызовом для этого тренда является успех «Национального фронта» на выборах в Европарламент в 2014 году. Эксперты отмечают первую крупную победу Национального фронта на выборах во Франции и разгромное поражение Соцпартии. Последняя получила голоса всего лишь 13,98 % голосов избирателей, оказавшись, таким образом, на третьем месте. Победу на выборах, как и предсказывали практически все крупнейшие национальные социологические центры, одержал Национальный фронт, сделавший в своей предвыборной пропаганде упор на евроскептицизм. За партию Марин Ле Пен проголосовали 25 % избирателей. Второе место на выборах заняла находящаяся в оппозиции консервативная партия Союз за народное движение (СПД) с 20,8 % голосов. На четвертом месте с 9,93 % процентами «центристы» из Демократического движения Франсуа Байру – что свидетельствовало о некотором снижении уровня электоральной поддержки возглавляемого им объединения.

По мнению наблюдателей, французские избиратели в ходе выборов вновь продемонстрировали своё недовольство правящей партией, а также выразили недоверие к «Союзу за народное движение», который выступал в роли «партии власти» в годы правления Николя Саркози. Кроме того, результаты выборов говорят о весьма скептическом отношении французов к Европе и правящей евробюрократии в ее нынешнем виде. «Результаты выборов - это уже не сигнал тревоги, это потрясение, шок. Послание всем находящимся у власти о том, что необходимо действовать», - прокомментировал ситуацию премьер-министр Франции Манюэль Вальс. В свою очередь, председатель Национального фронта, лидирующего на выборах в Европарламент, потребовала от президента Франции Франсуа Олланда «распустить Национальное собрание и отправить в отставку кабинет министров», что, как и предполагалось, было проигнорировано главой государства. Однако сумеет ли находящийся на подъеме «Национальный фронт» превратиться в «системную альтернативу» своим оппонентам и получить массовую поддержку избирателей – покажет уже ближайшее будущее.

Николя Саркози: к республиканизму без Республики?

Франция в последнее время стала источником целого ряда политических новостей, свидетельствующих о попытке серьезных перемен в имидже и стратегии ведущих политических партий. Одна из таких но-

ностей, внешне не примечательная, все же имеет глубокое символическое значение, поскольку подводит определенный итог под дискуссиями о судьбах пребывающей в глубоком кризисе Пятой Республики и французского республиканизма в частности. Источником новости выступил экс-президент Франции Николя Саркози, который после не слишком удачного президентского срока 2007-2012 годов постепенно укрепляет свои позиции на фоне растущей непопулярности действующего президента Франсуа Олланда и ослабления позиций правящей Социалистической партии. В соответствии с его инициативой, главная оппозиционная партия Франции — «Союз в поддержку народного движения» (СНД, UMP) отныне может получить название упрощенное и менее «популистское» название «Республиканцы». Подобную инициативу Саркози 5 мая текущего года поддержало политбюро партии, 50 членов которого проголосовали «за» при одном воздержавшемся.

Между тем, отношение рядовых членов партии к возможной смене названия не столь однозначно. По данным последних опросов общественного мнения, проводившихся в апреле, 61% сторонников СПНД полагают, что партии не следует менять название, а 56% отдают предпочтение привычной аббревиатуре.

Каков же смысл подобной инициативы? По мнению Саркози, переименование партии создаст ей новый имидж с прицелом на предстоящие избирательные кампании, и прежде всего на президентские выборы 2017 года, на которых он рассчитывает стать кандидатом от «правоцентристов». По мнению заместителя председателя партии Натали Костюшко-Моризе, новое название предполагает «полное обновление» партии, которая в своем прежнем виде «не оправдала ожиданий французов и своих активистов» за тринадцать лет своего существования и десять лет пребывания в статусе правящей партии.

Таким образом, находящийся в оппозиции СПНД пытается с помощью своеобразного ребрендинга некоторым образом снять с себя ответственность за не слишком удачное десятилетие пребывания у власти. Осталось уточнить в этой связи, какого рода трансформация имеется в виду, и как выглядит она в более широком политическом контексте, связанном с глубоким кризисом институтов Пятой Республики. И главное – что означает она в категориях символической политики?

Основной парадокс ситуации состоит в том, что сегодня у Саркози и его единомышленников, претендующим на определенную «премьерственность» по отношению к «правоцентристскому» наследию и прежде всего к наследию Шарля де Голля как основателя Пятой Ре-

спублики, не осталось практически ничего от того, с чем изначально связывалась республиканская идея.

Созданная в ответ на масштабный кризис послевоенной Четвертой республики благодаря его незаурядной харизме и политической воле генерала де Голля Пятая Республика обеспечила Франции, определив при этом характерные черты и атрибуты французской модели политической жизни на несколько десятилетий:

- Своеобразная республиканская монархия, которая примирила монархию и демократию, два антагонистических принципа эпохи Великой Французской Революции;

- Идея «великой Франции», которая соединила величие как аристократический по своему происхождению принцип с многовековой идеей «народности», которая воплотилась в идеологии республиканизма;

- Идея национального суверенитета, которая в интерпретации де Голля имела не только внешнеполитическое, но также надклассовое и надпартийное содержание, сплачивая таким образом народ и нацию;

- Эгалитаризм, который сочетался со своеобразной моделью «республиканской меритократии» (феномен энархии и *grandes écoles*, формировавших и формирующих политическую элиту Республики);

- Озабоченность мощью и престижем страны, которые должны были проявляться на всех уровнях;

- Приоритет политики над экономикой, когда последняя превращалась в средство обеспечения национального престижа;

- Управление экономикой государством по согласованию с социальными партнерами;

- Решительное законодательное и административное противодействие корпоративизму любого рода (до 1991 года во Франции юридически отсутствовало такое явление, как лоббизм);

- Сосуществование масштабного публичного сектора и частного сектора, пользующегося поддержкой государства;

- Прием иностранцев и особенно тех из них, кто называет себя беженцами, при условии их социальной и культурной ассимиляции;

- Лаицизм, сочетающийся с пиететом по отношению к наиболее значимым традиционным конфессиям (иудаизм, ислам, но прежде всего – католицизм, с которым частью элиты увязывается историческая идентичность Франции); в эту модель вполне органично вписывается выпускник иезуитского колледжа де Голль с его глубокой религиозностью и неприязнью к ценностям якобинства;

В кризис и происходящий на наших глазах распад этой модели внесли свой вклад ключевые фигуры как из числа «правых», так и из числа «левых» французских политиков. Франсуа Миттеран, Жак Ширак,

Николя Саркози и Франсуа Олланд – правление каждого из них стало вехой в процессе плавного демонтажа Пятой Республики.

Миттеран, не преуспев после 1981 года в заявленных им масштабных реформах в духе «французского социализма», подорвал доверие общества к самой идее «левой модернизации».

Ширак, имитируя высокий стиль и величие, не решился на необходимые стране политические и социально-экономические реформы, эксплуатируя голлистское наследие в своих собственных интересах. У немалой части французов именно с его фигурой связывается итоговая «сдача национальных интересов Брюсселю».

Саркози (тот самый «Правый, который не любит Францию» - название одной из посвященных ему книг) – в течение своего пока единственного президентского срока потерпел неудачу с попыткой «праволиберальной модернизации» по заветам Жака Аттали, продолжил уступки брюссельской элите ради «спасения ЕС» и интеграции в глобальные структуры, вернул Францию в военную структуру НАТО и попытался покончить с анахронизмами наподобие «французского социализма» и эгалитаризма.

Олланд довершил разрушение иллюзий относительно возможностей «левого республиканизма», продвигая леволиберальные ценности и довольно спорные проекты в духе «левого глобализма» и «социально ориентированной евроинтеграции». Тем самым он лишь содействовал углублению кризиса институтов Пятой Республики, ослабив президентскую власть и согласившись под нажимом обстоятельств на продолжение демонтажа институтов социального государства.

Пытающемуся вернуться в большую политику Николя Саркози в этом процессе досталась своеобразного «ревизора» – он не просто пытается переименовывать партию, но проводит ревизию оставшегося символического и политического капиталов Пятой Республики, трансформируя их и превращая в инструмент для реализации совсем иных целей, связанных с интеграцией связанного с ним сегмента французской элиты в глобальное сообщество. Цена вопроса при этом уже второстепенна.

Проведенная «ревизия» принесла неутешительные результаты, не обнаружив ни полноценного суверенитета, ни заявленного равенства, ни сильного лидерства, ни подлинного величия. Как результат у Саркози и поддерживающих его инициативу однопартийцев получается своеобразный республиканизм без Республики - ибо политическое наследие и принципы голлизма, положенные в основу Пятой Республики, на сегодняшний день успешно использованы и по факту отброшены.

Последнее, впрочем, неудивительно. Целью находящихся в оппозиции «правоцентристов», как и правящих социалистов является не столько модернизация страны, сколько модернизация французской элиты с целью интеграции последней в мировое элитное сообщество. А при таком подходе республиканизм, как и любая иная фундаментальная политическая идея, неизбежно превращается в симулякр. Ибо «идеологических конструкторов» и масштабных системных преобразователей, подобных генералу де Голлю, просто не востребует постмодернистское общество. С закатом «высокого политического стиля» заканчивается и эра величия Пятой республики, грозя оставить после себя погруженные в глубокий хаос государственную и политическую системы. Именно в этом и состоит символический смысл инициативы по переименованию партии Николя Саркози – того самого прагматичного политического менеджера, который, по всей видимости, призван подвести итоги «великой эпохи».

Франция на пороге политической «ревизии»: трудная судьба Пятой Республики

Франция в последнее время стала источником целого ряда политических новостей, свидетельствующих о попытке серьезных перемен в имидже и стратегии ведущих политических партий. Одна из таких новостей, внешне не примечательная, все же имеет глубокое символическое значение, поскольку подводит определенный итог под дискуссиями о судьбах пребывающей в глубоком кризисе Пятой Республики и французского республиканизма в частности. Источником этой новости выступил экс-президент Франции Николя Саркози, который после не слишком удачного президентского срока 2007-2012 годов постепенно укрепляет свои позиции на фоне растущей непопулярности действующего президента Франсуа Олланда и очевидного ослабления правящей Социалистической партии. Главная оппозиционная партия Франции — «Союз в поддержку народного движения» (СПНД, UMP) отныне может получить название упрощенное и менее «популистское» название «Республиканцы». Подобную инициативу Саркози 5 мая текущего года поддержало политбюро партии, 50 членов которого проголосовали «за» при одном воздержавшемся.

Каков же смысл подобной инициативы? По мнению Саркози, переименование партии создаст ей новый имидж с прицелом на предстоящие избирательные кампании, и прежде всего на президентские выборы 2017 года, на которых он рассчитывает стать кандидатом от «правоцентристов», ревизовав политическое наследие Пятой Республики.

Сомневаться в собственном величии и возможностях – характерно для французов. Паскаль Гошон в своем исследовании анализирует, как изменялся геополитический вес Франции в разные периоды ее истории. По мнению исследователя, глубокие изменения политического «веса» страны – от общеевропейской Империи до политической аннигиляции – в итоге предопределили «срединную» позицию Франции между великими и средними державами⁵⁹. Будучи великой в масштабах Европы, она обладает средним либо малым политическим «весом» в масштабах всего мира. И если для Германии большое значение имеют воспоминания о временах «пангерманизма» (пусть и в критическом ключе), то для Франции по сию пору живы воспоминания о «Великой Нации» 1789 года и тех революционных идей, которые она тогда провозгласила.

По мнению Паскаля Гошона, несмотря на сегодняшний статус Франции как «средней» державы, она сохранила значительное геополитическое наследие. Именно поэтому она является не просто «средней державой», но «великой средней державой». Именно это обстоятельство, согласно Гошону, определяет своеобразие геополитического положения страны⁶⁰.

В свою очередь, в докладе, сделанном зимой 2013 года в Институте Франции, Жан-Луи Буланже, многолетний депутат парламента от «центристов», впервые с момента заключения Маастрихтского договора попытался осмыслить эволюцию содержания французских внешнеполитических стратегий.

В этой связи он упомянул утраченные колониальные амбиции Франции, которая еще в 1763 году уступила Англии свое верховенство над Европой, равно как и утратила свою первую колониальную Империю.

С этого момента, по мнению Буланже, французы постоянно колебались в выборе своих внешнеполитических ориентиров. К числу колеблющихся, по его мнению, относился в том числе и Шуазель, знаменитый министр Людовика XV, который в свое время мечтал о реванше, героизме, культурной «исключительности» и стремился поставить Францию в один ряд с великими мировыми державами, имея ввиду прежде всего Англию и только еще поднимающиеся Соединенные Штаты. К этой же традиции «национального величия», по словам Буланже, относились Наполеон Бонапарт, Виктор Гюго, Шарль де Голль и наш современник Доминик де Вильпен.

Другую линию во французской политике, по мнению Буланже, представлял Талейран, наполеоновский министр иностранных дел, кото-

59 Gauchon P. *Géopolitique de la France*. - Plaidoyer pour la puissance. – Paris: PUF, 2012. – P. 21.

60 Gauchon P. *Géopolitique de la France*. – P. 21.

рый после падения Империи предпочитал говорить не о «величии», а о многосторонней кооперации, равновесии и европейском «концерте».

Эту стратегию, как полагает Буланже, также воплотили в своей деятельности король Луи-Филипп Орлеанский, Аристид Бриан (в период между двумя мировыми войнами), а позднее – Робер Шуман. Последний ставил своей целью сдерживать двух, по его мнению, наиболее серьезных геополитических «противников» Франции – Германию и СССР. Создание объединенной Европы, возникшей на руинах Второй Мировой войны, было вдохновлено именно этой традицией.

С этого момента подход французов к европейскому строительству является, по Буланже, сдержанно-осторожным, и предполагает осторожное отношение к любым интеграционным проектам, затрагивающим национальный суверенитет⁶¹.

Проведенная «ревизия» принесла неутешительные результаты, не обнаружив ни полноценного суверенитета, ни заявленного равенства, ни сильного лидерства, ни подлинного величия. Вместо этого, увы, происходит поэтапная сдача позиций во внутренней политике и экономике при нарастающем дефиците ресурсов для внутреннего развития. Франция уходит от наследия де Голля и возвращается к идеям Жана Монне – который был не только видным идеологом европейской интеграции на заре этого процесса, но и сторонником атлантистской ориентации Франции, поскольку считал свою страну изначально слабой политически и экономически настолько, что это не позволяет ей претендовать на самостоятельную роль на международной арене.

Как результат у Саркози и поддерживающих его инициативу однопартийцев получается своеобразный республиканизм без Республики – ибо политическое наследие и принципы голлизма, положенные в основу Пятой Республики, на сегодняшний день успешно использованы и по факту отброшены.

Последнее, впрочем, неудивительно. Целью находящихся в оппозиции «правоцентристов», как и правящих социалистов является не столько модернизация страны, сколько модернизация французской элиты с целью интеграции последней в мировое элитное сообщество. Характерно при этом, что большинство французов не доверяют Саркози как политику – по данным недавних социологических опросов, против его участия в предстоящих выборах президента Франции в 2017 году высказались 70 % опрошенных респондентов. Но означает ли это, что политический проект Саркози обречен на неудачу – покажет лишь ближайшее будущее.

61 См.: Leparmentier A. Envie de rien, besoin d'Europe // Le Monde. – 2013. – 23 Mai.

Франция: террористический вызов и конституционные изменения

Беспрецедентные по своему масштабу теракты в Париже, унесшие жизнь 130 граждан, безусловно, в корне изменили публичную повестку страны, побуждая все основные политические силы так или иначе реагировать на произошедшие события. В ситуации столь масштабного и шокирующего политического вызова французская власть должна была предложить жесткий и асимметричный ответ, осуществив быстрый переход из пространства символической политики в пространство конкретных действий. Первое ей практически удалось, со вторым дела обстоят куда как сложнее. Наибольшее значение в этой связи имела реакция Президента Французской Республики, Уже в понедельник 16 ноября Олланд выступил перед обеими палатами парламента (Национальной Ассамблеей и Сенатом) на чрезвычайном заседании в Версальском дворце с целью «подчеркнуть национальное единство перед лицом омерзительного преступления». Глава государства сделал акцент на необходимости пересмотра Конституции в целях более эффективной борьбы с терроризмом, причем призвал сделать это в кратчайшие сроки.

По мнению Президента Франции, 36 статья Конституции страны, определяющая порядок введения в стране осадного положения, и статья 16, касающаяся случаев неизбежной опасности, вооруженного восстания или иностранного вторжения, не приспособлены к ситуации, с которой столкнулась Франция. Благодаря реализации этих инициатив, Елисейский дворец, таким образом, рассчитывает создать «гражданский режим управления кризисной ситуацией, позволяющий реализовать исключительные меры, не препятствующий осуществлению публичных свобод, исключая строгие ограничения, необходимые для обеспечения национальной безопасности». В свою очередь, премьер-министр Франции Мануэль Вальс развил президентские инициативы, внеся от имени кабинета законопроект о возможности продления чрезвычайного положения в стране до трех месяцев (действующий закон 1955 года, принятый в ситуации войны в Алжире, допускает его введение только на 12 дней).

Подобная модификация Конституции, по замыслу ее инициаторов, призвана содействовать в создании «режима, позволяющего управлять государством в ситуации кризиса». В свою очередь, необходимость изменения закона о чрезвычайном положении, по объяснению самого Олланда, связано с тем, что закон 1955 года «не соответствует уровню развития современных технологий и масштабу тех угроз, с которыми столкнулась Франция». Действительно, прежний

закон предполагает лишь домашние аресты и розыскные мероприятия в отношении подозреваемых лиц. Президент же Франции намерен придать законодательству о чрезвычайном положении «силу и весомость», существенно расширив его правовое содержание. Следует напомнить, что еще в 2007 году Комитет Балладюра предлагал вписать норму о чрезвычайном положении в статью Конституции об осадном положении – что придавало бы этому закону конституционный характер и позволяло бы продлевать действие режима чрезвычайного положения на длительные сроки. Однако восемь лет назад эта новация была отвергнута, что не мешало вводить режим чрезвычайного положения в отдельных частных случаях – как произошло, например, в 1985 году в отношении Новой Каледонии.

В последний раз чрезвычайное положение вводилось во Франции в 2005 году президентом Жаком Шираком после десятидневных выступлений иммигрантской молодежи в парижских пригородах, и его действие было распространено на 25 департаментов Франции. В итоге режим чрезвычайного положения был продлен до 4 января 2006 года, вследствие опасений дальнейших потрясений во время рождественских праздников. Сегодня же прецедент десятилетней давности пытаются возвести в закон, существенно изменяющий весь правопорядок.

Президентские инициативы и предлагаемые юридические новеллы вызвали вопросы и у представителей экспертного сообщества. Специалистами по международному праву, в частности, было отмечено, что в соответствии с международно-правовыми принципами, лишение гражданства не допускается в качестве меры ответственности за преступления, что закреплено в Конвенции ООН по правам человека. Расширение же рамок чрезвычайного законодательства традиционно воспринимается многими во Франции как покушение на автономию публичного пространства, и лозунг студенческих протестов 2005 года «Закон – ничто, полиция – все!» достаточно твердо закрепился в сознании французского общества.

В то же время, балансирование французского государства на грани выхода за рамки конституционного поля – феномен, хорошо известный французским правоведам, и связанный с общей гипертрофией государственного начала в истории Франции, истоки которой восходят к эпохе Великой Революции, что подметил в свое время Алексис де Токвиль.

Конституционная реформа Олланда, фактически нацеленная на создание нового правового режима, по своему замыслу выходит достаточно далеко за рамки этого «балансирования на грани». Принесут ли эти новации позитивный результат, и обеспечат ли они в итоге

Франции стабильный и устойчивый политический и правовой порядок – пока далеко не ясно.

Во-первых, необходимо помнить о том, что для эффективного противодействия терроризму внести изменения в Конституцию – но необходимо изменить весь порядок деятельности французского государства, переживающего длительный и глубокий кризис. Однако французские социалисты начиная с 2012 года проявили себя как весьма неважные менеджеры, усугубив общую ситуацию в экономике и состоянии социальной сферы, и практически ничем не укрепив силовую и административную составляющую государственного механизма. Ослабленное же многолетним кризисом институтов Пятой Республики государство едва ли сможет успешно противостоять деятельности глобальной террористической сети, на глазах всего мира атаковавшей Францию.

Кроме того, для успешного осуществления решительных и эффективных действий против террористов необходима консолидация французской элиты вокруг действующей власти с забвением на время всех межпартийных споров и расхождений. Однако, как показали выступления представителей различных политических сил в ответ на речь Франсуа Олланда, многие из них усмотрели в инициативах президента покушение на собственные электоральные интересы и на сложившуюся во Франции модель сдержек и противовесов во властном механизме. И если депутаты и сенаторы от Социалистической партии, консолидирующиеся сегодня вокруг президента, оценили его речь сугубо комплиментарно, то «правые» (как «Республиканцы» Николя Саркози, так и представители «Национального фронта» Марин Ле Пен) подвергли главу государства критике за непоследовательность и бессистемность, попутно упрекнув его за отсутствие в речи самого термина «исланизм» и за отказ говорить о «миграционной угрозе». Наиболее саркастической выглядит реплика в Твиттере известного левого радикала, троцкиста Жана-Люка Меланшона, который расценил инициативы Олланда как «поразительный вклад в воображаемую безопасность». Таким образом, хотя бы минимально консолидировать вокруг себя политических оппонентов и конкурентов президенту Франции не удалось.

Наконец, нет полной уверенности в возможности консолидации вокруг действующего президента и его сторонников самого французского общества, в котором отчуждение от власти, копившееся в течение нескольких последних десятилетий, именно в правление социалистов достигло едва ли не апогея. Комфортное существование французского государства с его «автономной логикой»,

все менее соотносящейся с интересами меняющегося общества, в свете произошедшего несколько дней назад в Париже едва ли далее допустимо. Для того же, чтобы преодолеть эффект «блокированного общества», расколотого в идеологическом и социальном плане, президенту Олланду и его партии необходимо радикально пересмотреть свою прежнюю политическую стратегию, сдвинувшись по основным политическим позициям вправо. Косметическая «правизна», выразившаяся в назначении в 2014 году на пост премьер-министра харизматичного экс-главы МВД Мануэля Вальса, выглядит сегодня очевидно недостаточной. Способны ли французские социалисты превратиться из не слишком умелых «лис» в решительных «львов», приведя в движение долго сбоившие политические механизмы, остается вопросом.

В то же время, если заявленные Олландом с трибуны Версальского дворца радикальные меры противодействия террору не принесут ожидаемого результата, реакция французов может быть достаточно жесткой и непредсказуемой. Последнее приведет не только к политическому банкротству Социалистической партии, но может повергнуть в глубокий кризис французское общество и государство. Конституционная «революция», обернувшись симулякром, способна привести к дефолту политической системы страны, к тому, что Жозеф де Местр в свое время назвал «ничтожностью правления».

ГЛАВА 3.

«ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКИЙ ТАНДЕМ»: ОТ ИСТОРИЧЕСКИХ СПОРОВ - К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ

Германия и Франция: спор о «пространстве» и «территории» в контексте европейской геополитики

Взаимоотношения Германии и Франции во многом определяют перспективы будущей «единой Европы». Последнее становится все более очевидным в условиях современного европейского кризиса, который охватил не только сферу финансов, но также институты, и механизмы и положенные в основу европейского проекта ценности. В то же время, именно Германия и Франция являют собой пару исторически взаимосвязанных партнеров-антагонистов, отличающихся друг от друга по целому ряду политических, социально-экономических и культурно-идентификационных характеристик.

Помимо этого, между Берлином и Парижем существуют давние и глубокие расхождения в базовых геополитических концептах, с которыми тесно связаны стратегии национально-государственного строительства обеих стран. Подобные расхождения сохраняются и сегодня. Подтверждением тому – дискуссии 1990-х годов между германскими и французскими экспертами по вопросам геополитики в Бонне.

«Французский институт» в Германии организовал в 1994 году визит видных французских геополитиков, представляющих журнал «Геродот», в Бонн, тогда еще являвшийся официальной столицей объединенной Германии⁶². Характерно, что по сей день в парке напротив института стоит памятник видному немецкому мыслителю, идеологу германского национального единства Францу Морицу Арндту, на постаменте которого можно прочесть слова: «Рейн, река Германии, но не граница Германии».

Темой упомянутого немецко-французского семинара стало характерное заглавие-лозунг: «За новый геополитический анализ. Нация и Территория».

Предвосхищая изложение основного содержания дискуссии, следует напомнить, что французские авторы предпочитают подчеркивать системный характер французской политической географии, и одно-

⁶² Sprengel R. *Französische Geopolitik in Bonn // Welttrends*. – 1994. – Nr. 4. – S. 181.

временно – эклектичный характер немецкой геополитической мысли (неслучайно, по сию пору в Германии отсутствуют явления, подобные «Геродоту»). В итоге боннский диалог о политическом пространстве, его судьбе и смысле, получился насыщенным и напряженным.

Так, главный редактор журнала «Геродот» Ив Лакост предпочитает определять себя не в качестве геополитика, но политического географа, ведущего свои исследования на «стыке» географии и истории. В своем боннском докладе «Что такое геополитический анализ?» Лакост выразил глубокое удивление тем, что в Германии, как только дело касается геополитики, речь сразу же заходит о некоем «пространстве». По мнению французского исследователя, речь сегодня должна идти не о такой бессодержательной и абстрактной категории, как «пространство» - но о «территории», которую следует рассматривать в качестве ключевого понятия геополитического анализа. В современном контексте «территория», согласно Лакосту, должна рассматриваться в связи с самосознанием определенного политического сообщества, которое рассматривает саму эту территорию в качестве ключевого компонента собственной (территориальной) идентичности. Самосознание нации, в конечном итоге, представляет собой важнейшую форму, через которую манифестирует себя современное сообщество. Как полагает Лакост, со связкой «территория – политическое самосознание» неразрывно связано три других значимых понятия геополитического анализа – «представительство», «соперничество властей за контроль над территорией» и «политическое участие граждан».

По мнению Лакоста, в современных условиях задач геополитики следует определить «анализ соперничества между различными типами властных инстанций (*pouvoirs*) на территории»⁶³.

В свою очередь, коллега Лакоста по «Геродоту» Этьен Сюр в своем представленном на боннском семинаре докладе «Земля как геополитическая ставка» пояснил, что геополитический анализ территории не связан неизбежно с вопросом о «географических отношениях». Вопрос же о «географических отношениях» - это, в первую очередь, вопрос о самом возможном состоянии геополитического анализа, который вырабатывает определенную стратегию создания предпосылок для политического представительства.

Постоянный автор «Геродота» Беатрис Гиблен в своем обзорном докладе «Проблемы геополитики во Франции» рассказала о ключевых властных стратегиях и проектах вкупе с их материальными субстратами, которые нацелены на достижение политического, экономического и

63 Lacoste Y. Für eine neue und umfassende Konzeption der Geopolitik // Welttrends. – 1994. – Nr. 4. – S. 24; См.: также: Lacoste Y. La géopolitique et le géographe. Entretiens avec Pascal Lorot. – Paris: Choiseul éditions, 2010.

культурного господства, а также на создание различных моделей организации и влияния в разных частях Земли. Подобные стратегии, по ее мнению, придают реальность как отдельным территориальным единицам, так и нации в целом. По мнению Гиблен, «конкуренция властей за территорию тесным образом связана с понятием «представительства».

По мнению Гиблен, представительство, которое придает определенные конфигурации нации и территории, как правило, связана с определенными конкурирующими друг с другом проектами и стратегиями. При этом ни «немцы» или «французы», но именно «Германия» или «Франция» реализуют сегодня комплексные властные стратегии. В данном случае о них говорится как о конфигурированных «внутри» и «вовне» группах, причем оба этих уровня «перекрещиваются» и динamизируют друг друга⁶⁴.

По мнению Гиблен, соперничество за территории должно быть публичным и транспарентным, содействуя конвергенции интересов ориентированных на демократические ценности граждан. При этом последние не должны являться объектом тайных соглашений между политическими, экономическими и военными элитами. И только в контексте демократической культуры может быть концептуализирован геополитический анализ, не подчиняя этот процесс диктату идеологии. В конечном итоге, Гиблен убеждена, что не геополитика и война, но геополитический анализ и гражданство неотделимы один от другого⁶⁵.

Каким образом базовые установки французских и немецких исследователей экстраполируются на практическую геополитику в рамках ЕС? Немецкие интеллектуалы неоднократно высказывали свои критические суждения относительно будущего Союза в контексте геополитики. Так, предметом беспокойства для Юргена Хабермаса и Ульриха Бека в свое время стала перспектива создания «немецкой Европы», облачающейся в одежды «Merkiavel»⁶⁶.

В то же время Германия, стремящаяся к последовательному усилению структур Евросоюза, проводит достаточно гибкую и сбалансированную политику, говоря о необходимости построения европейской федерации, интегрирующей существующие региональные и национально-территориальные общности на основе принципа «единства в разнообразии». Она **все активнее предлагает объединенной Европе базовые принципы собственной федеративной модели**, среди которых — реальное самоуправление территорий, кооперативный харак-

64 Sprengel R. *Französische Geopolitik in Bonn*. - S. 183.

65 Giblin B. *La région, territoires politiques*. Le Nord-Pas-de-Calais. - Paris: Fayard, 1990.

66 Habermas J. Ach, Europa. - Frankfurt am Main, 2008; Beck U. *Das deutsche Europa. Neue Machtlandschaften im Zeichen der Krise*. - Berlin: Suhrkamp, 2012. - S. 31; См. также: Leparmentier A. *Merkiavel* va nous sauver de Merkel // Le Monde. - 2013. - 15 Mai.

тер отношений Центра и регионов, субсидиарность, солидарность, учет исторически сложившейся культурной специфики регионов, социальная направленность и другие⁶⁷.

Французские интеллектуалы несколько отставали от своих немецких коллег в этом отношении, и их прогнозы были более сдержанными и осторожными. В экспансии ЕС многие из них усматривали возможный ущерб для начал французского суверенитета и идентичности, угрозу принципам единой и неделимой Республики. Определенный прорыв произошел в период президентства Николя Саркози, пошедшего на глубокое сближение с Берлином по вопросам европейской интеграции, благодаря чему стали возможными и Лиссабонский договор 2008 года, и «пакт Меркель-Саркози». Однако очередная смена лиц в Елисейском дворце несколько спутала эти планы. В итоге Франция, сохраняя евроинтеграционную риторику, снова сосредоточилась на внутренних проблемах.

Где лежат истоки конкуренции между французскими и германскими властно-политическими стратегиями, столь сильно влияющей на определение общеевропейских перспектив? И почему столь сильно разошлись немецкий и французский подходы к обустройству единой Европы? Для того, чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо обратиться к весьма непростой истории взаимоотношений двух ведущих европейских держав.

Обобщая существующие во Франции подходы в русле политической географии, Эмерик Шопрад, известный как сторонник геополитического союза по оси «Париж-Берлин-Москва», выдвинул в свое время концепцию «территориальности». Последняя указывает на то влияние, которое территория оказывает на политический выбор руководителей страны. При этом не следует понимать данное понятие как проявление «географического детерминизма». Речь в данном случае идет о своеобразном «духе мест», который в большей степени является производным от исторического наследия страны, нежели от ее природно-географических условий. Данная установка следует подходу основателя французской географической школы Поля Видаль де ла Блаша, основоположника так называемой «географии человека». По мнению Э. Шопрада, существует особый французский «дух мест», который определяет базовые ориентиры внутренней и внешней геополитики Франции. Императивы последней объясняются географией, но в равной степени – и историей страны⁶⁸.

67 Sachs M. Deutscher Foederalismus und europaeische Integration // Hirscher G. (Hrsg.). Die Zukunft des des kooperativen Foederalismus in Deutschland. – Bayreuth: Hans Seidel Stiftung, 1991. – S. 167-172.

68 Chauprade A. Géopolitique: Constantes et changements dans l'histoire. – Paris, 2007.

Эта черта — явная или скрытая полемика с германской концепцией «пространства» — является характерной в целом для французских подходов первой половины XX века к проблемам геополитики. Именно в оппозиции к германской геополитике развивалась французская интерпретация современных геополитических аспектов международных отношений. Если в центре концепции Ратцеля были понятия пространства, географического положения государства и связанное с «потребностью в территории» понятие «чувство пространства», то Видаль де ла Блаш в центр своей концепции поставил человека, став основателем «антропологической школы» в политической географии — своеобразного французского альтернативного варианта осмысления геополитических проблем.

Развивая этот подход, Паскаль Гошон в своем исследовании анализирует, как изменялся геополитический вес Франции в разные периоды ее истории. По мнению исследователя, глубокие изменения политического «веса» страны — от общеевропейской Империи до политической аннигиляции — в итоге предопределили «срединную» позицию Франции между великими и средними державами⁶⁹. Будучи великой в масштабах Европы, она обладает средним либо малым политическим «весом» в масштабах всего мира. И если для Германии большое значение имеют воспоминания о временах «пангерманизма» (пусть и в критическом ключе), то для Франции по сию пору живы воспоминания о «Великой Нации» 1789 года и тех революционных идей, которые она тогда провозгласила.

По мнению Паскаля Гошона, несмотря на сегодняшний статус Франции как «средней» державы, она сохранила значительное геополитическое наследие. Именно поэтому она является не просто «средней державой», но «великой средней державой». Именно это обстоятельство, согласно Гошону, определяет своеобразие геополитического положения страны⁷⁰.

В свою очередь, в докладе, сделанном зимой 2013 года в Институте Франции, Жан-Луи Буланже, многолетний депутат парламента от «центристов», впервые с момента заключения Маастрихтского договора попытался осмыслить эволюцию содержания французских внешнеполитических стратегий.

В этой связи он упомянул утраченные колониальные амбиции Франции, которая еще в 1763 году уступила Англии свое верховенство над Европой, равно как и утратила свою первую колониальную Империю.

С этого момента, по мнению Буланже, французы постоянно колеба-

69 Gauchon P. *Géopolitique de la France*. - Plaidoyer pour la puissance. - Paris: PUF, 2012. - P. 21.

70 Gauchon P. *Géopolitique de la France*. - P. 21.

лись в выборе своих внешнеполитических ориентиров. К числу колеблющихся, по его мнению, относился в том числе и Шуазель, знаменитый министр Людовика XV, который в свое время мечтал о реванше, героизме, культурной «исключительности» и стремился поставить Францию в один ряд с великими мировыми державами, имея ввиду прежде всего Англию и только еще поднимающиеся Соединенные Штаты. К этой же традиции «национального величия», по словам Буланже, относились Наполеон Бонапарт, Виктор Гюго, Шарль де Голль и наш современник Доминик де Вильпен.

Другую линию во французской политике, по мнению Буланже, представлял Талейран, наполеоновский министр иностранных дел, который после падения Империи предпочитал говорить не о «величии», а о многосторонней кооперации, равновесии и европейском «концерте».

Эту стратегию, как полагает Буланже, также воплотили в своей деятельности король Луи-Филипп Орлеанский, Аристид Бриан (в период между двумя мировыми войнами), а позднее – Робер Шуман. Последний ставил своей целью сдержать двух, по его мнению, наиболее серьезных геополитических «противников» Франции – Германию и СССР. Создание объединенной Европы, возникшей на руинах Второй Мировой войны, было вдохновлено именно этой традицией.

С этого момента подход французов к европейскому строительству является, по Буланже, сдержанно-осторожным, и предполагает осторожное отношение к любым интеграционным проектам, затрагивающим национальный суверенитет⁷¹.

В свою очередь, немецкий подход к проблемам строительства Единой Европы был более противоречивым и сложным, что предопределялось сложной эволюцией германской внешнеполитической стратегии.

Так, германский исследователь Отто Данн, рассуждая о проблеме восприятия национальной территории в немецкой истории XIX-XX веков утверждает, что в немецкой истории 1813-1990 годов, оцениваемых автором как единый период, в отношениях между нацией и территорией присутствовала одна специфическая дилемма. Последняя была связана с неясностью вопроса о соотношении между собственно нацией и территорией, которая впоследствии переросла в имперскую традицию⁷². Нация и территория в немецкой мысли долгое время рассматривались в отрыве друг от друга, что привело к конкуренции между «великогерманской» и «малогерманской» стратегиями. И если «великогерманцы» (*Grossdeutsche*) — стремилась к объединению Германии на федеративном основании, включая Ав-

71 См.: Leparmentier A. *Envie de rien, besoin d'Europe* // *Le Monde*. – 2013. – 23 Mai.

72 Dann O. *Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770 – 1990*. – München, 1993. – S. 124-168, 197-218.

стрию, в крайнем случае, даже с негерманскими ее провинциями, в рамках так называемой семидесятимиллионной державы, то целью «малогерманской» партии целью было объединение Германии с Пруссией во главе и с исключением Австрии; последнее было достигнуто в результате побед прусского оружия 1866 и 1870 годов.

В конечном итоге, идея пространственной экспансии победила идею этно-территориальной гомогенности. Имперский принцип в итоге возоблада, заместив на долгое время саму идею национальной государственности. Будучи соединенным с идеей «жизненного пространства» и экспансии, он приведет к достаточно драматичным геополитическим последствиям уже в XX столетии.

В этой связи следует напомнить, что Германия, заметно позже Франции пришедшая к решению проблем национально-государственного самоопределения, пережила сложное и противоречивое развитие геополитической традиции. Немецкое национальное «пробуждение» было связано с Великой Французской революцией. Революционные войны после 1792 года вызвали во всей Европе не только революционные ожидания, но и одновременно с этим – рост национального самосознания, идею борьбы за права немецкого народа, которая нередко принимала форму национализма, первоначально преследовавшего культурные цели. Главным вопросом этой эпохи был вопрос об историческом месте немцев среди других народов, и решался он в «культуроцентричном» духе без масштабных политических рефлексий.

Так, окончательное крушение Священной Римской Империи Германской Нации в годы побед революции (1794-1806) было встречено интеллектуальными кругами Германии с полным равнодушием. Своеобразной моральной компенсацией за это стало освобождение «жизненных сил» немецкого народа. При виде произошедшей катастрофы великий Генрих Шиллер утешал себя мечтой о культурной силе германского народа, не зависящей от судьбы его правителей. В сходном ключе рассуждал великий современник и соотечественник Шиллера – Иоганн-Вольфганг Гете. Залогом единства немецкого народа он считал немецкий язык и культуру, распространению которой он уделял особое внимание. Характерно, что уже тогда Гете говорил об исторической миссии немецкого народа, связанной не с государственностью, но с культурой: «Германия – ничто, но каждый германец в отдельности значит много... Надо, чтобы германцы рассеялись и были рассеяны, как евреи, для того, чтобы к благу всех наций и во всей силе развить ту массу добрых качеств, которые заложены в них самих».

Продолжателем идей Гете и Шиллера в философии выступил выдающийся немецкий философ и историк Иоганн-Готфрид Гердер (1744-

1803), выразивший свои взгляды в «Идеях к философии истории человечества» (1784-1791 гг.). Философия Гердера основана на идее, что человечество в своем развитии закономерно приходит к гуманизму, то есть к совершенному порядку социально-политического устройства и отношений между людьми. Историческое развитие имеет прогрессивный, восходящий характер, который ведет его к идеалу, но не напрямую, а через эпохи, выразителями духа которых были отдельные выдающиеся народы (Египет, Персия, Греция, Рим, европейские народы, и в том числе немцы)⁷³.

Постепенно происходит переход от идеи общечеловеческого призвания немецкой национальной культуры к обоснованию особого немецкого пути и национальной исключительности. Более позднее поколение немецких мыслителей, рассуждавших об исторической судьбе немецкого народа, попытались соединить «немецкую национальную идею» с идеей государственности, и их национализм уже носил не «культурно-просветительский» (как у Гете и Шиллера), но уже достаточно жесткий и шовинистический характер, что отчасти было вызвано реакцией на завоевания Наполеона. При этом национализм новой когорты немецких мыслителей носит скорее изоляционистский характер, и был нацелен на обособление немцев от культурного влияния других европейских народов. Последнее прежде всего касалось тезиса о «пространственной замкнутости» страны и об ее «естественных границах». Последние, с одной стороны, создают чувство безопасности, а с другой – являются исходным пунктом для дальнейшего развития.

Наиболее значимые представители этой когорты мыслителей – И.-Г. Фихте, А. Мюллер и Ф. Лист, во многом предвосхитившие будущую науку о границах. Их подход подразумевал, что любая великая держава должна быть ограничена от соседних стран морями и высокими горами. Главной идеей на время становится идея «оборонной самодостаточности».

Так, один из представителей немецкой классической философии, профессор основанного в 1810 году Берлинского университета Иоганн -Готлиб Фихте (1762-1814) разрабатывает концепцию полусоциалистического и автаркического по своему духу «Закрытого торгового государства»⁷⁴ (которая представляла собой идеализацию прусских порядков (то есть того, что Освальд Шпенглер впоследствии назовет «прусским социализмом»). Под впечатлением побед Наполеона Фихте печатает свои «Речи к германской нации», проникнутые враждой к идеям Просвещения и культуре романских народов. Немцы определяются в «Письмах» в качестве «молодого народа», призванного с «чисто-

73 Гердер И.-Г. *Идеи к философии истории человечества*. – М.:Наука, 1977. – С. 607-608.

74 Фихте И.-Г. *Замкнутое торговое государство* // Соч. в 2-х томах. – М.,1993.

го листа» создать адекватные им культурные формы⁷⁵.

В то же время, заявленная стратегия «культурного обособления» и «оборонной самодостаточности» вовсе не исключала идеи экспансии, подтверждавшей «историческую избранность» немецкого народа.

Квинтэссенция экспансионизма неразрывно связана с творчеством Георга-Вильгельма-Фридриха Гегеля (1770-1831). В своей «Философии истории» он прямо указывает на предопределенность истории разных народов географическими факторами. Все народы делятся на исторические и неисторические. При этом только в исторических народах воплощен мировой дух, именно они создают великие государства, осуществляют территориальную экспансию. Неисторические народы (в том числе славяне) – выступают как объект их покорения и «строительный материал истории». Главное воплощение миссии «исторического народа» – создание великого государства, выражающего национальный дух. Такое выражающее национальный дух государство выступает как естественный враг всех иных государств должно утверждать свое существование путем войны, которая нравственно оправданна и укрепляет дух и единство народа⁷⁶. Именно с Гегелем связано торжество «прусской» традиции в немецкой политической мысли над более гибкими и взвешенными подходами к проблеме «германского самоопределения».

Положения гегелевской историософии были вскоре конкретизированы немецкими мыслителями применительно к европейскому пространству. Положение Германии в центре Европы, по мысли ряда немецких теоретиков, создавало предпосылки для ее господства над всем континентом. «Срединная Европа» представляла собой, по их мнению, естественную область для германского проникновения.

В частности, видный немецкий экономист, политик и публицист Фридрих Лист рассматривал «Срединную Европу» как переходный этап в процессе создания всемирной германской Империи. Главным требованием Листа был доступ Германии к морям, без которого, по его мнению, «немецкий народ был бы подобен птице без крыльев»⁷⁷.

Развивая этот подход, видный немецкий поэт и идеолог германского единства Франц Мориц Арндт предлагал рассматривать Германию в качестве «середины нашей планеты» и «центрального пункта европейской жизни». Границы Германии, согласно Арндту, должны были простирались от Северного до Балтийского и от Черного до Балтийского морей. Именно в этом случае, по Арндту, Германия смогла бы обладать «двумя руками и двумя глазами», с помощью которых она смогла бы

75 Фихте И.-Г. *Речи к немецкой нации*. – М., 2009.

76 Гегель Г.-В.-Ф. *Лекции по философии истории*. – СПб.: Наука, 1993. – С. 102-146.

77 List F. *Um deutsche Wirklichkeit. Seine Schriften in Auswahl*. – Stuttgart: Kroner, 1938.

«контролировать всю Европу»⁷⁸.

В свою очередь, на рубеже XIX-XX веков идеи избранности и экспансии были дополнены природно-географическим детерминизмом, благодаря чему произошел перенос биологических закономерностей на политику. Как справедливо отмечает польская исследовательница Анна Вольф-Повеска, атмосфера политического мистицизма, которая определяла состояние народной идеологии и политическое развитие Германии еще в первой половине XIX века, побуждала многих мыслителей использовать естественно-географическую аргументацию в пользу германского объединения⁷⁹.

Свое логическое завершение этот подход получил в творчестве Фридриха Ратцеля, стоявшего у истоков классической германской геополитики. Ратцель сформулировал ключевые для классической немецкой геополитики понятия «антропогеография», «политическая география» и «жизненное пространство».

Для Ратцеля было характерно отождествление государства с «живым организмом». В итоге пространство постепенно превращается в детерминируемую государственной волей категорию. Государство оказывается неразрывно связанным с определенными функциями обеспечения, интеграции и поддержания коллективных идентичностей, а также с определенной идеологией (в рамках которой он выступает как «народное тело», «культурное тело», «Отечество»).

По мнению Ратцеля, общая «ситуация господства» определяется в зависимости от пространственного положения государств. Сформулированный им в этом сочинении закон гласил, что «государственное пространство», понимаемое в качестве «жизненного пространства», должно возрастать вместе с ростом населения страны. Последнее предполагает неизбежное изменение границ, выступающих в качестве периферийных органов государства⁸⁰.

Таким образом, Ф. Ратцель рассматривал переход государств от малых пространственных форм к более крупным как проявление «естественного права растущих пространств». Границы в рамках его теории рассматривались как «постоянно изменяющиеся органы государства».

Из рассуждений Ратцеля о «жизненном пространстве» вытекает его требование к Германии наращивать свое «государственное пространство», что требовало от нее стремиться к изменению границ и

78 Arndt E. M. Staat und Vaterland: eine Auswahl aus seinen politischen Schriften. - München, 1921.

79 Wollf-Poweska A. Chancen und Risiken der *Mittellage* der Deutschen // *Welt-trends*. - 1994. - Nr 4. - S. 48.

80 Ratzel F. Politische Geographie. - Oldenbourg - München - Berlin, 1897; Ero же. Die geographischen Bedingungen und Geetze des Verkehrs und der Seestrategie *Geographish Zeitschrift*. - 1903. - Nr 9. - S. 489-513.

покорению «периферийных областей». Ратцель выступает как принципиальный критик «малогерманской концепции», отвергая для Германии принцип «один народ – одно государство». Анализируя логику развития исторических (то есть национальных) движений, Ратцель к заключению о «запоздалости» создания немецкого национального государства в центре Европы и необходимости территориальной экспансии.

Концепция Ратцеля получила свое закономерное развитие в рамках классической немецкой геополитики, и, в частности, в творчестве Карла Шмитта. Ключевые понятия его теории – «пространство», «Империя», «большое пространство», «интервенция», «политическая идея», «права народа».

В апреле 1919 года Шмитт представил свою теорию «больших пространств» общественности. На место преодоленных «прав человека», по его мнению, должен был прийти новый, основанный на «правах народа» порядок «Больших пространств». Последний императивно содержал в себе запрет на вмешательство в дела «большого пространства» любых чуждых и внешних по отношению к нему сил⁸¹.

По мнению Шмитта, каждое «крупное государство» в рамках данного «большого пространства» призвано создать собственную Империю, придав таким образом, собственной конституирующей идее форму гегемониального порядка.

Исследователь творчества Шмитта М. Шмекель подчеркивает многозначность теории «больших пространств», которая вытекает из понятийной неясности и систематической противоречивости шмиттовской концепции. В частности, Шмитт не дает никакого ясного ответа на вопрос о статусе и правах всех других государств, объединяемых Империей в рамках «большого пространства». Неразрешенным у Шмитта остается и противоречие между статичной по своему характеру идеей определенного территориального порядка и динамичным характером описываемых им геополитических процессов. Вследствие этого остается до конца неясным, что представляют собой «большие пространства», объединенные политической идеей Империи⁸².

Известную незавершенность концепции Шмитта стремился компенсировать в своем творчестве другой классик немецкой геополитики, его современник Карл Хаусхофер. Последний опирался на учения Ратцеля и Челлена. Ревизия духа и принципов Версаля, младогерманство, идея торжества немецкой культуры и духа – вот те идейные ос-

81 Schmitt K. Staat, *Grossraum*, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916-1969. – Berlin: Duncker & Humblot, 1995; Дугин А. Г. Карл Шмитт: 5 уроков для России // Наш Современник. — 1992. — № 8.

82 Schmoeckel M. Die *Grossraumtheorie*. - Berlin: Duncker & Humblot, 1994. - S. 157.

новы, которые вдохновляли творчество мюнхенского теоретика «больших пространств».

В конечном итоге, именно Хаусхофер придал геополитике нормативный характер. Для него, как и для Ратцеля, «политика государств является неизбежным следствием их географических данных». Хаусхофер полагал, что геополитическое сознание государства должно в решающей степени определяться «пространственным пониманием», «пространственным сознанием» и «волей к оружию».

Из этих рассуждений вытекает идея мира, состоящего из замкнутых, автаркичных и конкурирующих друг с другом «пространств», которые сосредоточены в континентальной Европе. По мнению Хаусхофера, «угнетение немецкого народа, а также 40 миллионов других национальных меньшинств» должно быть преодолено благодаря глубокому преобразованию общеевропейского пространства.

Анализируя общее положение дел в Европе и в мире, Хаусхофер пришел к выводу, что «в современной ситуации насильственное изменение и реорганизация пространства имеет «плодотворный и конструктивный базис»⁸³.

Упреждая возможные упреки, Хаусхофер осуждал те немногие голоса в Германии, которые требовали «уважать интересы других наций и в качестве равноправного партнера бороться за их интересы»⁸⁴.

Одновременно Хаусхофер ставил вопрос о жизнеспособности государств Восточной Европы»⁸⁵, оспаривая само их право на существование.

При этом хаусхоферовское видение организации «больших пространств» не предусматривает никаких межгосударственных отношений внутри предполагаемого Рейха. Одновременно с этим Хаусхофер полагал, что либеральная демократия чужда восточно- и средневропейскому пространству, где может привести к «смещению духовного и политического порядков»⁸⁶.

После прихода к власти НСДАП геополитика пережила внутреннюю трансформацию, нацеливаясь для обоснования насильственных целей национал-социалистического режима. В то же время исследователь творчества Хаусхофера Ф. Эбелинг полагает, что новый взгляд на этого мыслителя требует разделения между геополитикой с одной стороны, и национал-социалистической теорией – с другой. указывал на коренное противоречие между рациональными «законами земли» у Хаусхофера и иррациональными «законами крови» и А. Гитлера⁸⁷. Все это, по

83 Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. – Berlin: Vowinckel Verlag, 1928. – S. 24.

84 Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. – S. 208.

85 Op.cit. – S. 147.

86 Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. – S. 98.

87 Ebeling F. *Geopolitik*. Karl Haushofer und Raumwissenschaft. – Berlin, 1994. – p. 191, 368.

мнению Эбелинга, позволяет утверждать не только о принципиальной нетождественности геополитики и национал-социализма друг другу.

Однако, так или иначе, именно следование некоторым внутренним императивам привело к тому, что немецкая геополитика приобрела в свое время ярко выраженный экспансионистский и милитаристский характер.

Торжество подобных подходов ряд современных немецких исследователей, в частности, объясняют не только торжеством «великогерманской» концепции над «малогерманской», но и победой «прусской» традиции над «рейнской».

Дело в том, что в политико-географическом смысле политический центр Германии в течение многих десятилетий находился главным образом в Берлине и в Вене, но никак не на Рейне. ФРГ сложилась именно как «Рейнская Германия» - включив в себя население, которое в судьбоносный для германского объединения период с 1815 по 1866 годы в большей своей части придерживалось антипрусской традиции. Так, например Рейнланд и Вестфалия оказались под властью Пруссии лишь на основе Венского конгресса, а в войне 1866 годов на стороне Австрии выступили крупнейшие немецкие государства того времени – Бавария, Вюртемберг, Баден, а также Ганновер и Нассау. Связь с нарождающимся «Вторым Рейхом» была при этом непереносимой для многих, служивших «старому режиму» - представителей политической элиты, офицеров, служащих, учителей. Конрад Аденауэр был первым канцлером ФРГ, последовательно проводившим в жизнь «антипрусскую» линию. Так, еще в декабре 1945 года он заявил в беседе с представителем британской оккупационной администрации, что величайшая ошибка, которую британцы совершили в отношении Германии, было то, что они позволили «безумной Пруссии» установить свое владычество над Рейном⁸⁸. Правительство британских лейбористов во главе с Клементом Эттли предприняло тогда же ряд шагов, знаменовавших победу «морских» держав над Пруссией. Помимо создания Рейн-Вестфалии, оно всемерно содействовало переносу политического «центра» Германии с берегов Шпрее на берега Рейна, определив еще до создания ФРГ местом пребывания западногерманского правительства именно Бонн.

Падение «железного занавеса» и объединение Германии изменили сложившуюся ситуацию, что в переносе столицы на берега Шпрее с возникновением «Берлинской республики», но не привели к возрождению прусской традиции, но скорее уравнивали рейнскую концепцию возросшим восточногерманским влиянием.

Так или иначе, именно благодаря Елисейскому договору 1990 года и ситуации после объединения ФРГ и ГДР Германия впервые четко

88 Ribhegge W. *Preußen im Westen. Kampf um den Parlamentarismus in Rheinland und Westfalen 1789-1947*. - Münster (Aschendorff), 2007. – S. 42.

определила размер своей территории, будучи консолидированной в качестве национального государства и не ставя более под вопрос национальные границы.

Современное поколение немцев впервые имеет возможность развивать национальную идею, которая не содержит имперских тезисов о необходимости завоевания новых территорий. Последнее позволило немецким исследователям по-другому рассмотреть проблему самоопределения Германии в рамках общеевропейского пространства.

Критическому переосмыслению подверглось прежде всего «срединное положение» Германии в Европе. В свое время именно оно рассматривалось берлинским историком Х. Шульце как проявление ее неминуемой «исторической судьбы». В своем труде «Веймарская Германия 1917-1933» он, в частности, писал: «Ключевой константой немецкой истории является срединное положение в Европе, немецкой судьбой является география»⁸⁹. В то же время, по мнению историка А. Хильгрубера, именно «срединное положение» Германии «превращает ее в безвольный объект многочисленных манипуляций, что оказывает вполне определенное влияние на немецкую политику»⁹⁰.

Изменение политической ситуации накануне падения «железного занавеса» привело к изменению оценок и суждений. Именно обострение конкуренции между Востоком и Западом привело к утрате Германией ее исторического «срединного положения». И было во все неслучайным, что именно во время ослабления напряжения в отношениях между двумя частями Европы немцы снова начали открывать для себя «светлые» и «темные» стороны своего географического положения. Осознанное значение геополитической ситуации, в свою очередь, мобилизовало усилия, направленные на создание нового европейского порядка, в рамках которого бы Германия играла бы роль посредника в урегулировании существующих конфликтов. Эта миссия, согласно исследователям, являлась неизбежным проявлением «европейского выбора» Германии с момента создания ФРГ. Подтверждение этому – ряд концептов и подходов, которые стали выдвигаться немецкими политиками и интеллектуалами еще в период существования разделения Европы на два военно-политических блока.

Важной частью этих дебатов были споры о концепции германского нейтралитета и пацифистского движения. Для их приверженцев Европа 1980-х годов являлась безмолвным, бесполезным, оделенным на сферы влияния континентом, и Германия должна была – исходя из своего политического положения – стать вдохновительницей процес-

89 Schulze H. Weimar. Deutschland 1919-1933. – Berlin, 1982. – S. 18.

90 Hillgruber A. Ein Pfad und drei Holzwege: was Amerika in der deutschen Frage falsch gemacht hat // Deutschland-Archiv. – 1984. – Nr. 4. – S. 368-376.

сов, целью которых бы являлось преодоление границ между политическими блоками. Так, берлинский историк П. Брандт, сын бывшего канцлера ФРГ, вместе с Х. Амоном желали видеть в «Средней Европе» «землю мира» - жители которой, свободные от предубеждений, вытекающих из политической реальности, создали бы в итоге единое государство. Освобождение Германии от членства в военных блоках, в свою очередь, могло бы создать шанс для создания «сферы разрядки» и фундамента для мира на всем европейском континенте⁹¹.

Развивая эту тему, бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, указал на неразрывную связь между политическим позиционированием Германии и ее взаимоотношениями с соседями: «Мы, немцы, имеем гораздо больше соседей, чем все другие нации Европы. Географическое расположение в середине нашего относительно маленькой, но густонаселенной части земного шара делает для нас весьма сложным делом жизнь в мире со всеми соседями, которые живут как на периферии континента, так и на его островах или полуостровах. В течение столетий достаточное количество друзей оказалось на нашей земле. Если рассматривать географию и историю Европы, увидит, что отсутствие мира красной нитью проходит через всю судьбу немцев»⁹².

Германия, мыслившая себя неотъемлемой частью объединенной Европы, еще на исходе «холодной войны» предлагала собственный вариант «мягкой интеграции», переосмысливая прежние геополитические концепты. Так, бывший председатель СДПГ, известный пропагандист идеи «Европы регионов» Петер Глоц в одной из своих статей, написанной еще в 1986 году, открыто призвал «использовать концепцию «Срединной Европы» как инструмент второй фазы политики разрядки». Глоц также высказал желание о том, чтобы границы между Прагой и Франкфуртом, Веной и Будапештом были снова преодолены: «Срединная Европа: что побуждает нас к интенсивной торговле и к тесному переплетению наших глубоко родственных культур»⁹³. Срединная Европа, согласно Глоцу, представляла собой определенную версию немецкого пути к разрядке, приглашение к открытости культур небольших государств Центральной и Восточной Европы. При этом последнее, по мысли видного немецкого политика, не должно было вести к созданию какого-либо немецкого командного «центра» в Европе, но о выдвижении Германией мирной инициативы, ведущей к смягчению политического и блокового противостояния. Подобное «неформатное» мнение, заявленное в завершающей

91 Brandt P., Ammon H. Patriotismus von Links // Venohr W. (Hrsg.). Die deutsche Einheit kommt bestimmt. – Bergisch-Gladbach 1982. – S. 158.

92 Schmidt H. Die Deutschen und ihre Nachbarn. – Berlin, 1990. – S. 13.

93 Glotz P. Deutsch-böhmische Kleinigkeiten oder: Abgerissene Gedanken über Mitteleuropa // Die Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte. – 1986. – Nr. 7. – S. 585.

фазе существования разделенной Германии и Европы, по крайней мере, заслуживало быть отмеченным.

Распад «Восточного блока», объединение Германии и подписание Маастрихтского договора в 1992 году, равно как и ситуация экономического кризиса, начавшегося в 2008 году, создали для Германии широкое «окно возможностей» для реализации заявленных ранее принципов, идей и инициатив. Последнее, тем не менее, не отменяет необходимости дальнейшего развития германских «евроинтеграционных» концепций - при условии их необходимой корреляции с французским видением перспектив «объединенной Европы». Как представляется, германский подход к формированию общеевропейского пространства должен быть и далее гуманизирован – то есть германское понимание пространства должно получить более ярко выраженное гуманитарное, связанное с развитием человеческого и социального капиталов толкование, с одновременным отказом от экономикоцентризма и проявлений утративших свою актуальность геополитических концептов. В свою очередь, в рамках французского подхода к строительству «единой Европы» необходимо соотнести содержащиеся в нем элементы руссоистской утопии с политической реальностью. Так, необходимо признать ограниченность французской модели публичного пространства, которое не может быть экстраполировано на всю Европу с учетом многообразия и противоречивости интересов присутствующих в нем политических акторов. В свою очередь, именно французский подход к территории как к элементу публичного пространства может быть противопоставлен торжеству «бюрократического централизма» в рамках ЕС. В конечном итоге, именно конвергенция германского и французского подходов к европейскому строительству, на взгляд авторов, будет способствовать преодолению современного кризиса общеевропейских институтов и механизмов, а равно и выводу процесса европейской интеграции из современного кризисного состояния.

***Германия и Франция в объединённой Европе:
политические шансы и «повестка дня» - исходная
ситуация к 2007 году***

Германия не сможет объединить Европу без Франции. Осознание этого во многом определяет стратегии поведения политических элит обеих стран. Объективно, ключ от будущего «объединенной Европы» находится сегодня в руках Парижа и Берлина.

Действительно, без «концерта» двух своих первых держав объединенная Европа не сможет стать самостоятельным полюсом силы,

не сможет выстроить достаточно сильную и эффективную политическую, экономическую и социальную систему, не сможет добиться успеха ни в одном из направлений своей деятельности.

По мнению автора, в данном случае речь должна идти о конвергенции двух стран в различных областях, и прежде всего их политической и социально-экономической, о нахождении общности в сфере идеологии, о сближении подходов к внутренней и внешней политике, национально-государственному строительству.

В то же время, как следует признать, кооперация между этими двумя европейскими державами в период после Второй мировой войны развивалась по достаточно своеобразной амплитуде, а успех зависел прежде всего от того, как складывались межличностные отношения лидеров двух стран.

Всем памятли мощные «танделы» Аденауэр — де Голль, Коль-Миттеран, Шредер-Ширак, действительно добившиеся «прорывов» как в отношениях между двумя странами, так и в европейской и мировой политике. Но столь же памятли и «периоды спада» в двусторонних отношениях, когда подобное конструктивное взаимодействие не удавалось.

В итоге подобного развития отношений Германии и Франции так и не были до конца преодолены идеологические, культурные, коммуникативные и иные противоречия и расхождения, усугубленные драматическим опытом взаимоотношений двух стран в XIX и особенно XX веках. В итоге вместо конвергированного европейского «лидирующего тандела» Европа имеет два несинхронно работающих «мотора», что подвешивает саму европейскую конструкцию.

К сожалению, два лидера европейского объединительного процесса движутся по различным траекториям и сегодня, что вносит в него существенное напряжение.

При этом расхождения между двумя ведущими европейскими державами проявляют себя во всех основных областях как внутренней, так и внешней политики.

Прежде всего, следует отметить уже вполне проявившиеся сегодня расхождения в идеологии и общей стратегии социально-экономического развития.

В Германии вследствие прихода к власти в 2005 году «большой коалиции» сохраняется политический баланс и проводится достаточно сбалансированная, компромиссная социально-экономическая политика. Немецкая парламентская модель позволяет лучше учитывать и согласовывать интересы различных слоев немецкого общества. До «гомогенности» (политической консолидации) немецкому обществу и

политической системе еще далеко, но движение в этом направлении происходит, в том числе и благодаря интеграции в политическую систему прежде маргинализированных избирателей Востока (феномен объединенной «Левой партии» (Die Linke).

Во Франции, стране с объективно более сильными «левыми» традициями, напротив, победа на президентских выборах 2007 года «неотэтчериста» Н. Саркози и его последующее пятилетнее правление в свете проводившейся им «антисоциалистической политики» углубила политический раскол французского общества на «правых» и «левых», что чревато еще более масштабными политическими потрясениями в условиях «мозаичного-сегментированного» французского социума, построенного по модели «государства-нации». Модель «полупрезидентской» (смешанной) республики, функционирующей в соответствии с принципом «the Winner takes all» провоцирует, таким образом, многочисленные внутривнутриполитические кризисы и расколы.

Существенны германо-французские различия и в такой ключевой для национального и европейского развития сфере, как социальная политика.

В рамках действующей сегодня в Германии «большой коалиции» за счет достигнутого внутреннего компромисса и влияния «двухуровневой левой» (давление СДПГ на ХДС/ХСС, с одной стороны, и давление на «коалиционеров» расширяющей свое влияние в том числе и на Западную Германию Левой партии — с другой) удастся избежать радикального демонтажа механизмов социального государства, сущностью которых является принцип со-определения (co-determination), в рамках которой работники обладают значительным влиянием на менеджеров через своих представителей, которым гарантировано определенное число мест как держателям акций в составе наблюдательного совета. При этом дискуссия о судьбе «социальных завоеваний» среди немецких политиков продолжается⁹⁴.

На взгляд автора, речь в данном случае может идти о достигаемой эволюционным путем конвергенции либерального и социально-ориентированного подходов к формированию социально-экономической политики, подтверждением чему может служить недавно заявленное представителями правящей «большой коалиции» намерение принять закон о «генеральном минимуме» заработной платы⁹⁵.

Во Франции же, напротив, именно в период президентства Н. Саркози имел место разрыв с традициями «социалистического государства», сложившегося в результате 14-летнего пребывания представителя социалистов Ф. Миттерана в Елисейском дворце. По мнению

94 Deubel J. Wir lassen uns nicht erpressen // Berliner Zeitung. – 2007/2008. – № 304. – S. 7.

95 Dempsey J. Merkel says her coalition can promise few reforms // International Herald Tribune. – 2008. – 16 January.

бывшего премьер-министра, а ныне сенатора от Союза за народное движение (UMP) Жана-Пьера Раффарена, в политике президента Саркози происходил «разрыв с догмами «блокированного общества». Последнее предполагало переоценку «ценностей труда», с акцентом в сторону меритократии, благодаря чему возникают контуры нового социального проекта, в рамках которого государство «никого не субсидирует, но осуществляет активность с целью предоставить личности возможность реализовать себя». В итоге, по мнению политика, возникает общество, основанное на уважении к закону и предполагающее борьбу против любых «антисоциальных проявлений»⁹⁶.

Столь радикальный разрыв с прежними политическими и социальными традициями, по мнению авторов, не мог не спровоцировать **раскола внутри французского общества**, которое вследствие этого может перейти из «блокированного» во «фрагментированное» и «расколотое» состояние.

Существенные различия наблюдаются у двух стран и выборе стратегии национально-государственного строительства.

Так, взвешенный и сбалансированный подход Германии к процессу реформирования национально-государственного устройства, сочетающей централизацию ряда предметов ведения с одновременным расширением полномочий земель в ряде других вопросов, позволяет постепенно совершенствовать федеративную систему, не провоцируя масштабных конфликтов и расколов.

В свою очередь, победа на президентских выборах 2007 года во Франции Николя Саркози означала, по мнению экспертов, временную победу «вертикальной и жесткой концепции политики», для которой сила и определенность проистекают из одной вершины, отвечая тем самым на существующие в обществе запросы на стабильность и авторитет⁹⁷. Взятый Саркози «монетаристский» курс связан с наступлением на права и интересы департаментов и регионов, прежде всего в социальной сфере, что может существенно дестабилизировать всю систему государственного управления во Франции.

Весьма болезненными оказываются расхождения двух стран во внешнеполитической сфере, впервые ясно проявившиеся еще в период «ливийского кризиса».

Наконец, взвешенный и разумный подход Германии во внешней политике, при внешней лояльности «атлантистской системе» последовательно продвигающей свои европейские интересы, существенно контрастировал с проамериканской внешнеполитической стратегией

⁹⁶ Raffarin J.-P. Tony Blair-UMP, meme combat // Le Monde. – 2008. – 12 janvier. – P. 20.

⁹⁷ Paoletti M. Decentraliser d'accord, democratiser d'abord. – P.: La Decouverte, 2004. – P. 13.

Саркози, вызывающей неоднозначную реакцию как во Франции, так и в остальной Европе. Параллельно происходило сближение официального Парижа с известной своей атлантистской ориентацией и евроскептицизмом Великобританией, подтверждением чему стал недавний визит экс-премьера Т. Блэра на заседание актива ныне правящего во Франции Союза за народное движение (UMP)⁹⁸.

Еще большее раздражение придерживающегося сбалансированной внешнеполитической стратегии Берлина вызывает намерение нового руководства Франции разместить французские военные базы в Персидском заливе и осуществлять поставки ядерных компонентов в страны этого и без того проблемного региона.

Но наибольшие расхождения обнаружились при этом у Германии и Франции в подходах к европейскому строительству.

Германия, стремящаяся к последовательному усилению структур Евросоюза, проводит достаточно гибкую и сбалансированную политику, говоря о необходимости построения европейской федерации, интегрирующей существующие региональные и национально-территориальные общности на основе принципа «единства в разнообразии».

В свое время под эгидой «Конвенции о будущем Европы» немецкие представители считали своей миссией продвижение к будущей общеевропейской Федерации. Действительно, **сегодняшняя Германия все активнее предлагает объединенной Европе базовые принципы собственной федеративной модели**, среди которых — реальное самоуправление территорий, кооперативный характер отношений Центра и регионов, субсидиарность, солидарность, учет исторически сложившейся культурной специфики регионов, социальная направленность и другие⁹⁹.

В противоположность этому Саркози, распространяя «рестриктивный подход» на процесс «европейского строительства», представил для ратификации в национальном парламенте договор, практически идентичный тому, который был отвергнут во Франции на референдуме 2005 года, благодаря чему расширил разрыв между гражданами и институциональным аппаратом Евросоюза¹⁰⁰. В конечном итоге, распространяя квази-унитаристский подход на сферу международных отношений, Саркози неизбежно должен был столкнуться с противодействием Берлина.

Подтверждением этому является факт отклонения правительством

98 Ridet Ph., Roche M. Mal-aimé au PS, Tony Blair est accueilli par l'UMP // Le Monde. – 2008. – 12 janvier. – P. 8.

99 Sachs M. Deutscher Foederalismus und europaeische Integration // Hirscher G. (Hrsg.). Die Zukunft des des kooperativen Foederalismus in Deutschland. – Bayreuth: Hans Seidel Stiftung, 1991. – S. 167-172.

100 Cassen B. Ressurrection de la «Constitution» europeenne // Le Monde diplomatique. – 2007. – № 54. – P. 8.

Ангелы Меркель трех внешнеполитических инициатив Франции, в чем федеральный канцлер была активно поддержана немецкой политической элитой.

Так, например, предложения Парижа о независимом Европейском Центральном банке и о выработке странами «зоны евро» общей экономической политики были расценены немецкой стороной как излишне жесткие в отношении стран, не входящих в «зону» и предполагающие создающие дополнительной «надстройки» над национальными правительствами. Кроме того, не нашло поддержки предложение Парижа о создании «Средиземноморского союза» как недостаточно продуманное и подготовленное¹⁰¹, и очевидно выходящее за рамки «естественных» европейских границ. Таким образом, взятая на вооружение Парижем тактика экспромтов и неготовность к «командной игре» существенно усложнила отношения двух стран во внешнеполитической сфере.

На взгляд автора, дальнейшие перспективы германо-французских отношений зависели от успешности избранных ими стратегий модернизации внутренней и внешней политики, которые столь сильно отличаются по своему содержанию и степени эффективности.

Франция, пережившая в течение последних пяти лет болезненные последствия попыток части политической элиты во главе с Саркози авторитарным путем модернизировать находящуюся в кризисе политическую и социально-политическую системы приводит к масштабным внутривнутриполитическим расколам, которые болезненно отражаются на всей политической системе.

Неадекватность современным вызовам положенного в основу французской политической системы концепта, очевидный дефицит гибкости, масса блокировок, помноженные на политико-идеологический и культурно-идентификационный раскол в обществе, не позволили Франции в период с 2007 по 2012 годы стать лидером процесса европейской интеграции. В любом случае, необходимость сосредоточиться на решении внутренних проблем до известной степени снизили французскую активность в общеевропейских делах. Подобное «снижение ставок» побуждало Париж искать внешнеполитического партнера, готового поддержать внутреннюю авторитарную практику в обмен на геополитические уступки, в роли которого сегодня выступают Соединенные Штаты (в то время как Германия, стремящаяся создать себе максимально возможно привлекательный геополитический имидж, привержена более гибкой стратегии в общеевропейских делах и в силу этого не принимает авторитарно-полицейские тенденции в политике США).

101 Bocev P. Angela Merkel critique encore Sarkozy au sujet de l'euro // Le Figaro. – 2008. – 16 janvier. – P. 5.

В то же время Германия, столкнувшаяся с проблемой деления на Восток и Запад, преодолевшая «парламентско-партийный кризис» 2005 года и связанные с ним катаклизмы, сумела и сохранить сбалансированную социально-экономическую политику. Обладая центристской идеологией, способна и призвана стать лидером евроинтеграционного процесса как наиболее устойчивая и динамичная европейская держава, с момента своего объединения в XIX веке предлагавшая различные проекты европейского объединения. При этом общий успех этого процесса возможен лишь при условии, если надежным стратегическим партнером Германии выступит Франция, преодолевшая внутренние расколы и кризисы. В то же время, подобное партнерство невозможно без конвергенции в различных сферах, достижение которой является вопросом политической воли и политического выбора элит двух стран. Для чего, в свою очередь потребуется отказ от многих современных клише и стереотипов.

Меркель-Саркози: начало политического диалога (2007 год)

Смена первых лиц в странах — лидерах Евросоюза ставит вопрос о дальнейшей стратегии развития «объединенной Европы», ибо очевидно, что прежний проект вследствие очевидной его «пробуксовки» требует внесения серьезных корректив, если не фундаментальной переработки.

В связи с этим примечательными были шаги, предпринятые в направлении «еврокоррекции» новоизбранным президентом Николя Саркози.

Во время своего первого визита в Брюссель, состоявшегося 23 мая, Николя Саркози снова высказался за упрощенную редакцию договора о создании ЕС, которая, по его мнению, является «единственным возможным решением» для вывода Евросоюза из «институционального тупика». О перспективности подобной правовой новации Саркози заявил на встрече с председателем Еврокомиссии М. Баррозо. Оценивая сложившуюся в ЕС ситуацию как «относительный паралич», французский президент убежден, что «Европа не может оставаться неподвижной».

Баррозо поддержал главу французского государства, полагая, что консенсус начал формироваться вокруг идеи, выдвинутой Н. Саркози, который, еще будучи кандидатом, предложил заменить современную европейскую Конституцию, отвергнутую в 2005 году на референдумах жителями Франции и Нидерландов, упрощенным по форме соглашением, которое бы ограничивалось институциональными рамками. Председатель Еврокомиссии, в свою очередь, заявил о своей расположенности к «идее более простого и компактного соглашения», но в то же время предупредил об опасности, которая проистекает от «зани-

женных амбиций» его возможных участников¹⁰².

В свою очередь, в нескольких последующих высказываниях во время брюссельской встречи Н. Саркози подчеркнул, что его «приоритетной целью» является достижение того, чтобы европейский саммит 21–22 июня пришел к общему «успеху, который предполагает, что 27 стран-членов ЕС придут к упрощенному договору, содержащему небольшое число статей».

Согласно ему, необходимо поддержать «Европу институтов», которые приведут к консенсусу. «Это не может быть Конституция» в собственном смысле этого слова. Озадаченный неудачей референдума 2005 г. во Франции, Саркози подтвердил, что «все, что происходит во Франции, может произойти в любом из государств-членов ЕС», что требует от каждой из них более ответственного и взвешенного подхода к формированию стратегии евростроительства».

Параллельно с этим, Саркози предложил ревизовать механизм принятия решений в ЕС консенсусом, что делает его крайне затрудненным и упирающимся в процессы согласования.

Инициативы Саркози весьма показательны в контексте ведущихся споров о будущем устройстве объединенной Европы. Ибо, помимо амбиций новоприобретенных членов ЕС из так называемой «малой Европы», становлению «европроекта» препятствуют и противоречия между странами-лидерами «Старой Европы». Два ведущих ее представителя (Франция и Германия) имеют некоторые разногласия относительно будущего развития ЕС. Так, Германия изначально исходила из того, что необходимо вести дело к строительству европейской федерации, принятию европейской конституции (ее в этом поддерживает Европейская Комиссия)¹⁰³.

Бывший канцлер Германии Герхард Шредер, в частности, неоднократно публично заявлял обозначал следующие принципиальные моменты, касающиеся процесса европейской интеграции:

1. Высшая исполнительная структура Союза — Европейская Комиссия — должна получить более широкие полномочия и практически стать общеевропейским правительством.
2. Председателя Европейской Комиссии следует избирать на всеобщих выборах.
3. Основной представительной структуре — Европейскому парламенту — необходимо предоставить верховные полномочия в деле формирования единого бюджета.
4. Совет министров ЕС, в который входят главы правительств и их

¹⁰² M. Barroso estime qu'un «consensus» se forme autour du traité simplifié du président français // LEMONDE.FR avec AFP et Reuters, 23.05.07.

¹⁰³ Васильевский В. Берлин и Париж идут на мировую // «Европа». – 2001. - №3. - С. 8.

члены, следует превратить во вторую палату Европейского парламента — своего рода общеевропейский аналог германского бундесрата.

В свою очередь, его сподвижник по прежней «розово-зеленой» коалиции Йошка Фишер, в период занятия поста министра иностранных дел ФРГ, говорил о том, что создание федерации — это единственная возможность обеспечить управляемость ЕС после увеличения численности его государств-членов до 27¹⁰⁴.

Таким образом, Германия публично заявляла о своем стремлении реализовать собственный масштабный надрегиональный проект — образование обще-европейского государства с федеративной формой государственного устройства и другими политико-правовыми атрибутами: конституцией, сильным парламентом, президентом (избираемым напрямую), единым правительством, вооруженными силами, денежной системой и т.д. Подобный подход, опирающийся на традиции немецкой геополитики (от «среднеевропейского» проекта пастора Ф. Науманна до идеи «Пан-регионов» К. Хаусхофера и концепции «Больших пространств» К. Шмитта), принимающий во внимание возросшую экономическую мощь объединенной Германии и ее географическое положение в «разрастающейся» Европе, однозначно указывает на то, что в такой государственно-политической конструкции роль федерального центра будет принадлежать именно ФРГ¹⁰⁵.

Альтернативную позицию до последнего момента занимала Франция. При этом политические деятели этой страны по вопросам евроинтеграции были расколоты на 2 лагеря. Сторонники одной стороны — часть действующих и бывших политиков страны (Л. Жоспен, Ф. Сегэн, Ж.-П. Шевенман) стремились продолжить интеграционные процессы в рамках союза национальных государств. Их основным аргументом являлось желание сохранить национальную идентичность и самосознание народов Европы.

Сторонники второй позиции (например, Д. де Вильпен, Ж.-П. Раффарен) в большей или меньшей степени поддерживали федералистские устремления Германии. Основным аргументом здесь был экономический — необходимо взаимодействовать и «дружить» с наиболее прогрессивно развивающейся страной. При этом французские политики из «второго лагеря» непосредственно увязывали будущее Евросоюза не с опорой на систему национальных государств, но прежде всего с такими феноменами, как децентрализация и регионализация.

Так, проект Европейской Конституции экс-президента Франции

104 Никитенко А. Канцлер снова говорит о федеральной Европе // «Европа». – 2001. - № 6. - С. 11.

105 Осадчая Ж. Ф., Лобанов К. Н. Эволюция Евросоюза (в спорах рождается истина) // Современная Европа. – 2005. - №1. - С. 31.

Валери Жискар д'Эстена расширил полномочия регионов, делая упор на обязательности консультаций европейских органов власти с местными властями во всех сферах, затрагивающих их интересы, зачастую минуя при этом уровень национальных государств¹⁰⁶. Примечательно также, что теперь уже бывший премьер-министр Франции Ж.-П. Раффарен (до своего премьерства — президент ассоциации регионов Франции, а также бывший генеральный секретарь Движения юных жискаровцев) до момента своей отставки пытался провести реформу французской Конституции, введя в нее понятие «регион». Раффарен открыто заявлял о том, что проекту построения «Европы национальных государств» противостоит защищаемый им проект «федеральной Европы», одновременно являющейся «Европой регионов».

Бывший президент Франции Жак Ширак, несмотря на свою формальную принадлежность к «правому» лагерю, де-факто поддерживал модель «евроинтеграции», умаляющую роль национальных государств, что в значительной степени и привело к неудаче референдума по Евроконституции в его собственной стране.

Заявленный Саркози в Брюсселе подход к вопросам евроинтеграции по своему смыслу был ближе к немецкому, предполагающему укрепление общеевропейских институтов с отказом от права «вето» отдельных членов ЕС при принятии решений. При этом, в отличие от Жискар д'Эстена и Раффарена, Саркози предполагает не умаление «национальных государств» ради усиления евробюрократии и условной «регионализации», но их разумное укрепление с соответствующим укреплением национально-государственных идентичностей стран-членов ЕС (что сближает его с концепцией «Европы ста флагов», отстаивавшейся французскими и европейскими «новыми правыми» еще в 1970–1980-е годы).

Не доходя до крайностей «изоляционизма» (свойственного французским леворадикалам и крайне правым из Национального Фронта Ж.-М. Ле Пена), он предлагал подход, близкий к немецкому, согласно которому, евроинтеграция не предполагает упразднения национальной государственности и концепции *Leit-Kultur* в качестве ее идейного стержня. Подобное существенное сближение французских и немецких позиций по вопросам «евростроительства» (показателем чего стало то, что свой первый зарубежный визит новоизбранный президент Франции совершил именно в Германию) позволял надеяться, что данный процесс выйдет из тупика, в который его завели представили прежней «генерации» европейской элиты и получит необходимый импульс для дальнейшего разветвления, превращая Европу в еще более мощный

106 Giscard d'Estaing V. Les francais. Reflections sur le destin d'un peuple. - P., 2000. - P. 144.

и влиятельный мировой «центр силы». Однако этим политическим надеждам не суждено было реализоваться вследствие обострившихся внутрифранцузских, общеевропейских и глобальных проблем.

Германия и Франция: по ту сторону «правого» и «левого» (к итогам выборов 2009 г. в Европейский парламент)

Левая идея в послевоенной истории Европы пережила целый ряд «взлетов» и «падений», раз за разом обретая новое прочтение и качество.

Подъем левых сил, начавшийся сразу после Второй мировой войны и продлившийся вплоть до 1980-х годов, сменился затем резким ослаблением их позиций вследствие наступления «неоконсервативной волны» и крушения коммунистической системы. Новый «подъем», пришедший на период конца-начала 1990-х годов, когда «обновленные» (со сдвигом в сторону социал-либерализма) левые смогли вернуться к власти в таких ключевых западноевропейских странах, как Великобритания и ФРГ, уже к середине 2000-х годов в соответствие с законами политического цикла сменился новым упадком «левых», что достаточно ярко подтвердили недавние выборы в Европарламент.

Так, неоспоримым победителем на июньских выборах в высший законодательный орган Европейского союза оказались консервативные партии Германии, Франции, Италии, Испании, Великобритании и ряда других европейских государств. В ФРГ союз ХДС/ХСС вышел вперед с 37,9 % голосов, несмотря на значительные потери по сравнению с 2004 годом. Его постоянный партнер ХСС, представленный только в Баварии, с большим трудом, но все же сумел преодолеть 5-% барьер, набрав 7,2 % голосов. Результат же, показанный на выборах Социал-демократической партией Германии – 20,8 % - является худшим для СДПГ результатом выборов начиная... с марта 1933 года.

Самый большой прирост, по сравнению с результатами предшествующих выборов 2004 г. (почти на пять пунктов), оказался у свободных демократов (СвДП), за которых проголосовали 11 % от общего числа избирателей. Немецкие «зеленые», в свою очередь, набрали 12,1 % голосов, а левые (Die Linke или Linkspartei – результат объединения ПДС и левого крыла СДПГ) – 7,5 %. Таким образом, соотношение сил в будущем Европарламенте оказалось следующим: 42 депутата от ХДС/ХСС, 23 от СДПГ, 14 от зеленых, 12 от либералов и 8 - от «левых».

Характерно, что федеральный канцлер Ангела Меркель расценила победу ХДС/ХСС на выборах как «хорошую предпосылку для последующих 110 дней», то есть для разработки стратегии предвыборной кампании для предстоящих в сентябре текущего года выборов в бундстаг. По словам Меркель, прошедшие выборы обнаружили новую

тенденцию к «поправению» настроений электората, и этой тенденцией ее партия намерена воспользоваться.

А что же немецкие левые, пережившие столь болезненный удар на выборах? Было заметно, как тяжело переживает СДПГ последствия этого поражения: председатель партии Франц Мюнтерферинг даже не попытался скрыть своей глубокой растерянности. Ибо проигранными оказались не только показательные, но не столь принципиально важные выборы в Европарламент. Социал-демократы несколько раньше других партий начали борьбу за места в бундестаге, и заявленная руководством партии стратегия – борьба против либеральных акул и за введение минимальной заработной платы (вместо социально-либерального «сдвига» времен Герхарда Шредера) – не принесла ожидаемого эффекта в виде усиления поддержки со стороны избирателей, что выглядело довольно парадоксальным на фоне разворачивающегося кризиса.

Осмысляя причины своего поражения, социал-демократы все более активно задумываются о путях более эффективной мобилизации своих сторонников. Тем временем немецкие эксперты, давая оценку прошедшим выборам, рассматривают ситуацию с СДПГ в контексте прогнозируемого ими общего кризиса крупных общенациональных политических партий. Так, политолог Франц Вальтер полагал, что «СДПГ давно перестала быть народной партией» и прогнозирует, что «она ею больше никогда не станет». Дистанция между СДПГ и союзом ХДС/ХСС заметно увеличилась, и это при том, что и сами христианские партии снизили свою популярность на 11 % за последние 10 лет. «ХДС эродировать медленнее, чем СДПГ, и с запозданием. Но и он эродировать тоже» – полагает Франц Вальтер. Особняком от СДПГ стоит Левая партия, которая, благодаря своей активной позиции в деле защиты прав наемных работников и мощной политической харизме своего лидера Оскара Лафонтена (известного оппонента Шредера еще в рамках единой СДПГ), смогла несколько укрепить свои позиции и побороться за левый электорат с социал-демократами, препятствуя сдвигу последних вправо. Однако тот факт, что влияние «новых левых» пока лишь фрагментарно распространяется за пределы Восточной Германии, позволяет рассматривать Die Linke в качестве актуальной «левой альтернативы» лишь на перспективу.

В этой ситуации заслуживали внимания изменения, которые пыталось внести руководство СДПГ в программу и стратегию партии в преддверии парламентских выборов 27 сентября 2009 г. Выдвинутый партийным съездом кандидатом на пост федерального канцлера пока тогдашний глава германского МИД Франц-Вальтер Штайнмайер в

своей предвыборной программе обозначил известный поворот «влево», предложив партии и избирателям весьма амбициозную политическую программу, рассчитанную на ближайшее десятилетие. Подготовленный в течение нескольких последних месяцев объемный текст (67 страниц) «Работа завтра, политика – на ближайшее десятилетие» определил обеспечение всеобщей занятости и проведение активной промышленной политики в качестве ключевых приоритетов СДПГ, реализация которых запланирована на период до 2020 года¹⁰⁷. Развивая тему, Франц-Вальтер Штайнмайер обнародовал перед однопартийцами комплекс мер, призванных обеспечить искомую «всеобщую занятость», которые полагались им «объективно реалистичными» и в то же время вызвали критику со стороны скептически настроенных экспертов-экономистов. Этот скепсис не помогли развеять заявленные министром в ходе его поездок по промышленным предприятиям и научно-исследовательским центрам обещания «индустриально-экологической революции», которая предполагала более эффективное использование энергоресурсов (с упором на электроэнергетику) и «зеленых технологий». В итоге попытка перехвата СДПГ традиционных для «Партии зеленых» («Союз 90») лозунгов имела достаточно неожиданные для них электоральные последствия.

Подобные двойственность и дефицит реалистичности заявленной СДПГ избирательной программы вызвали известное недоверие по отношению к ней даже со стороны традиционных союзников – профсоюзов. Так, например, до последнего момента оставались сложными отношения партии с одним из ведущих в стране профсоюзом работников металлургической промышленности (IG Metal), который активно поддерживал «красно-зеленую» коалицию на парламентских выборах 1998 года. Приветствуя новую партийную программу, руководство влиятельного профсоюза сохраняло известную дистанцию по отношению к социал-демократам. Так, еще 31 июля 2009 года глава профсоюза Бертольд Хубер исключил собственную подпись под документом, призывающим голосовать на парламентских выборах 27 сентября за социал-демократов.

Не удалось СДПГ с ее модернизированной «полевевшей» программой расположить к себе и представителей бизнес-сообщества, несмотря на достаточно неожиданное включение в ее электоральный список одной из «акул бизнеса» - известного банкира и мультимиллионера Харальда Христа, который долгое время был одним из «анонимных спонсоров» партии, а в 2009 году был выдвинут в верхнюю часть партийного списка и претендовал в случае ее победы на вы-

¹⁰⁷ Calla C. Les sociaux-democrates allemands promettent le plein-emploi d'ici à 2000 // Le Monde. – 2009. – 5 août. – P. 8.

борах на пост министра финансов в федеральном правительстве¹⁰⁸.

Наиболее же активная критика в отношении платформы и стратегии СДПГ прозвучала со стороны ее оппонентов из числа политических партий - причем как справа, так и слева. Наиболее примечательной была реакция на новую платформу партии со стороны молодого и перспективного действующего министра экономики Карла-Теодора Гуттенберга (ХСС), упрекнувшего социал-демократов в намерении «утопить людей в потоке предвыборных обещаний». Бывшие многолетние партнеры СДПГ - «зеленые» - упрекнули СДПГ в «краже» их традиционных избирательных лозунгов, а «левые», в свою очередь, отметили неправдобность обещаний по борьбе с безработицей со стороны партии, долгое время участвовавшей в правительственной коалиции.

Таким образом, накануне сентябрьских выборов в бундестаг можно было констатировать «системный» (идеологический, организационный, политический) кризис СДПГ, остающейся по сей день одной из ведущих левых партий Европы. И выйти из этого кризиса столь же успешно, как сумел это сделать с помощью пропагандистского «сдвига влево» накануне досрочных парламентских выборов 2005 года Герхард Шредер (фактически спасший партию от политического провала) социал-демократам не удалось. В итоге в ситуации углубляющегося кризиса «левая альтернатива» не была поддержана немецкими избирателями. Урегулировать его последствия будут «призваны» все те же либералы из ХДС-ХСС, совершившие заметный дрейф от «классического либерализма» в сторону усиления начал государственного регулирования и социальной политики. И не случайно в центре общей предвыборной программы ХДС и ХСС оставалась борьба с экономическим кризисом. Так, на одном из партийных форумов 2009 года А. Меркель признала перед соратниками, что «кризис немецкой экономики беспрецедентен» и «традиционные» (то есть либерально-монетаристские) способы борьбы с ним в условиях ухудшения глобальной экономической конъюнктуры едва ли перспективны. Поэтому заявление А. Меркель о намерении «дать новый старт социально ориентированной рыночной экономике» с одновременным усилением элементов госрегулирования и активизации промышленной политики прозвучало весьма своевременно в условиях ухудшающейся социально-экономической ситуации (рост безработицы в ФРГ, по официальным данным на август 2009 года, составил 3,5 миллиона человек, или 8,2 % активного населения). Очевидно напрашивался «левый ответ» на очередной «вызов истории», но шансы на него были тогда невелики.

Однако столь ли парадоксальна была описанная ситуация, как это

108 Bohsem G. Der gelehrige Neuling // Sueddeutsche Zeitung. – 2009. – 5. August. – S. 16.

представлялось на первый взгляд?

Для сравнения актуальным представляется рассмотреть пример страны с еще более сильными и ярко выраженными, чем в Германии, левыми традициями – Франции. Здесь в ответ на либеральные социально-экономические инициативы «правого» президента Николя Саркози (сокращение публичных расходов и «необоснованных» социальных льгот, избавление от «излишнего» персонала публичных служб, отказ от поддержки «бесперспективных» отраслей национальной промышленности, реформа университетов и др.) развернулось общенациональное движение социального протеста, возглавляемое и направляемое традиционно сильными в этой стране профсоюзами. Объективно, во Франции возникли все необходимые условия для активизации левых сил и заявления ими «левой альтернативы» в повестку дня общенациональной политики. Однако, вопреки всем прогнозам, одна из влиятельнейших в Западной Европе Социалистическая партия Франции продолжила свою серию из болезненных поражений, начавшуюся скандальными президентскими выборами 2002 года, когда кандидат от социалистов действующий премьер Лионель Жоспен впервые за долгие годы не сумел выйти во второй тур, пропустив туда «традиционного правого» Жака Ширака и лидера праворадикального Национального Фронта Жана-Мари Ле Пена. Выдвижение перед президентскими выборами 2007 года в качестве кандидата «нового лица партии» Сеголен Руайаль позволило улучшить имидж социалистов, но не позволило остановить прорыв во власть «нового правого» Саркози, собравшего голоса не только праволиберального, но и части право-консервативного (и даже праворадикального) электората. В ситуации недовольства значительных групп населения Франции «антисоциальной» политикой Саркози последний вместе со своей партией ... достаточно уверенно выигрывает выборы в Сенат и наносит сокрушительное поражение социалистам на недавних выборах в Европарламент.

Сама же Социалистическая партия переживала в тот момент глубокий внутренний кризис и раскол (особенно после того, как «умеренная» Сеголен Руайаль вследствие решения партийного съезда 2009 года уступила свой пост председателя близкой по своим взглядам к троцкизму Мартине Обри), что позволило видному представителю «новых философов» Бернару-Анри Леви публично заявить тогда о ее наступившей «смерти». Франция «бурлила», но ... голосовала за «правых». И если бы Николя Саркози действительно бы удалось выстоять и нанести итоговое поражение профсоюзам, у него были бы развязаны руки для проведения задуманной им либерально-реформистской по-

литики, означающей конец «французского социализма» (с определенными компенсациями наиболее пострадавшим группам населения).

И еще более характерный пример обнаруженной нами «парадоксальной закономерности» являет современная Россия – здесь, несмотря на всю серьезность и глубину современного кризиса и усиление пока еще по преимуществу латентных протестных настроений, массовый запрос на «леваую альтернативу» пока не просматривается. И дело здесь не только в конформистской линии нынешнего руководства КПРФ, успешно интегрировавшегося в российский политический истеблишмент. И даже не в роли Владимира Путина как общенационального лидера, который, собрав воедино в начале 2000-х годов Российское государство, «изъял» у коммунистов монополию не только на государственничество и патриотизм, но, до известной степени, и на идеи социальной справедливости и социальной защиты «слабых».

В то же время характерно, что укрепление государства Владимиром Путиным рассматривалось многими представителями «либерального истеблишмента» как предпосылка для дальнейших более глубоких либеральных реформ. Однако последнее было использовано им как способ миновать политические крайности как «слева» (социал-популизм), так и «справа» (национализм) и прийти к построению устойчивой и функциональной модели государственного капитализма, в рамках которой госкорпорации, системные олигархи и «единая властная вертикаль» являются лишь функциональными элементами. Согласно логике «курса Путина», последовательный либерализм был отвергнут как «малопопулярная альтернатива», а резкие повороты «вправо» и «влево» отброшены как контрпродуктивные с точки зрения интересов развития страны. И неслучайно, что именно «госкапиталистическая модель» стала для российских властей организационной основой для преодоления современного кризиса.

Однако не происходит ли нечто сходное по сути на современном Западе, для которого, по мнению знаменитого Славоя Жижека, Владимир Путин выступает как своеобразное «зеркало», в которое западные властители умов никак не желают смотреться?

Действительно, как в случае Германии и Франции, так и в случае России можно обнаружить действие примерно аналогичной политической схемы с известными поправками на национальную специфику. В рамках этой схемы либералы, оказавшись у власти в период кризиса и осознавая невозможность использования традиционных либеральных механизмов управления экономикой, отказывались от ряда положений «laissez-faire» и успешно заимствовали элементы госкапиталистической, корпоративистской (с выделением привилегированных

бизнес-структур) и социально-ориентированной моделей управления. В итоге они оставляли «не у дел» представителей левых сил, которые в силу своего догматизма, конформизма либо прежних идеологических уступок либерализму «теряют лицо» и оказываются не в состоянии предложить «бурлящему социуму» сколько-нибудь ясную идеологическую альтернативу.

И если в России госкапиталистическая модель, предполагающая наличие системы «неписаных правил» во взаимоотношениях власти и бизнеса с активным использованием перераспределительных механизмов в целях осуществления социальной политики была успешно внедрена Владимиром Путиным еще в докризисный период, то в Германии демохристиане Ангелы Меркель пришли к осознанию необходимости «госкапиталистического» синтеза только в ситуации углубляющегося социально-экономического кризиса и роста протестных настроений. Во Франции «неоголлист» Николя Саркози, провозгласивший либеральную программу и стремившийся восстановить эффективность системы государственного управления (для чего необходимо избавить государство от «социальных перегрузок» и чрезмерного влияния «антисистемных сил» в виде левых профсоюзов и «улицы»), постепенно неизбежно пришел к пониманию необходимости использования некоторых элементов госкапитализма (дирижизма) и социального протекционизма.

В свою очередь, в Италии «госкапиталистическая» программа с элементами корпоративизма и адресной социальной политики довольно успешно осуществлялась правительством Сильвио Берлускони. В США «новый курс» Барака Обамы, рассматривавшийся многими как вариант искомой многими «левой альтернативы» неолиберальному курсу прежней республиканской администрации также эволюционировал в сторону госкапиталистической и корпоративистской моделей, без использования элементов которых Обама рисковал спровоцировать «бунт элит» и провалить реализацию взятых на себя масштабных «социально-экономических реформ», содержащихся в представленном им Конгрессу США «конъюнктурном пакете».

И что же оставалось в этих условиях левым силам? Будучи не в силах предложить конструктивной альтернативы курсу «перестроившихся либералов», они были обречены на постепенное «вымывание» из публичного дискурса, превращаясь в некий «политический реликт» с ограниченной «зоной влияния» (в России в случае с КПРФ это произошло относительно быстро и почти безболезненно в связи со «сжатием» с начала 2000-х годов пространства публичного дискурса как такового). На перспективу в качестве альтернативы «неолиберальному

госкапитализму», как можно предположить, будут выступать не «традиционные левые», а различные организованные по сетевому принципу «антисистемные движения» (экологи, альтерглобалисты, религиозные фундаменталисты и националисты, движения меньшинств и др.), выходящие за рамки традиционного идеологического деления на «правых» и «левых». Однако прежде чем бросить вызов формирующейся «госкапиталистической системе», последним предстоит накопить достаточный политический, организационный и экономический «капиталы», что потребует известного времени. Наконец, в авангарде движения против «системы» (и во главе международного «левого движения» в целом) могут оказаться лидеры государств Второго и Третьего миров, объективно не имеющие необходимых ресурсов для проведения подобной «госкапиталистической» и «социально-протекционистской» политики, что сделает их оппонентами «нового мирового порядка» в целом. Так или иначе, подобные «сдвиги» существенно изменят не только глобальный политический ландшафт, но и сам контекст формирования современной «левой» идеологии.

Лидерство Германии в Европейском Союзе: время или стратегическая миссия?

Новая Германия в объединяющейся Европе

Путь Германии к лидерству в объединенной Европе был труден и тернист. Для начала было необходимо доказать, что страна вследствие поражения 1945 года в корне изменилась. Заявленная известным немецким журналистом и экспертом по внешней политике Ф.-Р. Аллеманном формула «Бонн – не Веймар» оказалась наиболее точной в этом смысле. В своей одноименной книге он пришел к заключению, что поражение 1945 года «уничтожило национальный нерв» и одновременно создало новые перспективы развития¹⁰⁹. Аллеманн, в частности, призвал извлечь из «немецкой катастрофы» «новую национальную энергию», благодаря которой «творение победителей превратилось в результат творчества самих немцев»¹¹⁰. Предпосылкой этой разительной перемены, по мнению эксперта, стало то, что в сознании немецкого народа после Второй Мировой войны произошли глубокие «не столько политические, сколько идеологические сдвиги, последствия которых глубоко отразились на политической жизни, отношении людей к государству и к его конкретным формам»¹¹¹. Естественным ориентиром

109 Allemann F.-R. Bonn ist nicht Weimar. – Köln, 1956. – S. 115.

110 Allemann F.-R. Ibid. – S. 83.

111 Allemann F.-R. Ibid. – S. 415.

во внешней политике для возрожденной Германии оставалась Европа, которая предоставляла стране возможность выхода из того «состояния слабости», в котором она оказалась после 1945 года. В результате все то, в чем Германии было отказано на национальной почве, было перенесено на «наднациональный уровень»¹¹².

Новой Германии еще только предстояло определить свое место в послевоенной Европе, учитывая последствия «общеевропейской катастрофы». Так, еще в 1946 году Э. Морэн, антифашист и участник движения европейских федералистов, с удовлетворением констатировал: «Европы больше нет». Последнее было неудивительно: ибо сам Морэн как участник французского Сопротивления яростно боролся с тем, что Гитлер называл «Новой Европой», видя в «Старой Европе» скорее очаг империализма и господства, нежели оплот демократии и свободы¹¹³. По словам Э. Морэна, нацистская Германия желала интегрировать Европу посредством завоевания¹¹⁴. Подобный опыт не мог не вызвать серьезных опасений в отношении возрождаемой «немецкой мощи», что во многом определило изначальное содержание и направленность нового общеевропейского «интеграционного проекта».

По мнению немецкого эксперта Э. Кроме, заявленная в послевоенный период Ж. Монне и П. Шуманом исходная «идея ЕС» предполагала создание общеевропейского «мирного порядка» за счет «сдерживания Германии». На практике это означало ограничение ее интересов не только с участием Франции, но также с вовлечением Италии и стран Бенилюкса, и должно было осуществляться на путях «супранациональной институционализации»¹¹⁵. Последнее включало в себя создание Совета Европы (1949), Европейского Сообщества угля и стали (1951), Европейского экономического сообщества и Евротома (1957), и последующие нововведения. Германия, неоднократно до этого проявлявшая устремления к доминированию на континенте и ставшая инициатором двух мировых войн, должна была быть «уравновешена» с учетом ее возможной «третьей попытки». С решением этой задачи было связано и послевоенное разделение Германии: три западных державы обязывались контролировать ФРГ, а Советский Союз – ГДР. НАТО и Варшавский договор не только противостояли друг другу, но также обеспечивали контроль над Германией. Елисейский договор 1963 года, ознаменовавший собой историческое примирение Германии и Франции с превращением двух стран в перспективных партнеров расширил «окно возможностей» для Бонна, но не способствовал преодолению существующих ограничений.

112 Allemann F.-R. Ibid. – S. 128.

113 Morin E. Penser l'Europe. – Paris: Gallimard, 1990. – P. 45.

114 Morin E. Ibid. – P. 160.

115 Crome E. Deutschland in Europa // Welttrends. – N 86. – 2012. – September/October. – S. 60.

Важной частью этих дебатов о наилучшей для Боннской республики внешнеполитической стратегии являлись споры о концепции германского нейтралитета и пацифистского движения. Для их приверженцев Европа 1980-х годов являлась безмолвным, бесполезным, оделенным на сферы влияния континентом, и Германия должна была – исходя из своего политического положения – стать вдохновительницей процессов, целью которых бы являлось преодоление границ между политическими блоками. Так, берлинский историк П. Брандт, сын бывшего канцлера ФРГ, вместе с Х. Амоном желали видеть в «Средней Европе» «землю мира» – жители которой, свободные от предубеждений, вытекающих из политической реальности, создали бы в итоге единое государство. Освобождение Германии от членства в военных блоках, в свою очередь, могло бы создать шанс для создания «сферы разрядки» и фундамента для мира на всем европейском континенте¹¹⁶.

Развивая эту тему, бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, указал на неразрывную связь между политическим позиционированием Германии и ее взаимоотношениями с соседями: «Мы, немцы, имеем гораздо больше соседей, чем все другие нации Европы. Географическое расположение в середине нашего относительно маленькой, но густонаселенной части земного шара делает для нас весьма сложным делом жизнь в мире со всеми соседями, которые живут как на периферии континента, так и на его островах или полуостровах. В течение столетий достаточное количество друзей оказалось на нашей земле. Если рассматривать географию и историю Европы, увидит, что отсутствие мира красной нитью проходит через всю судьбу немцев»¹¹⁷.

Характерно в этой связи, что Германия, мыслившая себя неотъемлемой частью объединенной Европы, еще на исходе «холодной войны» предлагала собственный вариант «мягкой интеграции», переосмысливая прежние геополитические концепты. Так, бывший председатель СДПГ, известный пропагандист идеи «Европы регионов» Петер Глоц в одной из своих статей, написанной еще в 1986 году, открыто призвал «использовать концепцию «Срединной Европы» как инструмент второй фазы политики разрядки». Глоц также высказал пожелание о том, чтобы границы между Прагой и Франкфуртом, Веной и Будапештом были снова преодолены: «Срединная Европа: что побуждает нас к интенсивной торговле и к тесному переплетению наших глубоко родственных культур»¹¹⁸. Срединная Европа, согласно Глоцу, представляла собой версию немецкого пути к разрядке, приглашение к от-

116 Brandt P., Ammon H. Patriotismus von Links // Venohr W. (Hrsg.). Die deutsche Einheit kommt bestimmt. Bergisch-Gladbach 1982. S. 158.

117 Schmidt H. Die Deutschen und ihre Nachbarn. - Berlin, 1990. S. 13.

118 Glotz P. Deutsch-böhmische Kleinigkeiten oder: Abgerissene Gedanken über Mitteleuropa. – «Die Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte». 1986. Nr. 7. S. 585.

крытости культур небольших государств Центральной и Восточной Европы. При этом последнее, по мысли видного немецкого политика, не должно было вести к созданию какого-либо немецкого командного «центра» в Европе, но о выдвижении Германией мирной инициативы, ведущей к смягчению политического и блокового противостояния.

Выходом из ситуации, связанной со многими политическими ограничениями, для Германии с учетом ее растущей экономической мощи стала модель «торговой нации» (Trade Nation). В рамках этой модели ФРГ, твердо следуя установленным политическим ограничениям и принципам «атлантической солидарности», брала на себя основное бремя в связи с созданием общеевропейской валюты и качественно нового «общеевропейского рынка». Символом этой новой роли Германии стал Франкфурт-на-Майне – «экономическая столица» объединенной Европы.

Евро, согласно Г. Колю, практически с момента своего создания «говорило по-немецки» - если вспомнить известное английское выражение «Деньги говорят» («Money talks»). Финансовые круги Германии неизменно называли «стабильность финансовых рынков» в качестве главного необходимого условия участия Германии в поддержании общеевропейской единой валюты¹¹⁹.

Неслучайно в этой связи, что наряду с Бонном именно Франкфурт-на-Майне, символизирующий возрастающую финансовую мощь Германии и объединенной Европы, некоторое время рассматривался в качестве претендента на роль новой общеевропейской столицы. Однако против этого активно выступила Франция, опасаясь «сразу же потерять Страсбург как место проведения сессий европейского парламента и увидеть, как объединенная Германия играет излишне важную роль в Союзе»¹²⁰. Менялись президенты этого банка, в то время как сам Франкфурт сохранял ореол реальной и символической власти, которые были ему присущи.

В то же время, концепт «торговой нации» был все же недостаточен для обеспечения немецкого лидерства в рамках объединенной Европы. Дополнительными аргументами в пользу усиления влияния Германии на общеевропейские процессы стали как идея немецкого объединения, так тесно связанные с ней идея «европейского федерализма» (предполагавшая распространение немецкой федеративной модели на устройство ЕС) и концепт «Европы регионов и меньшинств» (предполагающий расширение влияния немецких земель на регионы сопредельных государств).

Так, уже в преамбуле германской Конституции в версии 1949 года было заявлено, что «германский народ вдохновляется желанием по-

119 См.: Stuttgarter Zeitung. – 1993. - 2 october.

120 Le Monde. – 2001.- 8 fevrier.

служить утверждению мира во всем мире в качестве участника равноправной Европы». В свою очередь, в мае 1989 года, подтвердив свое обязательство всемерно содействовать объединению Германии в соответствии с Конституцией страны, канцлер Г. Коль напомнил всем о том, что «объединение Германии и европейская интеграция связаны между собой»¹²¹. Одновременно с этой декларацией Г. Коль отдал долг чести К. Аденауэру, который в своей речи в памятный день 5 мая 1955 года – День восстановления германского суверенитета – определил стратегическую цель немецкой политики следующим образом: «Свободная единая Германия в рамках свободной и единой Европы».

Таким образом, объединение Германии и интеграция Европы виделись «отцу-основателю» ФРГ не как конкурентные, но как взаимосвязанные миссии¹²².

Наряду с приведенным выше заявлением, Г. Коль решительно не усматривал, «в чем именно принадлежность ФРГ к единому федеративному европейскому государству – Соединенным Штатам Европы – является юридическим препятствием для свободного самоопределения в пользу единства и свободы Германии», как заявил тогда, в мае 1989 года Коль, является сторонником федерализма как перспективной модели европейского устройства: «Европа с федеративным устройством также уважает лингвистическое, культурное и региональное разнообразие, присущее ее народам, и гарантирует этническим, лингвистическим и религиозным группам необходимое пространство для мирного сосуществования». Будучи убежденным в том, что «ход истории не зависит от исторических ограничений», а также в том, что «воля и действие являются решающими факторами», федеральный канцлер Г. Коль весной 1989 года зафиксировал в качестве первоочередной цели достижение германского единства, в то время как другие политические цели рассматривались им тогда как производные от этой цели. Как результат, Договор об объединении Германии, подписанный 31 августа 1990 года, содержал в преамбуле положение о месте Германии в единой Европе.

«Миссия Германии»:

ценностное измерение и перспективы

В то же время, «общеевропейская миссия» Германии имеет не только экономическое и политическое, но и ценностное измерение, что предъявляет дополнительные требования к ее прогнозируемому лидерству в ЕС.

Германия, полагавшая себя неотъемлемой частью объединенной Европы, еще на исходе «холодной войны» предлагала собственный

121 Kohl G. Die Präambel des Grundgesetzes aus der Sicht der CDU // Das Wiedervereinigung gibt des Grundgesetzes. – Bonn, 1989. – S. 13-20.

122 Bollman Y. Ca que veut Allemagne. – Paris: Bartillat, 2003. – P. 17.

вариант «мягкой интеграции», переосмысливая прежние геополитические концепты. Так, еще в 1992 г. политолог Х. Маулль высказал убеждение в том, что Германия призвана действовать на международной арене как «цивилизованная сила» (Zivilmacht), содействуя распространению цивилизованных принципов международной политики на региональном и глобальном уровнях, причем не только мирными, но и военными средствами¹²³. Развивая эту идею, другие исследователи высказывали мнение о том, что «пока германское будущее лежит в Европе, Германия останется цивилизованной силой»¹²⁴. Другой исследователь - Ю. Гросс - полагал оптимальной для Германии «стратегию многополярности», позволяющую приспособиться к реалиям глобального мира и имеющую своей целью стабильность для Европы¹²⁵.

В свою очередь, выступая на страницах «Le Monde» и разъясняя французским читателям соотношение сил в Германии в период парламентской избирательной кампании лета 2002 года, профессор Мюнхенского университета У. Бек параллельно высказал свое мнение об особенностях восприятия своей страны в объединенной Европе. По мнению Бека, на место «банальности зла», о которой писала в свое время Х. Арендт, анализируя печально знаменитый «случай Эйхмана», в Германии пришла «банальность добра», связанная с послевоенными социально-экономическими достижениями и бросающаяся в глаза ее соседям¹²⁶.

Согласно У. Беку, восприятие Германии в качестве своего рода «зеленой Швейцарии», то есть страны, где стало рентабельным работать «в интересах мира и защиты окружающей среды», стало на рубеже веков достаточно распространенным в странах Евросоюза. Подобные устремления, по мнению мюнхенского социолога, находят свое политическое и мировоззренческое воплощение в «пост-национальном реализме», в «политике взаимозависимости». Последняя выгодна, в первую очередь, для самой Германии. Они также связаны с реализованной в Германии моделью «левого капитализма» (рыночная экономика+социальное государство), которая все же не ушла от «двойственности немецкого блага», воплотившись в динамично растущих экономике и благосостоянии, в способности обеспечить мир и безопасность своим гражданам.

Согласно У. Беку, благодаря своей ориентации на вышеперечислен-

123 Maull H. W. Deutschland als Zivilmacht // Schmidt S. Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Wiesbaden, 2007. S. 73 f.

124 Weisskirchen G. Wandel durch Annaeherung // WeltTrends. - N 44. - Herbst, 2004. - S. 116.

125 Groß J. *Stabilität im Chaos*: deutsche Strategie im 21. Jahrhundert. Baden-Baden, 1998. - S. 70.

126 Beck U. L'Allemagne et la banalité du bien // Le Monde. - 2002. - 15 août.

ные социальные блага «Германия освободилась от варварства, которое сама ранее вызвала к жизни». Бек констатирует, что современная ему Германия в состоянии «собрать урожай плодов политики взаимозависимости в расширяющейся Европе». Именно его страна, по мнению мюнхенского социолога, является главным «бенефициантом» этого расширения, которое создает возможности «неограниченной торговли со странами Центральной и Восточной Европы».

При этом в рамках немецкого образа «банальности добра» для У. Бека на первом месте стоит «новая мораль» - причем только в той мере, в которой «взаимозависимость означает, прежде всего, примирение». Согласно ему, речь в данном случае идет о реализации принципа, заявленного в свое время Г. Шмидтом и Э. Хонеккером, в соответствии с которым «ни одна война не должна зарождаться на немецкой земле».

В качестве второго источника концепта «банальности добра» Бек называет «национализм немецкой марки», описывая этот новый феномен следующим образом: «Немцы, которые, будучи солдатами, завоевывали и опустошали чужие страны, обратились в туристов, предлагающих в качестве ценности немецкую марку». В итоге, по мнению социолога, «немецкая мораль конвертировалась в демократию».

Каковы же в этом контексте перспективы лидерства Германии в объединенной Европе? По мнению Бека, перспектива Германии связана, прежде всего, с превращением в описанное им ранее «космополитическое государство»¹²⁷. Последнее предполагает ее отказ от национализма и взятие на себя части «глобального бремени». Согласно прогнозу мюнхенского профессора, национальное государство обречено уступить свое место «Европе регионов» и меньшинств, а также «Европе, организованной в соответствии с федеративным принципом». Готова ли сама Германия согласиться на «растворение» своей национальной идентичности ради выполнения исторической миссии по «объединению Европы», остается вопросом.

В самой Германии выделяется несколько основных позиций по этому вопросу. Первый подход объединяет сторонников идеи «Соединенных Штатов Европы». Типичными в этом отношении являются суждения директора европейских программ Фонда Бертельсмана Й. Фриц-Ваннаме: «В современном состоянии достичь чего-то большего невозможно. Европейский союз стоит на пороге создания Соединенных Штатов Европы»¹²⁸.

Вторая группа, напротив, считает необходимым приостановить процесс дальнейшей передачи национального суверенитета на уро-

¹²⁷ Beck U. Der kosmopolitische Staat. Staatenbildung neu denken - eine realistische Utopie // Spiegel. – 2001. - 5 oktober.

¹²⁸ Fritz-Vannahme J. Fuer die Vereinigten Staaten von Europa // Spotlight Europe. – 2012. – März. - S.1.

вень ЕС. Их кредо состоит в том, что ЕС не является государством. Точку зрения этой группы концентрированно выразил бывший судья Конституционного суда ФРГ П. Кирхофф, заявивший следующее: «Германия остается суверенным государством; она сохраняет ответственность за свою экономическую инфраструктуру и свое экономическое право. Соединенные Штаты Европы не попадают под действие ее Основного Закона»¹²⁹.

Третью группу образуют сторонники дальнейшей интеграции в рамках ЕС через создание политического союза. К этой позиции очевидным образом принадлежит действующая канцлер А. Меркель, активно продвигающая проект в духе идеи «больше Европы». Однако окончательные контуры этой концепции остаются неясными. Приверженцы рассматривают ее как долгосрочный проект, первым этапом которого должно стать создание Таможенного Союза. Более определенно об устройстве возможного будущего политического союза высказался действующий министр финансов В. Шойбле, заявивший, что «в 1990-е годы нам не удалось создать политический союз Европы. Однако мы не хотим никакого европейского «супергосударства»¹³⁰. В то же время, как приверженцы «Соединенных Штатов Европы», так и противники европейского «супергосударства» находятся в сегодняшней Германии в явном меньшинстве. Какой-либо «промежуточный» вариант, примиряющий две этих противоположных по смыслу позиции, пока не найден.

Роль в Германии в урегулировании «кризиса еврозоны»

В то же время мировой экономический кризис, заявивший о себе в 2008 году и перешедший в кризис «зоны евро», по-новому расставил акценты во внезапно вновь ставшем актуальным «немецком вопросе». Многие из того, что ранее обсуждалось лишь в теории, оказалось в самом центре политической «повестки дня». Разразившиеся финансовый и долговой кризисы в ЕС стали «моментом истины» не только для институционального устройства, но и для изначальных целей, заявленных при создании Союза.

Послевоенная «конструкция» ЕС пришла к своему концу вместе с окончанием противостояния между Востоком и Западом в 1989-1991 годах. В центре Европы снова возникла единая Германия, извлекавшая политические дивиденды от участия в составе победившей в «Холодной войне» коалиции. «Прорыв» 1991 года получил название «ревизии послевоенного порядка». Швейцарский журналист Е. Хюйер охарак-

¹²⁹ См.: Frankfurter Allgemeine Zeitung. - 2009. - 30 Juni.

¹³⁰ Shauble W. Rede anlässlich der Verleihung des Internationalen Karlspreises zu Aachen am 17. Mai 2012 // <http://www.wolfgang-schaeuble.de/index.php?id=30&textid=1524&page=1>.

теризовал изменившуюся ситуацию следующим образом: «Бундес-республика не находится больше под опекой и не полагается исключительно на поддержку своих союзников». В итоге, по заключению Хьюера, «Германия причислена к числу выигравших от нового мирового порядка». В результате масштабных политических изменений, она обрела «критическую массу», позволяющую активно участвовать в современной международной политике и в обустройстве «постблокового мира». По мнению Хьюера, объединенная Германия, таким образом, достигла уровня великих держав, и начинает пользоваться вытекающими из этого нового статуса возможностями¹³¹. Это было написано еще до разворачивания современного финансового кризиса, в результате которого Германия получила возможность проводить в жизнь политику великой державы.

С момента объединения заметно увеличилась самостоятельность немецкой внешней политики. Германия послала своим союзникам по ЕС и НАТО ясный сигнал о том, что она готова участвовать в принятии международных решений и осуществлении совместных действий при условии, если это соответствует ее интересам. Реализация «немецких интересов», таким образом, перестала быть простой производной от «союзнических обязательств» Германии, стала определяться качественно иначе.

Изменения коснулись и немецкой политики в отношении ЕС. Так, для федеральных канцлеров К. Аденауэра, В. Брандта, Г. Шмидта и Коля «европейская интеграция» была подчинена, прежде всего, национальным интересам Германии и не выступала как «самоцель». В отношении политики кабинета А. Меркель в «долговом вопросе», неразрывно связанном со спасением «зоны евро», это заявление не столь очевидно. Скорее складывается впечатление, что ЕС формируется преимущественно исходя из немецких представлений о «базовых предпосылках», необходимых для будущего мироустройства. При этом очевидно, что Германия, несмотря на ее очевидно возросшую геополитическую и геоэкономическую мощь, все же не способна пока действовать на международной арене на уровне Китая; в то же время при поддержке своих союзников по Евросоюзу она способна заявить о себе в этом качестве. Главная проблема касается механизмов, которые обеспечат Германии новое качество общеевропейского лидерства.

Своими размышлениями на эту тему на страницах журнала «Меркур» в начале 2012 года поделился профессор публичного права К. Шенбергер, который, в частности, описал, каким образом изменилась ситуация в связи с общеевропейским финансовым кризисом. По его мнению, «вызовы, которые вытекают из гегемониальной позиции

131 Hujer E. Schluss mit der Heuchelei. Deutschland ist eine Grossmacht. – Hamburg: Korber-Stiftung, 2007. – S. 9.

Германии в рамках ЕС, достаточно велики». Обобщая, Шенбергер приводит следующую аналогию: «Гегемония в рамках ЕС требует от немецких элит и немецкой общественности того, к чему Германия с ее положением в центре Европы всегда стремилась: отказ от национальной интроверсии; внимательное изучение, наблюдение и оказание влияния на соседей; определение собственных интересов с учетом интересов партнеров». Исходя из изменившейся ситуации и новых открывшихся перед Германией возможностей, автор категорично заключает: «Ни ментальная и институциональная сосредоточенность на себе, ни ограничение управлением собственной территорией непозволительны для бундес-республики... Германия должна нести бремя гегемонии, даже если оно оставляет болезненные следы на ее плечах»¹³². Последнее предполагает не столько выгоды, которые немецкий капитал извлек из введения евро и процессов интеграции внутри ЕС в течение последних двух десятилетий, но прежде всего политические вызовы, на которые призвана ответить Германия.

В свою очередь, У. Герот, с 2007 года возглавляющий берлинское бюро Европейского Совета по международным отношениям (European Council on Foreign Relations, ECFR), комментируя выступление федерального министра В. Шойбле во время вручения ему премии Карла Великого в Аахене в 2012 году, категорично заявил: «Европа будет немецкой, а Германия будет гегемоном Европы. И это должно быть неплохо». Развивая свою мысль, Герот подчеркнул следующее: «Германия должна продемонстрировать стратегический взгляд и лидерские качества... Благодаря евро Германия стала мировой державой. Несмотря на это, она, к ущербу для себя, не понимает – или не хочет понять – что евро по самой своей природе является политическим»¹³³.

Другие исследователи, в частности, характеризуют то напряжение, которое существуют сегодня между германскими устремлениями к гегемонии и теми опасениями, которые последние вызывают в странах Евросоюза: «Насколько велик страх перед немецкой гегемонией в Европе, настолько же велики и надежды на Берлин, которые очевидно носят не только экономический характер. Все ожидания, относящиеся к Германии, так или иначе, касаются ее политического лидерства в Европе, а также ее финансовой ответственности за Европу»¹³⁴.

Таким образом, мнения значительной части немецких экспертов сводятся к следующему:

1) Немецкая гегемония в Европе через 20 лет после немецкого объединения воспринимается как состоявшийся факт;

132 Schönberger Ch. Hegemon wider Willen // Merkur 752. – Januar 2012. – S. 1.

133 Deutschland radio Kultur. – 2012. – 11 Juni.

134 См.: Seils Ch. Merkel und der Euro. Wann wird «Madame No» weich? // Der Tagesspiegel. – 2012. – 25 Juni.

2) Экономическая мощь Германии рассматривается как основа ее гегемониального положения, а все существующие вызовы в отношении нее рассматриваются как имеющие политическую природу;

3) Финансовый и экономический кризисы привели к изменениям, позволяющим Германии утвердиться в «экономически доминирующей роли»¹³⁵.

В то же время, наряду с оптимистическими суждениями, звучат и оценки, подчеркивающие неоднозначность современного положения Германии. Так, например, Б. Ульрих, главный редактор гамбургского еженедельника «Die Zeit», высказался об этом так: «Германия – это средняя по своему потенциалу мировая держава, которая сильнее любой из стран Европы, но при этом очевидно слабее США и современного Китая. До момента объединения и после него, в интересах Германии было не показывать свою силу, чтобы не мобилизовать против себя существующие «исторические предрассудки». Этой максимы придерживалось каждое правительство, включая нынешнее. Само по себе это больше не работает. В условиях финансового кризиса, который напрямую связан с европейскими валютным и долговым кризисами, Германия будет добиваться лидерства как наиболее «здоровая» в экономическом отношении держава, и с этого момента она не будет больше скрывать свою силу»¹³⁶.

В свою очередь, Х. Кунднани из Европейского Совета по международным отношениям так оценил ситуацию: «Европейский кризис создал новую Германию. «Гражданская» держава Германия стала геоэкономической державой». В то же время последнее, по мнению Кунднани, создает «растущее напряжение между экономическими и политическими интересами страны»¹³⁷.

При этом, по его мнению, «Германия способна перерасти свои «естественные рамки». Соседи больше не в силах ее сдерживать, однако Германия недостаточно велика для того, чтобы стать гегемоном»¹³⁸.

В свою очередь, некоторые другие исследователи полагают, что возрождение Европы возможно за счет возрождения «принципов самоопределения и солидарности», на основе понимания евро в качестве «культурного блага и идентифицирующего признака, политической программы и инструмента интеграции, глобальной торговой и резервной валюты, стабилизатора и конкурента доллара»¹³⁹. Германия, где со-

135 Crome E. Deutschland in Europa // Welttrends. – N 86. – 2012. – September/October. – S. 63.

136 Ulrich B. Wofür Deutschland Krieg führen darf. Und muss - Eine Streitschrift. - Reinbek, Rowohlt Verlag, 2011. – S. 64-67.

137 Kundnani H. Paradoxon Deutschland: eine geoökonomische Macht in der Zwickmühle // Internationale Politik. – 2011. – N 6. – S. 62.

138 Kundnani H. Paradoxon Deutschland. – S. 67.

139 Kleinwächter L. Deutsche Verantwortung für Europa // Welttrends. – N 86. – 2012. – September/October. – S. 143.

отношение сил изменяется в пользу «левоцентристов», способна предложить Европе новую социально-экономическую стратегию и взять, таким образом, на себя ответственность за ее будущее. Как представляется, современная Германия с ее масштабным и значимым опытом политического и социально-экономического развития во второй половине XX века, с достигнутым ею уровнем социально-гуманитарного развития вполне способна предложить Европе эффективную стратегию выхода из кризиса и осуществления дальнейшей интеграции. Существующие в ней модели политической системы, социального и правового государства, федеративного устройства могут стать основанием для обновленного общеевропейского проекта, обеспечив Германии лидерство в этом процессе. В том самом процессе, где последняя будет играть роль не «доминантной силы» или «донора», но «первой среди равных», иницилируя необходимые инновации и распространяя свои достижения. Готова ли остальная Европа принять Германию в этой роли? На этот вопрос уже в ближайшее время должны ответить сами европейские граждане и представляющие их элиты.

Германо-французские отношения на фоне углубляющегося «еврокризиса»

«Единая Европа» погружается в кризис. Со страниц европейских газет и телеэкранов не сходит тема Греции и ее возможного исключения из «еврозоны», открыто говорится об общеевропейском падении темпов экономического роста, активно обсуждается неудача на последних региональных выборах в Германии входящей в правящую коалицию ХДС, что способно разрушить определенность в германской политике, столь значимой для ЕС¹⁴⁰. Этот кризис имеет глубокий и комплексный характер, что позволяет экспертам говорить о кризисе сложившейся на сегодняшний день в масштабах общеевропейского пространства политической и экономической модели, неопределенности со стратегией модернизации в ответ на вызов глобализации, кризисе идеологии европейской интеграции (и самой идеи «единой Европы» - по крайней мере, в ее современной модификации). Сегодня со всей остротой стоит вопрос о судьбах «зоны Евро» и основаниях финансовой политики Евросоюза, в глубоком кризисе находится сформировавшаяся в европейских странах в течение XX века модель национального государства и социальной политики, модель национально-культурной политики и сам подход к формированию национальной идентичности (знаменитое Multi-Kulti)¹⁴¹. В странах-членах ЕС отсутствует консенсус относительно дальнейших перспектив и способов реализации «европейского

140 Sontheimer M., Becker S. Angriff der Piraten// Spiegel. – 2011. – 18 august.

141 Multikulti in der Krise // Berliner Morgenpost. – 2008. – Freitag, 30. Mai.

проекта», что выразилось в провалах нескольких национальных референдумов о присоединении к «Лиссабонскому договору» 2008 года, а также в дискуссиях вокруг предложений Германии, озвученных на саммите ЕС в Брюсселе в 2010 году и касающихся усиления контроля за экономической политикой стран-членов Союза, введения «институционального регулирования» в отношении стран-должников и ревизии самого Лиссабонского договора в сторону расширения полномочий общеевропейских институтов¹⁴². Последнее чревато дальнейшим расколом между экономическими лидерами и «париями», между «старой» и «новой» Европами, что способно поставить под сомнение сами перспективы «европейского единства».

На этом фоне все более явным становится углубляющийся **разрыв между устремлениями европейских элит и гражданских обществ европейских стран**. Если сложившаяся на сегодняшний день «элита ЕС» все более склоняется к усилению элементов централизации в управлении общеевропейской экономикой и финансами (проект, который лоббируется руководством Германии при поддержке Франции), то среди значительной части населения европейских стран распространяются настроения в духе евроскептицизма. Применительно к общеевропейской политике есть основания говорить комплексном политическом кризисе, проявлениями которого являются кризис доверия, кризис легитимности (прежде всего общеевропейских институтов и элит), кризисе участия (свидетельством чего чему - проявления абсентеизма на общеевропейских выборах) и кризисе проникновения (в связи с затрудненностью реализации общеевропейских идей и проектов). В более широком контексте, имеет место быть как кризис общеевропейской идеи и идентичности¹⁴³, так и кризис общеевропейских институтов и механизмов. В этой связи с особой актуальностью и остротой встает вопрос о судьбе Восточной Европы и ее возможной роли в контексте общеевропейского кризиса.

Так или иначе, сегодня судьба единой Европы, как и судьба зоны Евро, зависит от отношений Германии и Франции, и в решающей степени – от взаимоотношений их первых руководителей. Так было и во времена Аденауэра и де Голля, и в эпоху Шредера и Ширака, так остается и сегодня. Посему, неудивительны политические «ставки» и «акценты», заявленные в конце 2011 года президентом Николя Саркози и канцлером Ангелой Меркель. Благодаря именно их отчаянным усилиям удалось спасти от казавшегося неминуемым провала декабрьский саммит ЕС и принять на нем «план спасения» европейских финансов,

142 Grant Ch. Europa tanzt nach Deutschland Pfeife // Weltrends – 2011. – N 76. – S. 142-143.

143 Kaina V. Kollektive Identitaet und Vertrauen in Europa // Weltrends. – 2007. – N 54. – S. 85-98.

предполагающий усиление экономической координации и финансовой дисциплины, за что давно ратовали в Берлине.

При этом «союз двух» пошел еще дальше – на рабочей встрече правительств обеих стран, прошедшей в феврале 2012 года на финише президентской избирательной компании во Франции, Ангела Меркель заявила, что поддерживает Саркози во всех его начинаниях, поскольку они «принадлежат к дружественным партиям», имея в виду предстоящие президентские выборы. Меркель считает это «совершенно нормальным». Тем самым «фрау канцлер» давала понять, кого она желает видеть в качестве обладателя Елисейского дворца за 80 дней до первого тура выборов. Свою поддержку канцлер Германии мотивировала тем, что она и Саркози являются «членами одной политической семьи». Относительно своей возможной встречи с конкурентом Саркози П. Олландом, который лидирует, согласно данным предварительных опросов, Меркель ответила уклончиво, что «ничего еще не решено» и подобная встреча «не является главной проблемой на данный момент». В свою очередь, лидер Соцпартии Олланд поддержал план Меркель-Саркози с оговорками, требуя придать ему большее «социальное содержание». В то время как его коллега по партии Арно Монтебур усмотрел в нем проявление «германского диктата», ведущего к установлению «германского порядка» и разрушению «зоны евро»¹⁴⁴.

В этой связи не следовало забывать, что в обеих странах «вектор общественных настроений» в последние несколько лет был развернут отнюдь не в пользу «правоцентристских сил». В Германии успехи на земельных выборах «левых» в разном коалиционном сочетании подтверждают нарастание «левой волны». Против «плана Меркель-Саркози» активно выступает сегодня большинство депутатов германского бундестага. Сегодня политэксперты все чаще говорят о возможности формирования в Германии по итогам следующих парламентских выборов правительственной коалиции «*Rot-rot-grüne*» (СДПГ, «Линке» и «зеленые») и на ее основе – самого левого германского кабинета за весь послевоенный период. А это означает неизбежную ревизию «плана Меркель-Саркози», наиболее жесткими критиками которого являются сегодня именно германские «левые». Характерно, что в «социальном» и «электоральном» планах против планов «правоцентристов» сегодня выступают не только «лица наемного труда», но и значительная часть немецкого «среднего класса», доходы которого сгорают «в топке» современного кризиса, и который не видит практического смысла в планах правительства по спасению банков безо всякой пользы для «реального сектора» и социальной сферы. «Левые» же предлагают выходить из

144 M. Montebourg: Merkel détruit la zone euro // Le Monde. – 2011. – 2 December.

кризиса за счет ужесточения контроля за банковской сферой, адресной поддержки промышленного производства и стимулирования «потребительского спроса» как реального «мотора роста» для экономики¹⁴⁵.

Впрочем, все планы по укреплению «правоцентристского альянса» двух лидеров и возглавляемых ими стран сталкиваются и с более объективными трудностями. В немецкой прессе нередко говорится о «недостатках» Франции, которые мешают ей быть надежным партнером Германии. Подобное отставание от «соседа из-за Рейна» отмечается и во французской прессе¹⁴⁶.

В чем же состоят на сегодняшний день «конкурентные» преимущества Германии перед Францией, столь затрудняющие формирование более «глубокого» союза «двух моторов» общеевропейского развития?

1. В Германии сохраняется мощный и развитый индустриальный сектор, в то время как Франция пережила масштабную деиндустриализацию, сделав в свое время ставку на развитие сферы услуг и «особые меры» наподобие внедрения «всеобщего бакалавриата», отвлекающие значительную часть населения даже из сохраняющегося «производственного сектора».

2. Относительно меньшая перегруженность «социальной сферы» в Германии (во Франции «публичные службы», по мнению самих же французских экспертов, «архаичны» и «перегружены», представляют собой изрядное «бремя» для бюджета и препятствие на пути модернизации экономики).

3. Если основную часть среднего класса Германии составляет так называемое «самозанятое население» (в основном представители «малого» и «среднего» бизнеса), то во Франции значительную часть «средняков» составляют все те же «бюджетники» из «публичных служб», что заметно ограничивает возможности «маневра» для французского правительства в социально-экономической сфере.

4. Германия обладает более гибким и динамичным рынком труда, в то время как соответствующий французский рынок уступает ему в «адаптивности» из-за «чрезмерности» имеющихся «социальных гарантий» (т.н. «социальный пакет», который правительству Франции так или иначе придется «резать», если оно желает добиться «устойчивого роста»).

5. Вследствие меньшего «объема» «социальных льгот» у Германии относительно меньше стоимость рабочей силы, что вкупе с развитой индустриальной базой позволяет стране более успешно привлекать инвестиции даже в условиях кризиса.

¹⁴⁵ Zimmer G. Gemeinsame Lösungen // *Neues Deutschland*. – 2011. – 16. Dezember.

¹⁴⁶ Saint-Paul P. Le nouveau tandem franco-allemand // *Revue de la Presse*. – 2011. – Decembre. – P. 3.

6. Перед Германией со сравнительно меньшей остротой стоит проблема миграции, в том числе за счет проведения более активной и эффективной «культурной политики», нежели это имеет место быть у «французских коллег» (хотя известный «кризис мультикультурализма» признается и Берлином).

Практически все «заинтересованные стороны» сегодня понимают, что новый президент Франсуа Олланд в самое ближайшее время столкнется с рядом проблем, которые будут ухудшаться с каждым днем. Жак Аттали был безусловно прав, нужен сильный человек, чтобы противостоять будущим событиям. Сумеет ли он удержать бразды правления сложнейшей политической машиной, идущей вразнос? Его личные качества и биография не позволяют ответить на этот вопрос.

Что же является конструктивной альтернативой наблюдаемому сегодня углубляющемуся кризису? Распад «зоны евро» или альтернативный проект «левой модернизации», который европейские «левые» пока не могут до конца сформулировать? Сегодняшняя Франция упирается в известный «модернизационный тупик»: без глубоких структурных реформ экономика страны оказывается уже в краткосрочной перспективе обреченной на стагнацию, а издержки от структурных реформ уже порождают нарастающее сопротивление общества. Германия вполне могла бы решить свои проблемы за счет использования перечисленных выше конкурентных преимуществ – для чего, однако, придется сократить «европейские обязательства» и сделать ставку на развитие «внутреннего рынка» на основе комбинирования усилий государства и частного бизнеса (что, однако, едва ли возможно с учетом современных «европейских амбиций» Берлина и интересов германского крупного бизнеса, желающего сохранить для себя рынки европейских стран и использовать новый «экономически консолидированный» ЕС как инструмент геоэкономической экспансии). Так или иначе, формула «европейского концерта» на сегодня отсутствует, что затрудняет скоординированный выход «объединенной Европы» из переживаемого ею «системного кризиса». Актуальные расхождения и ограниченные перспективы партнерства между Берлином и Парижем являются частью этого кризиса, реалистический выход из которого в обозримой перспективе прослеживается только при активном конструктивном участии обеих сторон.

Россия и Германия – долгожданная встреча «зеркальных близнецов»?

Юбилей Великой Победы, отмечаемый в весьма непростой для нас ситуации в мировой политике, располагает к размышлениям и суж-

дениям, выходящим за рамки привычных и устоявшихся. В числе требующих такого осмысления тем – отношения двух государств, кульминация которых пришлась на времена Второй Мировой войны. Россия и Германия – «своего рода «зеркальные близнецы», кровопролитная и разрушительная война между которыми и ее результаты позволяют глубже осмыслить важные моменты в их сложных и противоречивых исторических взаимоотношениях. Обе страны, прежде чем прийти к ситуации тотального противостояния «не на жизнь, а на смерть» в 1941-1945 годах, прошли в ходе своей истории целый ряд сходных по своему содержанию и смыслу периодов. Подобное совпадение не позволяет свести сложную диалектику двухсторонних взаимоотношений лишь к набившему оскомину «спору между славянами и тевтонами». И это – помимо огромного вклада, внесенного немцами в российскую политическую и военную историю, экономику, культуру, науку и технику.

Изначально весьма сходными оказались траектории самоутверждения двух держав в Европе. Так, если Германия смогла реализовать свою многовековую мечту об объединении лишь в 1871 году после серии военных и политических успехов 1860-х годов, то Россия именно в правление Александра Второго и Александра Третьего смогла восстановить и упрочить свои позиции в Европе после тяжелейшего по своим последствиям поражения в Крымской войне.

Обе страны изначально отставали от ведущих стран Запада в социально-экономическом развитии – и обе пытались преодолеть это отставание с помощью реформаторского «рывка» на рубеже XIX – XX веков – следствием чего стало перенапряжение социальной структуры вкупе с недостаточностью гибкостью и эффективностью властно-политических институтов – что привело в итоге обе страны к революциям примерно в одно и то же время. Путь догоняющей «катастрофической модернизации» с последующим срывом в революцию оказал драматическим выбором для тогдашних Москвы и Берлина. Падение монархии вследствие военных неудач и общего политического кризиса в ноябре 1917 и 1918 соответственно повергло оба государства в политический хаос, следствием чего стали глубокие социальные и политические потрясения, изменившие до основания политический и социальный строй обеих стран. Россия пошла по пути социалистической революции – Германия в 1918 году лишь чудом избежала этой перспективы; выступление «спартаковцев» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург в январе 1919 года было подавлено частями фрайкора при полной политической поддержке социал-демократов Эберта.

Воссоздание в обеих странах разновидностей либерального (или

либерализованного) порядка – создание Веймарской республики осенью 1919 года и введение НЭПа вкупе с гражданским миром в Советской России в 1921 – не обеспечило им ожидаемой политической устойчивости и ожидавшегося решения масштабных социально-экономических проблем. В результате вышеназванные «переходные» и сравнительно мягкие режимы в результате углубления кризисов внутреннего развития в обеих странах примерно в одно и то же время были заменены диктаторским и мобилизационным правлением. В рамках этих режимов «нового типа», при всем различии их идеологий, была предпринята попытка консолидировать расколотые предшествующими противостояниями и «классовыми боями» общества. С помощью управляемой «классовой войны» против внутренних оппонентов и противников обе страны избежали полномасштабной гражданской войны и смогли создать предпосылки для модернизационного рывка – использованного Россией и Германией для достижения весьма различных по своему характеру геополитических целей.

Сложная диалектика общечеловеческих и национальных ценностей также предопределила общий драматизм политического развития обеих стран – и если в Германии произошел крен в сторону радикального национализма (принявшего в итоге форму нацизма), то в Советской России – в пользу специфически понятых общечеловеческих ценностей (коммунизм и большевизм), борьба за которые привела к ущемлению «национального начала». И не случайно, что именно Вторая Мировая война привела к столкновению двух этих проектов – в результате чего германский националистический проект, имевший глубокие корни в истории немецкой политической мысли, привел страну к военному и политическому крушению, а советский интернациональный проект уже в ходе войны претерпел трансформацию в направлении «национальных интересов» и «советского патриотизма».

После войны сначала Германия, а затем и Россия пережили период либерализации с отбрасыванием «проклятого прошлого» (осуждение нацизма в воссозданной ФРГ и развенчание сталинского правления в СССР Никитой Хрущевым). Однако до конца трансформаций было еще далеко. Обе страны примерно в одно и то же время заложили основы т.н. «нового мышления» - в Западной Германии у его истоков за десятилетие до Михаила Горбачева с его перестроечными инициативами встал канцлер от СДПГ Вилли Брандт, завершивший формирование немецкой модели социального государства и заявивший в качестве долгосрочной стратегии «новую восточную политику». Затем векторы развития двух государств внешне разошлись – объединение Германии символизировало торжество многолетней национальной идеи

и одновременно «западных ценностей», а СССР вследствие глубоко-го системного кризиса пришел к своему распаду и отказу от активной внешнеполитической роли. Однако очередной исторический виток, связанный с кризисом продвигавшихся и продвигаемых Германией стратегий евроинтеграции и с усилением России (продвигающей проект евразийской интеграции) и жесткой ответной реакцией на последнее поставили оба государства перед во многом сходными проблемами.

На взгляд автора, сегодня в условиях кризиса мировой и европейской политики, и в России, и в Германии протекает процесс «консервативной рефлексии» в отношении имеющегося исторического опыта – без возврата к дискредитировавшим себя идеологемам, но с возможным отказом от ряда прежних несбывшихся политических ожиданий и иллюзий.

Возможно, для двух «зеркальных близнецов» настало время соотнести свои идейные и геополитические поиски и рефлексии – с целью избежать полномасштабного конфликта между Россией и Европой, крайне невыгодного и бесперспективного для обеих сторон.

Последнее особенно актуально сегодня, в дни юбилея Великой Победы, которая означала для России историческое самосохранение и возможность будущего, а для Германии – освобождение от губительных заблуждений и химер, приведших к тяжелейшему в национальной истории поражению. Сегодняшняя ситуация все более явно требует от двух государств, их руководства и элит откровенного политического разговора «без купюр» и шаблонов.

«Новые правые» и «Новая Европа»: возвращение идеи?

Современные споры о судьбах «Большой Европы», вкупе с масштабными дискуссиями о путях спасения «зоны Евро» и о проекте по созданию нового общеевропейского «финансово-политического» механизма (предполагающих значительную ревизию Лиссабонского договора 2008 года с участием всех 27-ми современных членов Евросоюза) всколыхнули общественное мнение стран Европы.

Причины поразившего «еврозону» кризиса весьма многообразны – нестабильность мировых финансовых рынков, спекулятивная стратегия ряда глобальных «финансовых игроков», а также фактическое отсутствие политического контроля за «системообразующими» банками во многих из стран. Вступивший в 2009 году в силу Лиссабонский договор не способствует решению общеевропейских экономических проблем. Заключенный в конце 2011 года т.н. «Фискальный пакт» (больше известный как «Пакт Меркель-Саркози») нацелен в первую очередь на спасение банковской и финансовой систем, а не стимулирование производства и поддержку социальной сферы в переживающих

глубокий кризис странах. В этой связи не вполне ясно, как может простое уменьшение бюджетных расходов без промышленной политики государства способствовать экономическому росту¹⁴⁷. Выпуск еврооблигаций не решает проблем зоны евро, как и стремление ограничиться одними только финансовыми инструментами¹⁴⁸.

Сегодня практически общепризнано, что переживаемый сегодня кризис имеет глубокие последствия для институтов ЕС. Достаточно жестко звучат в этой связи оценки общеевропейской ситуации, опубликованные Центром исследования проблем безопасности Высшей Технической школы Цюриха (Швейцария): «Долговой кризис имеет стратегические последствия для Европы. Роль ЕС как «якоря стабильности» для своих членов ослаблена. Внутриевропейское перераспределение властных полномочий, политическая фрагментация, динамика процессов ре-национализации и снизившееся доверие внутри ЕС привели европейский проект к величайшему кризису в его истории»¹⁴⁹ (Center for Security Studies, 2012, P. 55).

На фоне этих дискуссий становится явным углубляющийся разрыв между устремлениями европейских элит и гражданских обществ европейских стран. Если сложившаяся на сегодняшний день «элита ЕС» все более склоняется к усилению элементов централизации в управлении общеевропейской экономикой и финансами (проект, который лоббируется руководством Германии при поддержке Франции), то среди значительной части населения европейских стран распространяются настроения в духе евроскептицизма. Применительно к общеевропейской политике есть основания говорить о комплексном политическом кризисе, проявлениями которого являются кризис доверия и кризис легитимности (прежде всего общеевропейских институтов и элит); кризисе участия (свидетельством чего являются проявления абсентеизма на общеевропейских выборах) и кризисе проникновения (в связи с затрудненностью реализации общеевропейских идей и проектов). В более широком контексте, кризис общеевропейской идеи и идентичности сочетается с кризисом общеевропейских институтов и механизмов¹⁵⁰.

В этом контексте своеобразным «интеллектуальным вызовом» для элит и гражданских обществ стран ЕС являются подходы и концепции, прогнозирующие наступление эры «европейского регионализма»¹⁵¹ (П. Илляр, Б. Колер-Кох и др.), торжество «европей-

147 Münchau W. Das grosse Einmaleins // Spiegel. – 2012. – 31 Oktober.

148 Böcking D. Die magischen Zahlen der Euro-Krise // Spiegel. – 2012. – 30 Oktober.

149 Center for Security Studies. – 2012. – P. 55.

150 См.: Kaina V. Kollektive Identität und Vertrauen in Europa // Welttrends. – 2007. – № 54.

151 Hillard P. Minorités et régionalismes dans l'Europe fédérale des régions, sous-titre : Enquête sur le plan allemand qui va bouleverser l'Europe. – Paris: Éditions François-

ского федерализма», замещающего современную систему национальных государств (что активно проповедует лидер либералов в Европарламенте, бывший премьер-министр Бельгии Г. де Верховстадт¹⁵²), «новой европейской империи» как универсального пространства, свободного решать проблемы европейских народов; при этом следует отметить имперскую идею отстаивают разные современные европейские интеллектуалы – от Р. Мюнклера, отстаивающего имперскую модель «политического порядка» применительно к ЕС¹⁵³ до знаменитого социолога У. Бека, выдвинувшего вместе с Е. Гранде проект объединенной Европы как «космополитической империи», преодолевающей «наследие» национальных государств, «ксенофобии» и национализма¹⁵⁴.

В то же время новые ветры, дующие над Европой, востребуют к жизни идеи, отрицающие изначальное содержание «европейского проекта», на котором построена вызывающая масштабные дискуссии общеевропейская Конституция и сама политическая конструкция современной «объединенной Европы». И весьма актуальным становится возвращение к идеям, которые первоначально отвергли первоначальные зодчие «европейского проекта».

Кризис общеевропейской идентичности, рост национализма и актуализация значения национальных государств, усиливающееся давление «инокультурных» и «антисистемных» элементов, — все это делает актуальным сегодня политическое наследие «новых правых». Речь идет о достаточно пестрой и условно структурированной группе консервативных европейских интеллектуалов, объединенных общей идеей¹⁵⁵.

В историческом смысле «новые правые» — широкая группа философов, социологов, историков, писателей и других представителей западно-европейской интеллигенции, активно выступивших в начале 1970-х гг. во Франции. А. де Бенуа, Ш. Бресоль, П. Виаль, М. Мармен, А. Гобар критиковали состояние «европейских дел» на рубеже 1960-1970-х гг.¹⁵⁶.

Ставшая их ядром и организационной формой т.н. «Группа по изучению европейской цивилизации», которая по начальным буквам французского названия звучит как «GRECE» (ГРЕСЕ), на рубеже XX в. достигала 500 человек. Большинство в группе составляла естественнонаучная интеллигенция (ибо в составе движения было много ученых-

Xavier de Guibert, 2004; Kohler-Koch B. *Regionen als Handlungseinheiten in der europäischen Politik* // Welttrends. – 1996. – S. 7-35.

152 Verhofstadt G. *De Verenigde Staten van Europa* (“United States of Europe”). – Brussels, 2005.

153 Münkler, H. (2005). *Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten*. – Berlin: Rowohlt, 2005.

154 Beck U., Grande E. *Das kosmopolitische Europa*. – Frankfurt: Suhrkamp, 2004. – S.

155 См.: Дугин А. Основы геополитики. – М., 2000. – С. 137–149, 515–526.

156 См.: Кеpeci Б. Неоконсерватизм и «новые правые». — М., 1986.

естественников), писатели (Ж. Ануй, Ж. Жано и М. Жуано) и бывшие видные политики (бывший голлистский министр М. Понятовский, сын В. Жискара д'Эстэна и др., а также Ж. Эрсан, бывший в годы Второй мировой войны соратником маршала Петэна). В 1970–1990-е гг. группа издавала на французском и итальянском языках журнал «Элеман», а также «Фигаро-магазин». Вокруг этого журнала были сгруппированы большое число консервативных объединений и клубов на местах. Наряду с «Элеман», другой видный идеолог новых правых А. де Бенуа издавал в эти годы журнал «Эколь нувель», который патронировался международным общественным советом, в который входил ряд видных европейских интеллектуалов.

Однако, как казалось, мощный идейный всплеск рубежа 1960–1970-х остался уделом узкой группы интеллектуалов, и не нашел для себя массовой аудитории и социально-политической базы, которую в те же 1960–1970-е гг. обрели идеи таких леворадикальных «гуру», как Г. Маркузе и Ж.-П. Сартр. После тяжелого поражения на последних президентских выборах во Франции едва ли не последнего «великого праворадикала» Ж.-М. Ле Пена можно говорить о политическом закате «новой правой», истоки которой восходят к последней трети XX века.

Однако история, развивающаяся циклически, сделала на новом витке исторической спирали невостребованные идеи «новых правых» весьма и весьма актуальными. И причиной тому — новое (и как никогда острое) обострение «вечно актуальных» европейских проблем, акцентированных еще Ф. Ницше и О. Шпенглером — проблемы ценностей и общеевропейской идентичности, от которых существенным образом зависит «содержательное наполнение» европейской политики, без которого безнадежно «повисают» в воздухе любые самые эффективные институты, механизмы и масштабные проекты. В чем же состоит обозначенная выше параллель?

Движение современных «обновленных правых» (к числу которых автор склонен относить президента Франции Н. Саркози и его союзников по «правящей партии»), вызвано к жизни целым рядом проблем, сходных, по сути, с проблемами, существовавшими в Европе в период складывания движения «новых правых». Утрата чувства «исторического лидерства», наиболее распространенное в 1960–1970-е годы в бывших «великих державах», таких, как Франция, Германия, Италия, послужило основой для возрождения европейской идеи, основное предназначение которой состояло в противопоставлении двум сверхдержавам, СССР и США, мощной и независимой единой Европы. В современных условиях геополитическое давление США с одной стороны, и опасение неуправляемости вследствие интеграции

ряда бывших членов «соцлагеря» с их проамериканской ориентацией и не вполне обоснованными амбициями (среди которых особенно выделяется Польша, принятая в ЕС «по протекции» и активно стремившаяся блокировать проходящую сегодня реформу конституционно-правовых механизмов ЕС).

Наряду с этим, движение «обновленных правых» стало реакцией на активизацию левого движения 1960–1970-е гг., силу и мощь которого в полной мере продемонстрировали майские события 1968 года во Франции. Следует упомянуть и недавние выступления жителей парижских пригородов и студенчества, а также последние акции антиглобалистов в связи со встречей «Большой восьмерки» в Хайлигендамме. Немаловажным фактором было также многолетнее идеологическое доминирование «умеренно левых» и приверженцев «попустительского либерализма». Активизация леворадикалов и других «антисистемных» элементов стали толчком для новых правых.

Наконец, следует вспомнить, что одной из причин формирования движения «новых правых» стало разочарование в традиционных правых. Это были либералы и голлисты — весьма напоминающие своей аморфностью и «гипертолерантностью» Ж. Ширака и поддерживающую его часть «голлистской партии», неспособные защитить европейскую цивилизацию от агрессии со стороны «враждебных сил». Вследствие чего некоторое число сторонников тогдашних традиционных правых и «крайне правых» к концу 1960-х — началу 1970-х гг. начинает постепенно отходить от присущих этому направлению традиционных форм и идеологических постулатов. Саркози и его «Союз за народное движение» перешли такой «Рубикон», заимствовав целый ряд идей у «великого и ужасного» Ле Пена и его Национального фронта. Причем речь, в данном случае, идет не просто об использовании лозунгов конкурента, но о выдвижении консервативной программы, способной консолидировать вокруг президента и его команды «консервативное большинство»¹⁵⁷.

Ключевыми ориентирами такой программы, как уже говорилось ранее, является укрепление национального государства и его институтов, консолидация французского «политического класса» (по крайней мере, его умеренно-правой составляющей), воссоздание утраченного единства нации, усиление «силовой составляющей» государства и нейтрализация влияния «антисистемных элементов», модернизация экономики с уменьшением масштабов постепенно изжившего себя «французского социалистического государства»¹⁵⁸.

Однако «консервативный откат» не может ограничиться только

157 См.: Perrineau P. Présidentielle 2007. Les leçons d'une victoire: M. Sarkozy est parvenu à réunifier les droites françaises // Le Monde. – 2007. – 8 juin.

158 См.: Le Boucher E. Réussir la rupture // Le Monde. – 2007. – 30 mai.

определенными социально-экономическими и политико-административными инновациями, но требует изменений именно в сфере идеологии — как в отдельных странах ЕС, так и в масштабах всей «объединенной Европы». Пока же формирование «обновленных правых» проявляет себя в Европе только как тенденция, стоит сравнить идейные платформы сегодняшних «поправевших» либералов и «новых правых» 1960–1970-х годов.

Так, «новые правые» резко отличались от традиционных французских правых — монархистов (Ш. Моррас), католиков (наподобие де Ш. Голля и Ж.- М. Ле Пена), германофобов, шовинистов (наподобие ОАС), антикоммунистов, консерваторов (голлистского типа) — практически по всем основным пунктам. «Новые правые» являлись сторонниками «органической демократии», германофилами и модернистами (защитниками современного индустриального общества и т.д.). Идейный разрыв между Саркози и его сторонниками в составе «Союза за народное движение» с потускневшими «голлистами» Ширака не столь очевиден, но также присутствует. Вместо толерантности, мультикультурализма и «попустительской демократии» шираковских времен приходит модель «функциональной демократии», предполагающей усиление начал государственности, национальной идентичности и принуждение основных субъектов общественно-политической жизни «играть по правилам».

«Новые правые» осуществили масштабную ревизию содержания и роли ключевых политических идеологий XX века. Они отвергали марксистский социализм и коммунизм, а также «утопии равенства», которые, по их мнению, начиная с 18 в. приобретали все большее влияние. Они выступали против Руссо и всех тех его последователей вплоть до К. Леви-Стросса, которые говорили о природе человека и его «естественном состоянии». Другим объектом их критики являлся К. Маркс, теория которого, по мнению членов клуба, противоречит факторам, вытекающим из природы человека, а также его свободе, являющейся единственной чертой, отличающей человека от животного мира. Социалистические доктрины, как считали сторонники «Клуба часов», опираются на положения, которые они называют «железным треугольником»: преувеличение роли среды, идея равенства и утопизм. Для «обновленных правых», как можно предположить, ревизия идеологических оснований французской государственности впереди, — хотя очевидно, что без такой ревизии «лево-просвещенческих» оснований политической и социально-экономической систем Франции невозможно вылечить ни «французские болезни», не построить прочные и эффективные механизмы для объединенной Европы.

Характерно и решительное отмежевание «новых правых» от обви-

нений в неофашизме и связи с идеологией «Третьего рейха». В своем памятном интервью 1979 г. западногерманскому журналу «Шпигель» А. де Бенуа заявил, что «новые правые» «не являются неонацистами, что это не дань новой моде, а движение молодого поколения интеллигенции, направленное против старшего поколения». Помимо этого, Бенуа не относит себя ни к традиционалистам, ни к монархической партии, ни к бонапартистам — т.е. он отмежевывается от традиционных правых, либералов и консерваторов («Мы хотим сформировать новое мышление, в центре которого стоит идея элиты»).

«Обновленные» европейские правые в лице Саркози также стремятся, отмежевавшись от крайностей «лепеновского» толка, отстаивать идею качественной элиты — полноценного политического класса, способного вывести из кризиса как национальные государства, так и вдохнуть новые смысл и содержание в «общеевропейский» проект.

Дискуссия 1979 г., когда против «новых правых» одновременно выступили и левые марксисты, и правые либералы-жискардисты, заставила их более четко сформулировать их идеологические приоритеты. Ряд ключевых пунктов их доктрины весьма созвучен основным идейно-теоретическим положениям, которые сегодня пытаются формулировать «обновленные правые».

1. Европейская культура, экономическая и социально-политическая системы переживают глубокий кризис (осознание этого кризиса — одна из причин, приведших к успеху Саркози на президентских и «Союза за народное движение» — на парламентских выборах).

2. Причины этого кризиса следует искать в деятельности не столько «новых левых», сколько «старых правых» (т.е. «правых либералов»), которые оказались неспособными создать новые культурные ценности (идеологию) и объединить на их основе общество.

3. Причины этой неспособности «правлящего класса» коренятся в основаниях самой европейской культуры, зараженной духом нигилизма и подавляющей творческие силы народов и отдельных личностей;

4. Необходимо разработать новую идеологию, которые должны вывести из кризиса Европу и европейскую культуру, акцентируя ее культурные и политические истоки (та же задача ревизии либерального «европроекта» стоит сегодня и перед «обновленными правыми»);

5. «Новые правые» стремились защищать элитизм, «право на отличие», но лишь в рамках культуры, а не на основе расовой теории (таким же образом Саркози и его сторонники во Франции пытаются защитить французскую культуру, историю и идентичность, не переводя вопрос на «расово-антропологические» рельсы, в конце концов — защитить свою страну и государство).

6. «Новые правые» выступали против экономизма, провозглашая автономию или даже примат политики над другими сферами жизни общества (значение политической составляющей также акцентируется современными французскими «обновленными правыми», которые преодолевают «экономизм» Ширака и Ко, едва не заведший в тупик Пятую республику).

7. «Новые правые» осуждали направления, провозглашающие «конец истории», считают подобные направления враждебными интересам Европы и ее цивилизации (одним из ключевых мессиджей предвыборной программы Саркози как раз и являлось преодоление «эсхатологических» ожиданий «конца» Франции, ее культуры и истории под натиском «антисистемных элементов»).

И хотя движение «обновленных правых» в Европе проявляет себя только как тенденция, оно политически востребовано и имеет определенную перспективу, от которой во многом зависит будущее не только Германии или Франции, но и всего «европейского проекта». Современные дискуссии, связанные с критическим пересмотром оснований «европейского проекта», а также с переосмыслением такого феномена, как мультикультурализм, делают принятие во внимание «критических рефлексий» европейских «новых правых» необходимым.

Как представляется, многое будет зависеть в сложившейся ситуации «европейского кризиса» от позиции стран «Старой Европы», взявших сегодня на себя ответственность за дальнейшую судьбу «общеевропейского проекта» - и прежде всего Германии и Франции. И прежде всего - от их способности найти новые ценностные основания для качественного обновления общеевропейского проекта, предложить и сформировать новые политические и социально-экономические механизмы, которые бы сделали интеграцию различных государств в общеевропейское политическое, правовое и культурное пространства естественной и менее конфликтной. Для чего, на наш взгляд, необходима «консервативная рефлексия» со стороны европейских национальных элит, способная обеспечить «ценностное» и политическое наполнение европейского единства, не сводя его только к социально-экономическим и «техническим» проблемам. Для этого, как представляется, необходим возврат на современном историческом витке к понимаемой в современном ключе модели «Европы ста государств и ста флагов», то есть союза, разделяющего общие ценности и уважающего суверенитет отдельных национальных государств, и принимающего во внимание их историческое своеобразие. **Без чего, в конечном итоге, едва ли будут успешными любые общеевропейские экономические и политические проекты, а равно и преодоление «системного кризиса», который переживает ныне Объединенная Европа.**

Правительство «еврозоны» и судьбы французского суверенитета

На фоне прояснения ситуации с окончательным отказом официального Парижа от продажи России авианосцев «Мистраль», визита группы французских депутатов в Крым и проверок в отношении торговой сети «Ашан» отошли в сторону другие не менее значимые политические темы.

В последние недели продолжалась дискуссия о предложении французского президента Франсуа Олланда по созданию общеевропейского правительства. Данная инициатива, по его словам, нацелена на то, чтобы «восстановить веру граждан ЕС в европейский проект, который был ослаблен греческим кризисом». Предполагается, в частности, создать «правительство зоны евро со специальным бюджетом, а также парламент с целью демократического контроля».

Сама эта инициатива может быть истолкована в более глубоком контексте развития франко-германских отношений. Можно вспомнить выдвинутую еще в XIX веке инициативу Эрнеста Ренана о создании «общеевропейской федерации» с целью устранения угрозы войны между Германией и Францией. Можно вспомнить и грезы Виктора Гюго о «концерте» европейских наций, что означало бы избежание войн, торжество мира и начал справедливости.

Однако следует оставаться на почве политического реализма. Неслучайно, что Николя Саркози, проигравший Олланду в упорной борьбе на президентских выборах 2012 года и планирующий снова баллотироваться в 2017 году, выразил скептицизм в отношении идеи о создании еврокабинета. Саркози, в частности, заявил, что сегодня «нет нужды в еще одном парламенте». По мнению французского экс-президента, вместо этого есть потребность в «скоординированной экономической политике, а также в экономической политике самой Франции, которая не должна противоречить экономической политике других стран зоны евро». Официальный Берлин также пока не проявляет особого энтузиазма в отношении парижских инициатив.

Внешне предложение Олланда выглядит вполне логично – как продолжение партнерства Германии и Франции, которое, хоть и переживало кризисы, но в то же время уже несколько раз проявлялось в критические моменты: при заключении стабилизационного пакта Меркель-Саркози в 2011 году, перед заключением «Минских соглашений» и перед согласованием нового финансового плана «спасения Греции» чуть более месяца назад. Поэтому внешне инициатива Олланда выглядит как плечо, подставленное Германии, вынуж-

денной сегодня в одиночку тянуть бремя по спасению «зоны евро».

Однако отношения «двух моторов» ЕС складываются сегодня не столь безоблачно, как кажется. Подтверждением тому - недавнее резонансное заявление германского министра финансов Вольфганга Шойбле, который, будучи впечатлен «греческим кризисом», недавно публично призвал «заставить французов проводить реформы» и «навести порядок» в собственных финансах. Последнее едва ли возможно с учетом названных выше причин. В то же время, на иных условиях Германия едва ли согласится на «стратегическое партнерство» с Парижем, Олланд и его команда находились в поиске решения. Решение в итоге было найдено в виде упомянутой выше декларации о создании «правительства еврозоны». Каков же его действительный политический смысл?

Для официального Парижа в заявлении Олланда прежде всего выражено стремление компенсировать внутриэкономическую слабость политической активностью, как уже было при Саркози, выдвинувшего целый ряд подобных инициатив.

Кроме того, в этой декларации проявилось и намерение французского руководства сыграть на опережение – ибо тандем Германии и Франции, несмотря на ряд недавних совместных инициатив, трещит по швам из-за прогрессирующего ослабления французской стороны. Последняя, несмотря на активные усилия последних лет, сумела добиться лишь экономического роста в пределах математической погрешности, который сопровождается снижением инвестиционной активности и сохранением высоких показателей безработицы (свыше 10%). Предпосылок для экономического прорыва во Франции очевидно не наблюдается.

Наконец, декларация Олланда – не то иное, как признание факта неудавшейся социально-экономической модернизации страны с переносом ответственности за социальную политику на уровень ЕС. Поскольку в масштабах самой Франции социалисты не могут осуществить ни модернизацию экономики, ни глубокую реформу социальной политики (что чревато политическими издержками для партии), ни сохранить социальную сферу в прежнем состоянии (поскольку нет необходимых для этого экономических ресурсов).

Положение правящей команды социалистов казалось тупиковым, но выход в итоге был найден. Олланд соглашается на плавный демонтаж экономического суверенитета в обмен на политические гарантии, касающиеся прежде всего «левого» сегмента французского политического истеблишмента и связанного с ним крупного бизнеса, ориентированного на него как на Президента Республики.

Социальные проблемы Франции, таким образом, переносятся на уровень ЕС, а прочность «зоны евро» на некоторое время считается вполне обеспеченной. На таких условиях можно поддержать и проект по «финансовому оздоровлению» Греции, несмотря на его очевидную антисоциальную направленность и малоперспективность. В свою очередь, проект еврозоны в интересах не граждан, но крупных корпораций, нацеленных на успех в глобальной конкуренции в рамках предполагаемой трансатлантической зоны свободной торговли, получает полную поддержку от французских «левых» («умеренно правые» поддержали его ранее).

Демонтаж политического наследия де Голля при этом входит в свою завершающую фазу, в чем заинтересованы как «умеренно правые», так и социалисты. Что же идет ему на смену? Следует помнить, что голлизм, положенный в основу Пятой Республики – не единственный политический проект, существующий во Франции. В свое время Жан Моннэ, один из архитекторов нынешней «единой Европы», заявлял о необходимости интеграции Франции в атлантистские структуры – по причине ее политической и экономической несамодостаточности. Все последующие французские лидеры – от Жискара д'Эстена до Миттерана и от Ширака до Саркози – осуществляли плавный, но последовательный демонтаж голлистского проекта вместе с его принципами национального суверенитета, национального величия и национального единства Франции. На сегодняшний день во Франции, за исключением стремящегося перейти на «системные» рельсы Национального фронта Марин Ле Пен, отсутствует политическая сила, способная противостоять этому консенсусу «умеренно правых» и «умеренно левых» в отношении судеб Пятой Республики. В то же время, политически отказавшаяся от себя Франция едва ли сможет быть надежным партнером не только для находящейся под санкциями России, но и для Германии; от этого, в конечном итоге, проиграет и «объединенная Европа». Подобный закат некогда великой страны будет выглядеть крайне печально. Остается лишь дожидаться реакции на эти начинания французского общества, переживающего состояние глубокого разочарования в собственной политической элите и политической системе.

Используемая литература

1. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по философии истории. - СПб: Наука, 1993. - 480 с.
2. Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. - М.:Наука, 1977. - 705 с.
3. Дюверже М. Политические партии / Пер. с франц. - М.: Академический Проект, 2000. - 538 с.
4. Дугин А. Основы геополитики. - М., 2000. - 928 с.
5. Кепеци Б. Неоконсерватизм и «новые правые». — М., 1986. - 143 с.
- 6.Токвиль А. Старый порядок и революция. - М., 1997. - 365 с.
7. Фихте И.-Г. Замкнутое торговое государство // Соч. в 2-х томах. - М.,1993.
8. Фихте И.-Г. Речи к немецкой нации. - М., 2009. - 349 с.
9. Allemann F.-R. Bonn ist nicht Weimar. - Köln, 1956. - 439 s.
10. Annen N. Zu kurz gesprungen // WeltTrends. - Nr.86. - 2012. - September/October. - S. 111-113.
11. Arndt E. M. Staat und Vaterland: eine Auswahl aus seinen politischen Schriften. - München, 1921. - 175 s.
12. Beck U. Der kosmopolitische Staat. Staatenbildung neu denken - eine realistische Utopie // Spiegel. - 2001. - 5 oktober.
13. Beck U. L'Allemagne et la banalité du bien // Le Monde. - 2002. - 15 août.
14. Beck U., Grande E. Das kosmopolitische Europa. - Frankfurt: Suhrkamp, 2004. - 420 s.
15. Beck U. Das deutsche Europa. Neue Machtlandschaften im Zeichen der Krise. - Berlin: Suhrkamp, 2012. - 80 s.
16. Bohsem G. Der gelehrige Neuling // Sueddeutsche Zeitung. - 2009. - 5. August. - S. 16.
17. Bollman Y. Ca que veut Allemagne. - Paris: Bartillat, 2003. - 161 s.
18. Brandt P., Ammon H. Patriotismus von Links // Venohr W. (Hrsg.). Die deutsche Einheit kommt bestimmt. - Bergisch-Gladbach 1982. - S. 119-159.
19. Gauchon P. Geopolitique de la France. — Paris, 2011. - 189 p.
20. Gehrcke W. Doch die Verhaeltnisse, die sind nicht so... // WeltTrends. - Nr.87. - 2012. - November/December. - S. 97-99.
21. Giblin B. La région, territoires politiques. Le Nord-Pas-de-Calais. - Paris: Fayard, 1990. - 448 p.
22. Giscard d'Estaing V. Les francais. Reflections sur le destin d'un peuple. - P., 2000. - 341 p.
23. Glotz P. Deutsch-böhmische Kleinigkeiten oder: Abgerissene Gedanken über Mitteleuropa // Die Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte. -

1986. – Nr. 7. – S. 575-588.

24. Grant Ch. Europa tanzt nach Deutschland Pfeife // Welttrends – 2011. – N 76. – S. 142-143.

25. Groß J. Stabilität im Chaos: deutsche Strategie im 21. Jahrhundert. Baden-Baden, 1998. – 148 s.

26. Cassen B. Ressurrection de la «Constitution» européenne // Le Monde diplomatique. – 2007. – № 54. – P. 8.

27. Chauprade A. Géopolitique: Constantes et changements dans l'histoire. – Paris, 2007. – 1104 p.

28. Crome E. Deutschland in Europa // Welttrends. – N 86. – 2012. – September/October. – S. 59-68.

29. Crozier M. La société bloquée. – Paris: Editions du Seuil, 1970. – 351 p.

30. Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770 – 1990. – München, 1993. –

31. Deubel J. Wir lassen uns nicht erpressen // Berliner Zeitung. – 2007/2008. – № 304. – S. 7.

32. Dempsey J. Merkel says her coalition can promise few reforms // International Herald Tribune. – 2008. – 16 January.

33. Ebeling F. Geopolitik. Karl Haushofer und Raumwissenschaft. – Berlin, 1994. –

34. Habermas J. Ach, Europa. – Frankfurt am Main, 2008. – 150 s.

35. Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. – Berlin: Vowinckel Verlag, 1928. – 349 s.

36. Herzinger R. Erst flüssige Demokratie. Dann überflüssig // Die Welt. – 2012. – 10 Oktober. – S. 8.

37. Hillard P. Minorités et régionalismes dans l'Europe fédérale des régions, sous-titre : Enquête sur le plan allemand qui va bouleverser l'Europe. – Paris: Éditions François-Xavier de Guibert, 2004. – 421 p.

38. Hillgruber A. Ein Pfad und drei Holzwege: was Amerika in der deutschen Frage falsch gemacht hat // Deutschland-Archiv. – 1984. – Nr. 4. – S. 368-376.

39. Howard M. Die Ostdeutschen als ethnische Gruppe? // Berliner Debatte INITIAL. – 1995. – Heft 4/5. – S. 119-131.

40. Hujer E. Schluss mit der Heuchelei. Deutschland ist eine Grossmacht. – Hamburg: Korber-Stiftung, 2007. – 105 s.

41. Kaina V. Kollektive Identität und Vertrauen in Europa // Welttrends. – 2007. – N 54. – S. 85-98.

42. Kellner M. Die fälligen Debatte // WeltTrends. – Nr.86. – 2012. – September/October. – S. 111-113.

43. Kohl G. Die Präambel des Grundgesetzes aus der Sicht der CDU //

- Das Wiedervereinigung gibt des Grundgesetzes. – Bonn, 1989. – S. 13-20.
44. Kohler-Koch B. Regionen als Handlungseinheiten in der europaischen Politik // Welttrends. – 1996. – S. 7-35.
45. Kundnani H. Paradoxon Deutschland: eine geoökonomische Macht in der Zwickmühle // Internationale Politik. – 2011. – N 6. – S. 62-67.
46. Lacoste Y. Für eine neue und umfassende Konzeption der Geopolitik // Welttrends. – 1994. – Nr. 4. – S. 21-24.
47. Lacoste Y. La géopolitique et le géographe. Entretiens avec Pascal Lorot. – Paris: Choiseul éditions, 2010. – 268 p.
48. Lemaître F. Allemagne: le SPD, laboratoire de la gauche européenne // Le Monde. Geo&Politique. – 2013. – 23 Mai. – P. 4.
49. Lemaître F. Les sociaux-démocrates allemands attaquent Angela Merkel sur l'Europe // Le Monde. – 2013. – 17 Mai. – P. 4.
50. Leparmentier A. Merkiavel va nous sauver de Merkel // Le Monde. – 2013. – 15 Mai.
51. Leparmentier A. Envie de rien, besoin d'Europe // Le Monde. – 2013. – 23 Mai.
52. Le rapport Attali veut accélérer la mutation de la France // Le Monde. – 2008. – 21 janvier.
53. List F. Um deutsche Wirklichkeit. Seine Schriften in Auswahl. - Stuttgart: Kroner, 1938.
54. M. Hollande : dix conditions pour sortir le PS de ses querelles // Le Monde. – 2008. - 30 mai.
55. Morin E. Penser l'Europe. – Paris: Gallimard, 1990. – 147 p.
56. Muetzernich R. Linksnationalistisch und antieuropaeisch // Welt-Trends. – Nr.87. – 2012. – November/December. – S. 100-103.
57. Münkler H. Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. – Berlin: Rowohlt, 2005. – 336 s.
58. Paoletti M. Decentraliser d'accord, démocratiser d'abord. – P.: La Decouverte, 2004. – 152 p.
59. Ratzel F. Politische Geographie. - Oldenbourg – München - Berlin, 1897. – 715 s.
60. Ratzel F. Die geographischen Bedingungen und Geetze des Verkehrs und der Seestrategie Geographish Zeitschrift. - 1903. - Nr 9. – S. 489-513.
61. Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? – Paris, 1997. – 47 p.
62. Ribhegge W. Preußen im Westen. Kampf um den Parlamentarismus in Rheinland und Westfalen 1789-1947. - Münster (Aschendorff), 2007. – 840 s.
63. Roth A.-L. Neuer Bundestag: Wer kommt, wer bleibt, wer geht // Der Spiegel. – 2013. – 22 october.

64. Sachs M. Deutscher Foederalismus und europaeische Integration // Hirscher G. (Hrsg.). Die Zukunft des des kooperativen Foederalismus in Deutschland. – Bayreuth: Hans Seidel Stiftung, 1991. – S. 167-172.

65. Saint-Paul P. Le nouveau tandem franco-allemand // Revue de la Presse. – 2011. – Decembre. – P. 3.

66. Schmidt H. Die Deutschen und ihre Nachbarn. – Berlin, 1990. – 486 s.

67. Schmitt K. Staat, Grossraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916-1969. – Berlin: Duncker & Humblot, 1995. – 668 s.

68. Schmoeckel M. Die Grossraumtheorie. - Berlin: Duncker & Humblot, 1994. – 310 s.

69. Schönberger Ch. Hegemon wider Willen // Merkur 752. – Januar 2012. – S. 1.

70. Schulze H. Weimar. Deutschland 1919-1933. – Berlin, 1982. – 310 s.

71. Sprengel R. Französische Geopolitik in Bonn // Welttrends. – 1994. – Nr. 4. – S. 179-181.

72. Stroobants J.-P. Quel projet pour la social-démocratie? // Le Monde. Geo&Politique. – 2013. – 23 Mai. – P. 5.

73. Tandonnet M. La France, Republique ou monarchie? // <http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/2015/08/12/31005-20150812ARTFIG00194-la-france-republique-ou-mon...>

74. Fritz-Vannahme J. Fuer die Vereinigten Staaten von Europa // Spotlight Europe. – 2012. – März. – S.1.

75. Ulrich B. Wofür Deutschland Krieg führen darf. Und muss - Eine Streitschrift. - Reinbek, Rowohlt Verlag, 2011. – 192 s.

76. Verhofstadt G. De Verenigde Staten van Europa («United States of Europe»). – Brussels, 2005.

77. Wilms J. Napoleon III. Frankreich letzter Kaiser. – Muenchen: Beck, 2008. – 304 p.

78. Wollf-Poweska A. Chancen und Risiken der Mittellage der Deutschen // Welttrends. – 1994. – Nr 4. – S. 48.

**Бирюков С.В.
Рябова Е.Л.**

ГЕРМАНИЯ И ФРАНЦИЯ В ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЕ

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: 8 (495) 708-3000

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен

Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»

Отпечатано в типографии

Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Дизайн и верстка Т.А. Брик

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60х90/16. Тираж экз. 500 Усл. п. л. 16,375

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка(по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 708-30-00
e-mail: etnosocium@mail.ru